

66546.

2 тома.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМЕНИ КАПИТАНА

УЪЗНАГО УЧИЛИЩА

Хронол. Катал. № 254

Систем. Катал. № 7

2

ПРОВЕРЕНО
1958 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ

ПО

СИБИРИ И ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

I.

1908
J. 807

НА ТЕЛЕГРАФЕ

ИЛИ

ОБЩЕМЪ И ЧАСТНОМЪ СВЯЗЕ

1

66546.

Атлас.

ПУТЕШЕСТВИЕ

✓

ПО

91 (98)

СЪВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г., ЭКСПЕДИЦИЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БОРОДИНА И К^О.

1841.

00000

Д. Кутора

ПЕЧАТНИЦА

В

СВЯТЫМЪ СЛОВАМЪ СВЯТЫМЪ

И

НО ЛЕГКОМУ ПОРЮ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
февраля 10 дня, 1840 года.

Цензоръ С. Кутора.

ПЕЧАТНИЦА

ПЕЧАТНИЦА

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1840

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЪСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ГЕНЕРАЛЪ - АДМИРАЛУ,

всепреданнѣйше приносить

Сочинитель.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Не многія путешествія, совершенныя Русскими мореплавателями, обращали на себя широкое всеобщее, Европейское вниманіе, какъ предлагаемое читателямъ *путешествіе* Е. П. г-на Коншрь-Адмирала *Фердинанда Петровича Фонъ-Врангеля*, совершенное имъ въ чинъ лейтенанта флота, съ 1820-го по 1824 годъ. По Высочайшему повелѣнію препоручено ему было начальство надъ экспедиціею, осмопрѣвшею берега *Ледовитаго моря* отъ Индигирки до залива Колючинскаго на пространствѣ 35° разности долготы; при чемъ совершены продолжительныя поѣздки по льду въ удаленіи отъ береговъ слишкомъ на 250 верстъ, для опысканія предполагаемой на сѣверъ неизвѣстной земли, когда другая экспедиція, подъ началь-

спвомъ флота лейтенанта Анжу (нынѣ капитанъ 1-го ранга), осмошрѣла въ поже время изъ успья Яны острова: Кошельный, Оадевскій, Новую Сибирь и берегъ Сибири опъ Индигирки до Оленека. — Переведенное съ Русской рукописи нашего путешественника на Нѣмецкій языкъ г-мъ Энгельгардпомъ путешешствіе г-на Врангеля было издано въ прошедшемъ году, въ Берлинѣ, подѣ смощрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣснаго Германскаго географа Ришера (Reise des Kaiserlich russischen Flotten Lieutenants Ferdinand v. Wrangel längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, in den Jahren 1820 bis 1824. Nach den handschriftlichen Journalen und Notizen bearbeitet von G. Engelhardt, Staatsrath. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter Dr. und Professor. Berlin, 1839). Въ нынѣшнемъ году, съ Нѣмецкаго перевода переведено оно было на Англійскій языкъ супругою извѣснаго ученаго Брипанскаго путешештвенника, маіора Сабина, который самъ и былъ издашелемъ Англійскаго перевода (Narrative of an Expedition to the Polare sea, in the years 1820 — 1824, comm. by lieut., now admiral, F. v. Wrangel, edit. by Major Edw. Sabine etc. London, J Modden and C. 1840, in 8), и Англійская публика почтила его такимъ вниманіемъ, что *первое изданіе* книги немедленно разошлось и уже печашаешся *второе*, а между шѣмъ съ пер-

ваго изданія книга переводится на Французскій языкъ.

Такое лестное для народнаго честолюбія нашего вниманіе пославляешъ издашеля въ обязанность объясниться о томъ, почему Русскій подлинникъ путешествія выходилъ въ свѣтъ послѣ Нѣмецкаго и Англійскаго переводовъ? Знаменитый путешественникъ нашъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ 1824 году, назначенъ былъ командиромъ военнаго шлюпа *Кроткій*, на которомъ совершилъ плаваніе вокругъ свѣта въ 1825 — 27 годахъ; возвращаясь изъ сего вояжа, привелъ онъ въ надлежащій порядокъ журналъ и записки, веденныя во время путешествія по сѣверной Сибири и Ледовитому морю, и составленное имъ описаніе представилъ на разсмотрѣніе Адмиралу Василю Михайловичу Головнину. Вскорѣ попомъ г. Врангель принялъ на себя званіе правителя нашихъ Русскихъ колоній въ сѣверо-западной Америкѣ, и только въ 1836 году возвратился въ Россію. Въ его описаніе, нашъ флотъ и государство лишились знаменитаго Головнина; рукопись г. Врангеля была забыта, доколѣ не обратился на нее своего вниманія просвѣщенный Предѣшатель Ученаго Комитета Морскаго Министерства, Е. П.

Логинъ Ивановичъ Голенищевъ - Кушуровъ, которъй распорядился о печашаніи ея. Между пѣмъ рукопись была переведена на Нѣмецкій языкъ Спашскимъ Совѣшникомъ Е. А. Энгельгардпомъ, съ нѣкопорыми прошивъ подлинника измѣненіями, которыя состояли главнѣйше въ томъ, что опредѣленныя особо замѣтки по части Геогнозіи введены переводчикомъ въ самый разсказъ событій, а описаніе р. Колымы и ея жипелей, дополнено замѣчаніями, разбросанными въ разныхъ главахъ подлинника. Измѣненія Нѣмецкаго переложенія одобрены были г. Врангелемъ, которъй, желая ввести ихъ и въ Русскомъ изданіи, просилъ о прекращеніи печашанія, начавшагося на счетъ Ученаго Комитета. Въ 1858 году г-нъ Врангель препоручилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣнной рукописи, когда въ тоже время Императорская Академія Наукъ приняла на свое иждивеніе печашаніе особеннаго *прибавленія* къ путешествію, содержащаго въ себѣ рисунки и опредѣльныя ученія спашьи. Къ печашанію мною было тогда же приступлено, но медленность въ печашаніи попомъ произошла отъ шаяжкой болѣзни и другихъ лишературныхъ занятій Н. А. Полеваго, котораго просилъ я принять на себя надзоръ за печашаніемъ рукописи. Издавая теперь Русскій подлинникъ, спѣшимъ удо-

всплывишь непрерывное ожиданіе общественнои публики.

Въ *прибавленіи*, которое, какъ сказано выше, издается Академією Наукъ, кромѣ собранія литографированныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ *сѣверныхъ сіяній и льдовъ Ледовитаго моря*, помѣщены замѣчанія о полярныхъ льдахъ и различныхъ явленіяхъ Ледовитаго моря, сѣверныхъ сіяніяхъ, въпрахъ въ сѣверной Сибири, ѣздѣ на собакахъ, топографическій очеркъ возвращающаго пуши въ Якутскъ изъ Средне-Колымска, собраніе словъ Чуванскаго и Омокскаго языковъ, метеорологическія, термометрическія и магнетическія наблюденія, географическія опредѣленія широты и долготы мѣстъ, и проч. Изображенія сѣверныхъ сіяній рисованы были съ натурь, карандашемъ, г. Машюшкинымъ, соупшникомъ г. Врангеля, а перерисованы и раскрашены стараніемъ знаменитаго Академика Парропа.

Надобно ли прибавлять что нибудь о важности и любопытности издаваемаго нами путешествія, когда оно заслужило уже столь великое вниманіе даже и иностранцевъ? Общественная публика, конечно, оцѣнитъ вполне труды нашего путешественника, чепыре лучшіе года жизни посвятившаго исполненію возложеннаго на него просвѣщеннымъ Правитель-

спвомъ порученія и пользѣ науки, и шѣмъ поспавившаго имя свое наряду съ именами Парри, Россовъ и Франклиновъ, не щадившихъ ничего при исполненіи экспедицій, распротранившихъ географическія свѣдѣнія наши на ледяныя шпраны сѣвера, и ознаменовавшихъ подвигамн на славу Отечества и для чести науки безкорыстное самоопроверженіе, доспойное памяни современниковъ и потомства.

А. Смирдинъ.

ГЛАВА I.

Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года. Состояніе картъ въ то время. — Назначеніе отряда къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири.

Обширное пространство земнаго шара, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Вся покушенія мореплавателей другихъ народовъ проникнуть Ледовитымъ моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ моремъ, на востокъ меридіаномъ мыса Сѣвернаго; непреодолимья препятствія, останавливавшія иностранцовъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолѣны нашими море-

ходцами; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всеми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россією Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоценною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія Правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цель ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ и собрать съ нихъ подать (называемую *ясакъ*) звѣриными кожами; потомъ Правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обзорніе послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Океана, отъ Карскаго моря до Берингова пролива, не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джакмана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; плаванія адмирала Ная, въ 1594-мъ году, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, что въ Карскомъ морѣ; плаванія семи судовъ, въ 1595 году, подъ начальствомъ того же Ная, еще съ меньшимъ успѣхомъ, не-

жели въ первомъ путешествіи; покушенія Босмана, въ 1625-мъ году, остановленнаго льдами почти при самомъ вступленіи въ Карское море. Сими предпріятіями весьма мало пріобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ морѣ, и даже самыя предѣлы его остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго моря до рѣки Оби были уже извѣстны Россіянамъ. Ладьи ихъ (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда они совершали сей путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда черезъ волокъ между Карскимъ моремъ и Обскою губою, входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское море, поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мъ сутокъ и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда и перетаскивали черезъ перешеекъ, шириною около 200 сажень, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую губу рѣка Зеленая. Сею рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби, моремъ, продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль, а изъ Оби въ Енисей 2, или 3 недѣли*.

Сибирская лѣтопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдовъ, въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Θεодора Иоанновича, отправленнымъ нарочно для сего изъ

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, часть I, стр. 76.

Тобольска Феодоромъ Дьяковымъ. Для надежнѣйшаго распространенія и утвержденія въ Сибири Россійскихъ владѣній заложень, въ 1600 году, при Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, въ земль Самовдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазея, перенесенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки, неустойчивые въ собираніи ясака съ кочевавшихъ Самовдовъ, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханкою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, доставили первыя подробныя объ ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ были новыя предпріятія.

Въ томъ же году составилось въ Мангазеѣ общество изъ купцовъ и промышленниковъ; съ двоякою цѣлью открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскъ, гдѣ построивъ кочи*, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять пять недѣль на мѣсть, доколь южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйдти въ море. Извѣстно, что они достигли устья р. Пясиды**, но о дальнѣйшихъ успѣ-

* *Кочи*, суда плоскодонныя, въ длину около 12-ти сажень, соразмѣрной ширины, съ одного палубою, ходили греблею, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Сія рѣка достопамятна тѣмъ, что некогда вся низовая

хажь сего предпріятія нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Направленіе рѣкъ Тунгуски и Вилюя, которыя имѣютъ вершины свои на одномъ хребтѣ, и вливаются, первая въ Енисей, послѣдняя въ Лену, привело казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ важному открытію величественной рѣки Лены.

Дѣятельнымъ Сибирскимъ воеводамъ и предпріимчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ, движимымъ и славолюбіемъ и корыстью, сіе новое обрѣтеніе было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лену, казацкій десятникъ, Енисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть всю рѣку, въ Ледовитое море впадающія, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жителей. Буза, съ десятью казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человекъ промышленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *промышленныхъ*; вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ одніи сутки, Ледовитымъ моремъ, пришелъ къ устью рѣки Оленека, и продолжая путь вверхъ по сей рѣкѣ, зимоваль у Тунгусовъ, съ которыхъ собралъ ясакъ. Весною Буза пустился съ своимъ страна р. Енисей называлась ся именемъ. Слово: *Плосида*, на Самодскомъ языкѣ, означаетъ ровную, безълесную землю, тундру.— Смotr. *Сибирскій Вѣстникъ* на 1821-й годъ.

отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ онъ путь къ Ледовитому морю, вошелъ въ него по десятидневномъ плаваніи, и черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ сею рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ онъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ясакъ.

На Янѣ Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году пошелъ внизъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ясакъ и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вошелъ съ моря въ рѣку Яну, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье и оставилъ въ семъ мѣстѣ 16-ть казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое море, и простирая онымъ путь далье, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазѣ.

Неизвѣстно, какимъ путемъ и къмъ открыта рѣка Колыма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ о сей рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, переимено-

ванное послѣ въ острогъ. Стадухинъ доставилъ извѣстіе о воинственномъ Чукотскомъ народѣ, и объ одномъ *большомъ островѣ* на Ледовитомъ морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкъ Яны и Колымы находится островъ, усматриваемый съ матераго берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочьей (впадающей въ Ледовитое море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день переѣзжаютъ на оленяхъ на сей островъ, гдѣ промышляютъ моржею, возвращаясь съ добытыми моржевными головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ *Погыль*, или *Ковыль*, будто бы впадающей въ Ледовитое море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтрѣ.

Послѣдовавшія путешествія, частію опровергли сказанія сей женщины; островъ, который описывали Стадухину обширнѣйшимъ, является на нашихъ картахъ маленькимъ *Крестовскимъ* островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ острововъ; онъ виднѣнъ съ матераго берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочьей доѣзжаютъ до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исаи Игнатьева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между нимъ и матерымъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двое сутокъ сряду. Вошедъ въ губу, окру-

женную двумя скалами материка, увидѣли на берегу Чукчей, и вымѣняли у нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ сей новой промышленности, и можетъ быть, не довѣряя Чукчамъ, коихъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ до котораго именно мѣста доходилъ Игнатъевъ; однакожь, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунъ, въ заливцѣ противъ острова Араутана, гдѣ берегъ дѣйствительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но привыкшимъ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было услышать о народѣ въ ихъ сосѣдствѣ, еще независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ, чтобы побудиться къ предпріятію поисковъ въ неизвѣстныя мѣста, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостинной сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государевъ въ Нижне-Колымскѣ прикащикъ далъ имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимаемомъ путешествіи пользы казенной. Сей казакъ былъ Семень Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сотовариществовать Колмогорцеву, тотъ самый, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверо-восточную оконечность Азіи.

Въ Юнѣ 1647 года, съ устья Колымы, на четырехъ кочахъ, отправились они въ море; предположили отыскать рѣку *Анадырь*, о которой слышали, будто она впадаетъ въ Ледовитое море, но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстія, доставленные въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымскаго острога, казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, объ островъ на Ледовитомъ морѣ и о рѣкѣ Погычъ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію сего казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Юнѣ 1647 года, зимоваль при рѣкѣ Янъ, и въ исходѣ зимы 1648 года переѣхаль на партахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочь, на которомъ вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, пошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погычи; одинъ кочь разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ, подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ ней отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутаго каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу; путешественники, крайне нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно

опредѣлить до какого мѣста Стадухинъ доходилъ, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не безпрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій мысъ, восточнѣе коего берега, большею частію, утесисты, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева и его спутниковъ ни сколько не охладила ихъ рвенія; напротивъ, число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 году, снарядили семь кочей*, для отысканія рѣки Анадыра. Неизвѣстно, что случилось съ четырьмя кочами**; на остальныхъ трехъ кочахъ

* Хотя Бурней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается назвать Дежнева судовъ кочами, не находя сего наименованія въ выпискѣ Кокса, изъ подлинныхъ отписей Дежнева (Coxe's Account of Russian Discoveries, p. 378), и выводитъ слово *коча* отъ Англійскаго *ketch*, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ, однакожъ я думаю, что не отступило отъ истины называя кочами всѣ суда, на коихъ Сибирскіе наши мореходцы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 373, въ замѣчаніи говоритъ: «кочи не необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень въ длину); довольно того, когда они видъ судна имѣютъ.»

** Бурней, въ Chronological History, стр. 63, говоритъ, что 4 коча разбились на островъ къ северу отъ Козьмы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ сіе свидѣніе. Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть I, стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородатыхъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хеуверенъ, говоритъ, что извѣстіе сіе последовало отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневымъ, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1824-й годъ,

были начальниками Семень Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а надъ промышленниками вышеупомянутый Федотъ Алексеевъ.

Дежневъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ, что обѣщаль привезти съ рѣки Анадыра семь сороковъ соболей, «сіе золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго домогались не только казаки и промышленники, но многіе изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ избиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждая ихъ на отважныя предпріятія, не ознаменовывалась безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцовъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежнева исполнились, но не такъ легко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Іюнь мѣсяць, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ не будетъ совершенно подобнаго плаванія. Дежневу и его отважнымъ спутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

сказано, что островъ Котельный (противъ рѣки Яны) населенъ такими бородатыми людьми, но вывъ известно, что островъ сей необитаемъ, да и весьма невѣроятно, чтобы упоминаемые четыре коча туда занесло.

Сожаленія достойно, что не все происшествія сего знаменитаго предпріятія описаны. — Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случалось на морѣ; онъ ни слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вѣроятно, и не встрѣчалъ, ибо въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинаетъ онъ отъ большаго Чукотскаго носа. Сей мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между сѣверомъ и сѣверовостокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго носа, втекаетъ въ море рѣчка *Становье*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самага мыса лежатъ два острова, на которыхъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ три сутки, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Святымъ*, и для Дежнева особеннаго примѣчанія былъ достоинъ потому, что кочь Анкудинова на томъ мѣстѣ разбился, и нѣсколько жителей взято въ плѣнь, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи плаванія Дежнева не упомянуто ни о губѣ Чаунь, ни о Колочинскомъ островѣ, ни о другихъ

примѣтныхъ мѣстахъ, которыя должны быть усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова пролива; однакожь описаніе большаго Чукотскаго носа, его заворотъ къ сторонѣ рѣки Анадыря, близость двухъ острововъ, дикари съ прорзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками изъ моржевыхъ зубовъ, все служитъ доказательствомъ, что Дежневъ говоритъ о восточной оконечности Азіи, и что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-ть лѣтъ послѣ него достигъ мореплаватель нашъ Берингъ, коему приписана честь обрѣтенія сего пролива и разрѣшенія вопроса о несоединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ: *Святой Носъ*, конечно тотъ, который нынѣ называютъ Шелагскимъ мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку сей мысъ наиболѣе примѣтенъ по отличительной высотѣ и протяженію.

Бурней *, стараясь доказать вѣроятіе соединенія Азіи и Америки, посредствомъ воображаемаго имъ перешейка около Шелагскаго мыса, прибѣгаетъ къ различнымъ страннымъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ, а въ *шитикль* **, который расшивали на одной

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** *Шитикали* въ Сибири называютъ довольно большія лодки, у коихъ низъ выдолбленъ изъ одного дерева, а къ бокамъ пришиты доски ивовыми прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должно парить, чтобы доставить имъ нужную гибкость, и Бурней обманывается, говоря о шитикахъ: it was customary to

сторонъ перешейка, и по переносъ составныхъ частей его на другую сторону, сшивали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ вовсе не обгибать Шелагскаго мыса. Бурней въ доказательство приводитъ путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку: будучи не въ состояніи обойти большой Чукотскій носъ, онъ оставилъ свое судно, и перешелъ пѣшкомъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ себѣ судно. — При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большею вѣроятностію полагать можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ поперекъ сей земли тамъ, гдѣ заливъ Колочинскій, вдаваясь далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Нынѣ известно, что къ северу весь берегъ Сибири омывается моремъ, а потому, мы не имѣемъ никакого права оспаривать у Дежнева чести совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, темъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыра въ Колыму идти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его сопутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочѣ Герасима Анкудинова, перенбрались на остальные два коча Семена Дежнева

construct vessels in a manner that admitted of thir being with case taken to pieces, by which they could be carried acoross the ice to the outer edge, and there be put thogeter again, p. 69.

и Федота Алексеева. 20-го Сентября на берегу дрались съ Чукчами и Федотъ Алексеевъ былъ раненъ. Вскорь послѣ того буря разлучила оба коча и они уже болѣе не соединились. — Кочъ Дежнева долго несло крепкими вѣтрами по морю, наконецъ, въ Октябрь мѣсяцъ, выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыра, вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Федотомъ Алексеевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю человекъ, немедленно отправился пѣшкомъ, для провѣданія рѣки Анадыра, отнюдь не отчаяваясь достигнуть предположенной цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде, какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлѣсную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитаніе, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшились отправить вверхъ по Анадыру 12-ть человекъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, болышею частію отъ голода и изнеможенія умерли; остальные принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или двѣ (ихъ было почти 20-ть человекъ), изъ выкиднаго лѣса, котораго въ Сибири около устьевъ рѣкъ всегда множество.

счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшихся *Анаулами*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться о томъ, какъ перейти на Колыму, или послать о себѣ увѣдомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія Михайла Стадухина къ отысканію рѣки Погычи, узнали, что названіе оной Анадырь, что устья ея не по сѣверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ, чрезъ которыя провести ихъ взялись плѣнные *Ходынцы*, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки Анюя.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и промышленниковъ, получившихъ дозволеніе идти къ Анадыру и объяснить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семень Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взялъ на Анюѣ одного старшину изъ Ходынцовъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырь съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. Михайло Стадухинъ * пошелъ въ слѣдъ за Моторой, провелъ семь недѣль въ пути, обо-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадухинъ отправился моремъ. См. Миллера, *Nachrichten von Seereisen*, p. 15.

шелъ стороною зимовье Дежнева, и двѣствоваль отъ него отдѣльно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухинымъ, готовились перейти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто ихъ пошелъ туда Стадухинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмѣль*, на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое пріобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсъ для построения коча, на которомъ предполагалъ отправиться въ Якутскъ, моремъ, собранный имъ ясакъ, но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мѣли, на которой было много моржей, и взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно при-

* *Корга*, на Сибирскомъ нарѣчій.

бывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышлять моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мѣль, названную Анадырскою коргою, будто бы ими найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ донесеніяхъ къ Якутскому Воеводѣ разныя обстоятельства своего путешествія, которыя, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ коргъ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексеевымъ; она сказала ему, что Ѳедотъ и Герасимъ (Анкудиновъ) отъ цыгги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала. — Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ, живши нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ сего нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-ть лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ имъ откры-

той и частию покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну, или сдѣлался жертвою своей смѣлости, не находимъ извѣстiя въ сочиненiи историографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанiя путешествiя нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ. Прозимовавъ въ Жиганскѣ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтрами, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленiи благополучнаго вѣтра, отправился онъ, подъ парусами, въ Омолоеву губу, гдѣ встрѣтилъ льды, между конми кочъ его былъ 8 дней, и немало повредился. Приблизясь къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двое сутокъ пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣлъ, что море ото льда, какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омолоеву губу; но къ несчастiю, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали идти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшихъ казакамъ и

*

промышленникамъ, готовыхъ выступить въ море. Когда настала вѣтеръ съ берега и море очистились ото льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омолоевой губѣ, въ которой былъ также наносный ледъ; сквозь него пробивались не безъ затрудненій. На другой сторонѣ губы находится островъ; протокомъ между симъ островомъ и берегомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то время протокъ былъ совершенно затертъ льдомъ, осѣвшимъ на дно моря; путешественники съ усиліемъ разломали ледъ и вывели свои кочи; въ семь мѣстъ встрѣтили еще 4 коча, которые шли съ Колымы на Индигирку.

Юля 15-го, по выходѣ кочей изъ протока, настала попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ однѣ сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять они встрѣтили столько льду, что могли быть раздавлены, ежели бы по отлогости морскаго берега, препятствующаго большимъ льдинамъ приближаться къ нему, не оставался для нихъ свободный путь. Слѣдуя подлѣ берега, они благополучно миновали Святой мысъ, который, по сѣверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ мореплаватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плаваніе кочей, особливо когда отъ ночныхъ морозовъ намерзалъ новый ледъ, которымъ 30-го Августа покрылось все море; тогда пять кочей находились недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Предприм-

чивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ; но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полпядени, подулъ съ берега жестокой вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько человекъ, чтобы узнать, какъ ближе подойти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ѣзды, бывшій съ ними кочъ казака Андрея Горьлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на сей кочъ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ моръ прибыла вода и ледъ изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скорѣе. Черезъ пять дней вѣтеръ утихъ, и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченія столькихъ бѣдствій, сопутники Булдакова были въ отчаяніи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взявъ каждый изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдовавшаго ихъ несчастія. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощію шестовъ и веревокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну

послѣ другой, разбивало льдомъ. Напослѣдокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Индигирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по ней до Уяндинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзней и трудовъ и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его начальникомъ острога на Колыму посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностію освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ морѣ. Милмеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованіи сего острова, и говоритъ, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколь наконецъ, въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская Канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ морями. Слѣдующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годами, служивый Никифоръ Мальгинъ, съ торговымъ человекомъ Андреемъ Воропаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены на Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частию подлѣ берега; потомъ, по причинѣ примкнувшася къ берегу льда, держали мористѣе. На семь пути, бывшій съ ними ко-

чевщикъ Родіонъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сю сторону Колымы, вдали, островъ, который они всѣ видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ сему острову, и посланные на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человекъ Тарасъ Стадучинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человекъ, на кочѣ, ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойти не могли, а перешли на другую сторону его пѣшкомъ, и построивъ кочъ, шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжины.

Нѣкто Михайло Насѣткинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Даніилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ, противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Устьянскаго казака Якова Пермякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго носа островъ, и что противъ устья рѣки Колымы находится островъ, и на немъ есть горы, усматриваемыя съ материка берега.

Островъ, который видѣли Мамьгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насѣткинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермякова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Ляховскаго и Крестовскаго острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, а частію и достовѣрныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауернихта произвестъ о семъ изысканіе съ возможною подробностію, особенно, когда, въ 1711 году, Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на новую землю, что островъ противъ р. Колымы, и удержались-де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлить не изволь.»

Трауернихтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой въ Колыму; имъ предписали обозрѣть Ледовитое море, лѣтомъ или зимою, и невозвращаться, доколѣ не разрѣшатъ вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, порученъ казаку Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Усть-Янска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и

держась берега до Святаго носа, пустился прямо на сѣверь. Они прїѣхали къ одному острову, на которомъ не было никакого лѣса; вокругъ него ѣзды 9, или 12 дней. Съ сего острова видѣли другой островъ, или землю, но за позднимъ временемъ, и по недостатку въ сѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ заготовить рыбу, и слѣдующею зимою опять выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ носомъ и рѣкою Хромою, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, почему оно прозвано *Катаевъ крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но неимѣя сѣстныхъ припасовъ, принуждены были вѣсть собакъ, на которыхъ ѣхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ яицами. Бывшіе съ Вагинымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Устьянскъ, убійцы скрыли преступленіе разными вымыслами, и объ островъ не упомянули ни слова. Положеніе перваго Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его, конечно, не соответствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весь-

ма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, воеводою Трауернихтомъ отправленный, состоялъ изъ 22 человекъ, на одномъ шитикѣ, * подъ управленіемъ казака Василья Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно, что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы, протянувшійся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, говоритъ о Шелагскомъ мысѣ, который предшественники его называли Святымъ носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныя отправленія казаковъ Алексѣя Маркова и Григорья Кузякова. Первому велѣно идти въ море съ устья Колымы, и ежели увидитъ, что шитики неудобны, дозволено построить другія суда. Каждому дано было по одному матросу, изъ присланныхъ Княземъ Гагаринымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по пріѣздѣ въ Устьянское зимовье, послалъ, 2 Февраля 1715 года, въ Якутскъ донести, что на Святомъ морѣ льдомъ и зимою

* Шитики того времени были длиною въ 5 сажень, шириною въ 2 сажени, съ налубою, плоскодонные, конопачены мхомъ; вмѣсто веревокъ и канатовъ, на шитикахъ употребляли ремни лосиные; паруса бывали ровдужные, якоря деревянные, съ навязанными камнями. Нынѣ шитиками называютъ беспалубныя большія рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители попятія не имѣютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

всегда стоитъ ледь, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ; онъ отправился 15-го Марта, взявъ 9 человекъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Устьянское зимовье, и привезъ извѣстіе, что ѣхалъ по морю, прямо на сѣверъ, семеро сутокъ, съ самою большею, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли, какъ высокіе холмы, всходилъ на оныя и вдали не усмотрѣлъ никакого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду издыхали и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней непрерывной ѣзды, Марковъ не могъ проѣхать болѣе 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; слѣдовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ изъ лежащихъ противъ устья рѣки Яны и Святаго носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузякова не отыскано никакихъ свѣдѣній, кромѣ слышаннаго Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузяковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было такъ же безуспѣшно, какъ и Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпріимчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Федотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до

устья Индигирки и далѣе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. Въмѣсто того, чтобы поиски начать съ Яны, или Индигирки, поѣхалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сей рѣки, Іюля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льда, что не рѣшился онъ продолжать пути далѣе.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подтвердилъ слухъ о помянутомъ островѣ, рассказывая, что въ Ноябрь 1720 года, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьемъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочей по льду на тотъ островъ, или землю, но за непрерывными вѣтрами и туманомъ они не могли ѣхать вдаль, почему и не знаютъ, твердая ли то была земля, или островъ, и есть ли на немъ жители и растетъ ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онѣ принадлежатъ. Землю сію, при ясной погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святаго носа до меридіана рѣки Яны съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы и далѣе, до жилищъ Шелаговъ, поколѣніе Чукчей. Вилегинъ заключалъ такъ по расска-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Іюля 13-го; сіе последнее согласіе съ показаніемъ Амосова, что въ море несло ледъ.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ нашелъ тутъ лѣсъ, но у Миллера того нѣтъ.

замъ какаго-то Коная, изъ племени Шелаговъ, и полагаемъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочьей и Индигирки невозможно, по причинѣ множества льда, но противъ жилищъ Шалаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ сей стороны.

Амосовъ, утврдясь на семь мѣнѣи, пошелъ моремъ подлѣ берега къ жилищу Коная, котораго достигъ 7 го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, но даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова вхаты на нартахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую Воеводскую Канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Ноября 3-го 1724 года, нашель я на морѣ островъ, или землю, и оттуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣль старыя земляныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди, и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корма для собакъ не достало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и провѣдывать. Путь по льду былъ весьма труденъ, потому что море замерзло не гладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ *.»

* Описанія сихъ путешествій, и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ,

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ его путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстѣ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшого острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли, между рѣками Чукочьей и Алазеею, ѣзды до открытаго Амосовымъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семь островъ горы немалой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служащій для нихъ пищею мохъ растеть по всему острову.

Обрѣтенія Вилегина и Амосова одно и тоже. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша, вѣроятно, объ усмотрѣнной противъ Яны землѣ (1-й Ляховскій островъ), вообразилъ, что сіи двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадея (около двухъ сотъ верстѣ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ сего мѣста къ сѣверу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстѣ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго мыса, съ ко-

завмствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, а поправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ Миллера.

торыми въ 1822 году мы имѣли сношенія, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, хотя и не скрывали отъ насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстѣ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, и въ 300 верстахъ отъ жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ быть, Копая и Вилегину то было известно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго устья, и о большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣнъ Вилегинимъ. Не должно-ли заключить, что сіи-то четыре острова и приняты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхностному обозрѣнію сѣверныхъ береговъ Сибири, которые отъ Карскаго моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половины столѣтія открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Вся путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ нѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ разсказовъ.

Казацкій полковникъ Шестаковъ, пріѣхавшій въ 1726 году изъ сѣверной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижѣ географы Де-

лиль и Бюашъ. На сей картъ островъ Копай назначенъ на разстоянїи двухъ-дневной ѣзды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противоположащими сему острову рѣками Кольмою и Алазеею; на картъ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шелагами. За нимъ къ сѣверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоитъ онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный переездъ (слѣдовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли).

Противъ сѣверовосточной оконечности Азїи, на востокъ, означенъ большой островъ, съ слѣдующею надписью: «Островъ противъ Анадырскаго носа; на немъ многолюдно и всякаго звѣря довольно; дани не платятъ; живутъ своею властію.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій мысъ непримѣтны.

Другая карта, попавшаяся историографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Ивановъ Львовымъ. На сей картъ изображены два носа. Крайній, къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ носомъ, или Восточнымъ мысомъ, названъ Шелагскимъ и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ перваго, названъ Анадырскимъ носомъ, и между сими двумя мысами, въ обширной губѣ, положенъ островъ, обитаемый Чукчами, а противъ Анадырскаго носа назначены два острова, одинъ

другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега ъзды водою полдня. На немъ обитають люди, коихъ Чукчи называють Ахьюохлаять. Они говорятъ особымъ языкомъ; платье носятъ изъ утиныхъ кожъ; питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней ъзды водою. Жители онаго называются по Чухотски Пеекели. Они щеки пронимають и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носятъ изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображена большая земля, съ надписью: «Чукчами именуется Кичинъ-Элять. Сіи говорятъ особливимъ языкомъ; платье носятъ соболье; живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучной. Звѣри въ нихъ водятся всякіе, коихъ кожи употребляють на платье. Лѣсъ тамъ растеть ельникъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На сей картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорятъ языкомъ особливимъ. На бою весьма жестоки и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ полонъ попадетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на сихъ картахъ, составленныхъ

въ Якутскѣ самоучками-географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго Носа отъ восточной оконечности Азіи и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ последнему мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагскій его мысъ на сѣверъ неограниченнымъ, и тѣмъ изъясняли сомнѣніе о плаваніи Дежнева; но должно замѣтить, что оно не было извѣстно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый нашелъ свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ Большой Землѣ, за островами противъ Анадырскаго Носа, мы узнаемъ сѣверо-западный берегъ Америки, и Большая Земля противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того берега на сѣверъ. Предположеніе наше объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Въ 1711 году, Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырскаго острога ѣздилъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ Носа, по обѣимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ морѣ, виднѣнъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами,» и проч. Потомъ го-

ворится о берегъ, простирающемся южнѣе и сѣвернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ моремъ часть Океана къ сѣверу отъ Чукотскаго полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ его Анадырскимъ моремъ. Восточную часть Чукотскаго полуострова, следовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ сего весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что извѣстный географъ Делиль перенесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены: островъ противъ Колымскаго устья, въ широтѣ 73° , а за нимъ, въ широтѣ 75° , Большая земля, будто бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго князя Копаю; но въ означенномъ году ѣздилъ Амосовъ къ Копаю и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельному разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ о сихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить несостоятельность географіи сѣверо-восточной Азіи, и

находитъ незначашіе острова, или чистое море, тамъ, гдѣ въ началѣ вѣснадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опознаніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго моря до Берингова пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ моремъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска, два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ, до устья Енисея, одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставя главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совѣту мореходцовъ того края построили два коча, Экспедиціонъ и Обь, длиною въ 52½ фута, шириною въ 14 футовъ, глубиною въ 8 футовъ. Экипажъ каждого судна состоялъ изъ 20 человекъ; командирами определены лейтенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Іюля 1734 года, достигли Мутнаго залива (въ

Карскомъ морѣ) и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Юнѣ мѣсяцѣ 1735 года вышли опять въ море, прошли недалеко, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть желаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала построить у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оныя подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Малыгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочъ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ; 29-го, противъ устья, льдомъ кочъ разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправя немедленно другой, бывшій съ нимъ кочъ Обь, Малыгинъ отправился въ путь 17-го Юля. Превозмогая чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣлъ на первый боть, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочъ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семь же году, въ Юль и Августъ мѣся-

цахъ, геодезистъ Селифонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской губы, и переехавъ на карбасъ къ острову Бялому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому морю, для описи матераго берега и острова Бялаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Объ Въ началъ Юня 1737 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается ото льда не прежде половины Юля, то Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробить на мѣсть до 1-го Юля. Въ половинѣ Юня показалась между служителями цынготная болѣзнь, которую однакожь успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ*.

Въ 3-го Юля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Юля усмотрѣли островъ Бялый, и 24-го легли на якорь въ проливъ, отдѣляющемъ островъ отъ матераго берега. Широту опредѣлили $73^{\circ} 8'$. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многимъ сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч., воз-

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, стр. 87.

вышеніе воды $1\frac{1}{2}$ ф. Пролівъ усянь мѣлями, между коими бѣвають сильныя спорныя теченія. Противныя вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ семь проливъ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самоѣдами Ямалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, гдѣ и зимовали; служителей помѣстили въ Березовъ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С. Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытавъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ-Коллегіею. Дубель-шлюпка была длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами; вооружена, какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 человекъ; сверхъ того іеромонахъ, штурманъ и геодезистъ*.

* Помѣщаемое здѣсь описаніе путешествій лейтенантовъ Малыгина, Овцына, Прончищева, Лаптева, и штурмановъ Челюскина и Минина, заимствовано мною частью изъ Записокъ бывшаго Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, на 1820 годъ; довольно значительныя ошибки и пропуски, въ семь изъ

15-го Мая 1734 года, по сѣверенномъ изготовленіи дубель-шлюпки Тоболь, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагруженныхъ провіантомъ и морскою провизіею. Тобольскій губернаторъ Плещеевъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессеры Академіи Наукъ, находившіеся при Камчатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-ть дней, онъ шелъ внизъ по Иртышу, миновалъ многія Русскія деревни и Остяцкія юрты; 24-го Мая остановился на короткое время при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, называемой Самаховскій Ямъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе, внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюня пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющейсѣ у него командѣ. Черезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, послѣднему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина больше, вышелъ въ губу 19-го Іюля. Въ сіе время, отъ сильнаго и крѣпкаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломали; изъ влеченій, мною замѣченные, исправлены и пополнены изъ подлинныхъ журналовъ.

лбса построили на берегу магазинъ, и выгрузили въ него провiантъ и прочiе припасы. При этомъ мѣсть семь озеръ, почему и назвали оное Семиозернымъ. Широта по наблюденiямъ найдена $66^{\circ} 36'$.

Оставя караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подлѣ праваго берега Обской губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтеръ-офицера и семь человекъ служителей, впередъ къ Ледовитому морю, для поставленiя при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встрѣчи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствию отъ противныхъ вѣтровъ и мѣлей, между коими надлежало искать фарватера, Овцынъ шель впередъ по Обской губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту $70^{\circ} 4'$, и опасаясь пускаться далѣе, по приближавшейся осени и наставшимъ морозамъ, рѣшился идти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ нему 4 Сентября.

Во время плаванiя по Обской губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ, ея находилъ безлѣсныхъ тундренныхъ мѣста, и землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданiя съ кочующими Самоѣдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюбку разружили и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Объ покрывась льдомъ.

Въ Ноябрь прiѣхали въ Обдорскъ съ запад-

ной стороны оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Ледовитаго моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустозерска на оленяхъ, для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣми Самоѣдами отправилъ въ Пустозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на ея устьѣ.

1735 года, Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Оби, но льдомъ принуждаемъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ Семозернымъ магазинамъ и взялъ оставленную прошедшаго года провизию. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской губѣ; 20-го ледъ взломало и фарватеръ началъ очищаться, но до 8-го Іюля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпкѣ вслѣдъ за льдомъ весьма медленно; въ то время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цынга, которая вскорѣ усилилась до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человекъ оставалось здоровыхъ только 17 человекъ. Овцынъ былъ также тяжело боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизіи, онъ, при помощи присланныхъ

къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшаль плаваніемъ, но пришель къ Тобольску не прежде 6-го Октября; въ сіе время по Иртышу уже несло ледъ и рѣка вскорь стала.

Чрезъ два мѣсяца по прибытіи въ Тобольскъ, Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и предстоявшихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему повелѣно будетъ на будущее лѣто идти въ Ледовитое море, то, по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспомошествованія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ почитаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія, находя представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Тобольскъ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на оный командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и положила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго моря. Овцынъ поспѣшилъ возвратиться въ Тобольскъ, взявъ съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе новаго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію лѣсовъ, и

Марта 11-го заложили палубный боть, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною въ $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни поспышали строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Tobольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семиозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около сего мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Обь вскрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцъ пріѣхали къ Обдорску оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезій ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Объ, пошли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби, 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ то время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на нее командиромъ мастера Кошелева, а самъ перешелъ на ботѣ.

29-го Іюня, оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семиозернымъ магазинамъ; взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ $72^{\circ} 46'$, у праваго берега Обской губы, близъ устья залива, называемаго Гыдыямъ, вдавагося внутрь берега къ юго-востоку на 160 верстѣ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой день мореплаватели вышли въ Ледовитое море; близъ устья Обской губы, въ широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3\frac{1}{2}$ мили, отлива на NO съ равною скоростью. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ сѣверу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, вы-

сокими буграми стоявшій лёдъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ семь мѣсть была 11 сажень; теченіе моря къ западу по $\frac{5}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SOTS, и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 сажень; грунтъ свѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи полумили, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на StO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботъ штурманъ Мининъ, который, къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшеннаго моремъ льса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундренная и нѣтъ никакого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медвѣдя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 10'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено, съ 7-го часа утра до полудня, $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣ-

веро-восточный мысъ, называемый Мате-Соль*, былъ отъ нихъ на OSO, въ $3\frac{1}{2}$ миляхъ. На семь мысъ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской губы къ востоку. Въ семь мѣсть вода горька и солона, цвѣта свѣтло-зеленаго; приливъ и отливъ N и S по $3\frac{1}{4}$ мили. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество лѣса, песомаго отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неравныя и обширныя мѣли простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль, къ SIO, вдался большой заливъ на 100 верстѣ, шириною до 35. Далѣе сѣго залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстѣ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытіемъ на лодкѣ геодезіи ученика Прянишникова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября, оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, на-

* Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть I-я стр. 124, ошибочно сказано, что сіе четвертое плаваніе Овцына было въ 1738 году, и что онъ тогда, обошедъ мысъ Ялмалъ, вошелъ въ рѣку Енисей; у Миллера также ошибка въ годъ, но мысъ называлась онъ *Мать-соль*. Мысъ Ялмалъ, какъ мы выше видѣли, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мать-Соль на Самоѣдскомъ языкѣ значитъ Тупой мысъ.

рочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Ширина сего мѣста найдена $71^{\circ} 31'$; склоненіе компаса $\frac{5}{4}$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеемъ; въ продолженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣвая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ отсталъ на нѣсколько верстъ, не могъ идти дальше, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованья, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое море, и стараться обойти Таймурскій мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію ненадежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ боть, на которомъ, Іюня 4-го, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго, каменнаго берега мысъ, назы-

ваемый Ефремовъ Камень, въ широтъ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтъ $72^{\circ} 53'$, на глубинъ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта его найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ сѣверу, вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтъ $73^{\circ} 8'$, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далье, за великими льдами, продолжать плаванія было невозможно. 22-го послали на ялботъ штурмана Стерлегова, подлѣ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройти; черезъ три дня посланный возвратился и донесъ, что онъ шелъ подлѣ самаго берега, между льдовъ, съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣлъ, что берегъ заворотился къ востоку и дальній мысъ впереди былъ тогда на $ONO \frac{1}{4} O$, въ 16 миляхъ. Идти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ ботъ былъ на якорь, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинъ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимоваль, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась.

Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ фарватеръ нашель онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Іюня, на боть, ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы заpastись провизіею, долженъ былъ ожидать ея до 31-го Іюля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, дошелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска, на собакахъ, посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у сѣверо-восточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 5'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 9'$, нашель склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и, какъ онъ говорить: «Надъ водою стоитъ паръ, яко дымъ». Продолжая опись вдоль берега на сѣверъ, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близь него лежащіе острова скалисты, до широты $75^{\circ} 13'$, въ которой находился Стерлеговъ Апрѣля 12-го. 14-го, на высокоомъ каменномъ мысѣ, въ широтѣ $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ.» Компаса склоненіе отъ праваго сѣвера (такъ говорить Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и неравное, и уповаемо, что въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ маг-

нитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны снѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ принужденъ пойти въ обратный путь, и остановился при устьѣ рѣки Пясины, въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изъ коихъ большая половина такъ истощали, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Іюня, на ботѣ, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Августа вышелъ въ Ледовитое море, и слѣдовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прощедъ острова сѣверо-восточные, терпѣлъ жестокой штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ, и 14-го Августа, для укрытія отъ волненія, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на якорѣ. Продолжая плаваніе, 16-го находился близъ устья рѣки Пясины, въ которое, по причинѣ мѣлей, войти не могъ. 17-го, осмотрѣлъ заливъ въ устьѣ сей рѣки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ; глубина $4\frac{1}{2}$ сажени; грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ $74^{\circ} 43'$, усмотрѣли за двумя островами закрытый заливъ. При благополучномъ вѣтрѣ, продолжая плаваніе на N, находили глубину 8 и 10 сажень, и вдругъ лотомъ недостали дна *.

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько сажень линия выпустили.

ротъ 75° 15', Мининъ встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналъ его сказано: «Отъ незнанія впереди положенія берега, къ прибъжищу отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна, принужденъ былъ поворотить назадъ». Время уже настало холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты 69° 40', гдѣ, 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудина остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мининъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставя ботъ Печталіонъ-Объ, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюбку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскѣ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Прончищевъ, которому предписано идти Ледовитымъ моремъ, отъ устья Лены на западъ, къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскѣ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласиніуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому морю, близъ береговъ, и старатся пройти Беринговымъ проливомъ въ Восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Іюня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровож-

даемья дощениками, на коихъ погружень былъ запасный провіантъ, съ другими разными потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты листовичнымъ и березовымъ лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промыщениковъ, ловившихъ рыбу; по всемъ симъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое море пятью рукавами, образуя черезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощеники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласиніусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ, не прежде 14-го направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кирылоль, Тумиты и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляются отъ матерой земли.

16-го Августа, Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льда, и потому, не удаляясь отъ вышепомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверо-западу,

на глубинѣ $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажень; 24-го, пришелъ къ западному устью рукава Лены, повернулъ на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приближась, 26-го числа сталъ на якорь и послалъ промѣривать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтнихъ промышленническихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множества льда, который бывшимъ тогда морозомъ скрѣпило, и рѣка стала.

5-го Октября отдымали для житья землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Широта сего мѣста по наблюденіямъ найдена $72^{\circ} 54'$. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ*.

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента выведена изъ показаннаго времени сокрытія солнца за горизонтъ широта мѣста $70^{\circ} 57'$, и по разности сей широты съ опредѣленною Прончищевымъ заключили, что сія послѣдняя опредѣлена не вѣрно. Основываясь на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Биллингсомъ $69^{\circ} 29'$, на $1^{\circ} 46'$ мѣнѣ означенной на прежнихъ картахъ Ледовитаго моря, выведено заключеніе, что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвернѣе настоящаго. Для опроверженія всего этого, нужно только замѣтить:

1. Широта устья Оленека на картѣ Прончищева $72^{\circ} 54'$.

— — — — — лейт. Анжу $72^{\circ} 57'$.

2. Широта (счислитель) маяка при устьѣ рѣки Колымы, Лаптевымъ $70^{\circ} 05'$.

Врангелемъ $69^{\circ} 55'$.

Съ наступленіемъ весны 1736 года, лейтенантъ Прончищевъ началъ готовить судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранѣе 21-го Іюня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Оленека, и Прончищевъ направилъ путь къ сѣверо-западу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, послалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; черезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го, Прончищевъ отправился далѣе къ сѣверу, вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный, и отъ него къ западу другой, утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень. Прончищевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣтъ ли жителей; посланные, вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнный шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ,

3. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, зимою и при таяніи снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ такъ велика и неравномѣрна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычисленія широты по времени сокращенія свѣтъ за горизонтомъ.

изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюдению высоты солнца, Августа 14-го находились въ широтъ $74^{\circ} 48'$; склонение компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на SW $2^{\circ} 44'$, въ 30 миляхъ.

17-го, увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирались далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающего, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видимы были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на юго-западъ. Море было наполнено буграми плавающего льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный, гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на юго-западъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мили.

Прошедъ сѣн острова, Прончищевъ держалъ къ сѣверу, дабы обойти сплошные, неломанные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели

наши полагали, что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперегъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробиваясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чаекъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоявшаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было никакихъ заплесковъ, но отъ него простирались въ море лдяныя закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медвѣди. 20-го Августа, около полуночи, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности идти далѣе, и потому, въ широтѣ сѣверной $77^{\circ} 29'$, Прончищевъ рѣшился, по совѣту своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и идти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покры-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18 Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а немного далѣе лотомъ дна не достали. Въ подлинномъ журналѣ Прончищева о томъ ничего не упомянуто.

** Прончищевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ сѣверо-восточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью лейт. Х. Лаптева и штурмана Челюскина.

лось льдомъ. Оставалось одно средство—пробираться назадъ греблею между льдовъ.

25-го, задулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаявались въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастью ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войти въ него не имѣли возможности, по множеству льда, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней назадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастливая супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ его путешествіи, лишилась нѣжно любимаго ею мужа, не перенесла такой потери; снѣдаемая печалью,

она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Іюля, вышелъ онъ на дубель-шлюбкѣ въ Ледовитое море, и предполагая, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился идти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ сей городъ, не нашелъ онъ тамъ командора Беринга, который былъ тогда въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ-Коллегія, по разсмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердись на его объясненіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюбкѣ, по Ледовитому морю обойти сѣверный Таймурскій мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать было бы невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на

дубель-шлюбку опредѣлень, вмѣсто лейтенанта Прончищева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г., лейтенантъ Лаптевъ, исправя дубель-шлюбку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Іюня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Ленъ; 20-го Іюля, вышедъ въ Ледовитое море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ высокаго лѣса маякъ, вышиною въ 7 сажень, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощаники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провіантъ, и на дубель-шлюбкѣ пошелъ къ западу вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжая путь между ними, миновалъ рѣку Оленекъ, потомъ губу, покрытую стоячимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію называлъ онъ Норд-вигъ; наконецъ, 6-го Августа, пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ семь мѣсть лейтенантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить изъ дубель-шлюбки часть провіанта, но окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, который принесло возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюбка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа; тогда перемѣнившійся вѣтеръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Фаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюбку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили ей путь.

21-го, остановясь на якорь подлѣ самаго мыса св. Фаддея, въ широтѣ $76^{\circ} 47'$ по счисленію, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два чело-вѣка посланы къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестеро на мысъ, для устройства на немъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовъй рогъ. «Мысъ св. Фаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мѣлкій камень, бѣлый, какъ алебастръ, вязкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ и простирающіяся отъ N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля сія была та самая, отъ которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NW близъ 10-ти миль, признавъ за послѣдній къ сѣверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился, не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посланный на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что

далѣе къ сѣверу губа и море покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣшилъ, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ семь мѣствъ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣствѣ; они не имѣютъ оленей, а вмѣсто ихъ, для зимней ѣзды, держатъ собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-шлюбки перебрался на берегъ, въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построенія жилищъ, а къ согрѣванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣскольку верствъ. Сіе безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отправилъ, 1740 года,

23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ, къ рѣкѣ Таймурѣ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Пясины. Тунгусы взялись везти Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились сопутствовать, но 9-го Апрѣля возвратились и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ, доѣхавъ до рѣки Таймуры, продолжалъ путь внизъ оной до морскаго берега, и потомъ вдоль онаго къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста, далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что сѣверный Таймурскій мысъ обойдти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ него сплошнаго неподвижнаго льда, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія и рѣшился идти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробиваться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюбку сжало льдами, выломилло форштевень, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня

безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизію на ледь, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семь бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предалися отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ полныя мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-шлюбки пошли нѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что оный находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали полыньи, черезъ которыя принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того продолжавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себя и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ ко-

торыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и прочую провизию, но 30-го, возставшимъ крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ взломало и унесло въ море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизии, оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая стужу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ твердостію, безъ роптанія, переносили свое несчастіе.

21-го Сентября, преграждавшія путь рѣки открылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизии, истощенныя собаки везли на нартахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, изнуренные 25-ти-дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогою 12-ти человекъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провести зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться со всею командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приготовленный въ магазинахъ провіантъ.

Въ данномъ ему наставленіи предписано было осмотреть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвести берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1741-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣлъ ему, выкормя собакъ и запасшись кормомъ у сидячихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, ѣхать на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на встрѣчу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурскаго, описать берегъ, неосмотрѣнный лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти нартахъ, провіанта и другихъ състныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ, на 60-ти оленьихъ санкахъ, команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ повхалъ, на 3-хъ нартахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстѣ. Отъ сего мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ верстѣ) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтова-

таго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины и въ 3 поперекъ, коей стѣны состоятъ изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по всѣмъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланные впередъ нарты съ провизіею; по наблюдению широта сего мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились черезъ тундру на востокъ, дабы выѣхать къ морскому берегу и оный описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставя запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непременно быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлили широту $75^{\circ} 33'$; 21-го пріѣхалъ къ скалистому мысу, гдѣ опредѣлили широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное; продолжалъ описывать берегъ, слѣдуя вдоль онаго по льду, который, по видимому, льдомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюдению, широта мѣста $76^{\circ} 38'$.

Проѣхавъ 3 версты къ SW, и удостовѣрясь, что направленіе берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ котораго, въ 17-ти верстахъ, пріѣхалъ къ

маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го, широта по наблюдению определена $76^{\circ} 23'$; въ семь мѣстъ нашли довольно много плавнику; на восточномъ берегу его не видно. 29-го, по наблюдению, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Юня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на немъ отлогія горы. 2-го Юня, лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ продолжалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жилие. Прибывъ къ оному Юня 10-го, определили широту мѣста $73^{\circ} 39'$ (на подлинной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ}.00'$ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Мининимъ, и въ лабазахъ оставлялъ съѣстные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилию, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ, за худостію собакъ, остался весновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибылъ 29-го Юля на устье рѣки Енисей, продолжалъ путь вверхъ рѣки, 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины пріѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ,

который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангъ, откуда прямымъ путемъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Дудина. 29-го Августа, всѣ прибыли въ городъ Мангазею, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса св. Фаддея, отправилъ, Декабря 4-го, штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазеи, на 5-ти же нартахъ, для произведенія описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазею Юля 16-го, не пріобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ пріѣхалъ къ мысу св. Фаддея Мая 1-го, и занимаясь описью берега, удостовѣрился, что мысъ св. Фаддея не есть самая сѣверная оконечность Азіи; однакожь, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюдений для опредѣленія широтъ, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи сего берега знаемъ токмо, что онъ омываемъ океаномъ, не соединяясь ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой сѣверной оконечности сего берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближнимъ Якутамъ, и 20-го Юля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазею.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всеми состоявшими

подъ его начальствомъ, отправился изъ Мангазеи вверхъ по рѣкѣ, производилъ опись ея до города Енисейска, куда прибылъ 27-го Августа, и потомъ поѣхалъ въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ путешествіи.

1735 года Августа 9-го, лейтенантъ Ласиніусъ, разставшись при устьѣ рѣки Лены съ лейтенантомъ Прочищевымъ, шелъ къ востоку; 13-го числа встрѣтилъ льды, между которыми съ великимъ трудомъ подвигался впередъ; 18-го Августа, видя невозможность продолжать путь далѣе, за множествомъ льда, принужденъ былъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, зайти въ рѣку Харіулахъ, отъ восточнаго устья Лены, называемаго Быковскимъ Протокомъ, въ 120 верстахъ, гдѣ и расположился зимовать.

Въ семь мѣстъ нашли много выкиднаго льса, и построили съ разными отдѣленіями избу, въ которой помѣстилась вся команда. Въ продолженіе зимы, отъ тѣсноты жилья и малаго движенія, всѣ подверглись цынготной болѣзни, и она къ веснѣ такъ усилилась, что большая часть изъ служителей, и самъ Ласиніусъ, умерли; осталось въ живыхъ, изъ 52 человекъ, только священникъ, подштурманъ и 7 матросовъ. Командоръ Берингъ, извѣстясь о смерти лейтенанта Ласиніуса и его сопутниковъ, послалъ изъ Якутска къ рѣкѣ Харіулахъ штурмана Щербина и 14 человекъ служителей; они пріѣхали къ мѣсту зимовки 4-го Іюня 1736 года, нашли всѣхъ остав-

шихся людей зараженными цынгою и къ службѣ неспособными, почему Щербинъ отправилъ ихъ въ Якутскъ. Между тѣмъ командоръ Берингъ, вмѣсто лейтенанта Ласиніуса, опредѣлилъ командиромъ на ботъ Иркутскъ лейтенанта Дмитрія Лаптева, который, со всеми подъ его начальство назначенными, изъ Якутска, на дощаникахъ, нагруженныхъ потребнымъ количествомъ провіанта, отправился внизъ рѣкою Леною. Когда вышелъ онъ въ Ледовитое море, непроходимые льды не позволили ему продолжать пути далѣе; онъ оставилъ у Быковского устья дощаники, и на легкихъ лодкахъ подлѣ берега пробирался между льдами къ рѣкѣ Харіулахъ, гдѣ находился ботъ. 18-го Іюня начали приготавливать его для предназначеннаго плаванія.

30-го, лейтенантъ Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, и для забранія съ оставленныхъ имъ дощаниковъ провіанта, направилъ путь къ устью Лены. По морю носило множество льда, между которымъ съ великимъ трудомъ пробрался онъ къ Быковскому устью; перегрузилъ съ дощаниковъ на ботъ провизию, и 11-го Августа отправился по Ледовитому морю на востокъ вдоль берега; два дня шель между льдовъ; на третій день ботъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами, которые, сдвинувшись, зажали его, такъ, что невозможно было управлять. Въ семъ положеніи ботъ носило по морю до 15-го Августа; тогда льды нѣсколько раздвинулись. Мореплаватели наши, видя невозможность продолжать путь да-

лье, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковского Протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мель. 27-го усмотрѣли по полярной звѣздѣ склоненіе компаса 3°. 00' восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба,» гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверху рѣки, по фарватеру, 5, 3, 2 сажени. 6-го Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена имъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движеніемъ, и декогтомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи и невозможности пройти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святаго, простирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около сихъ мысовъ сплошныя льды препятствовали идти далѣе. Якуты увѣряли, что льды никогда не относить отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, почитаетъ онъ тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шлюпкою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему сіе исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленѣ, на глубинѣ 4, 3 $\frac{1}{2}$ и 3-хъ сажень. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Беринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда произвести опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе сего Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ ботъ Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизіею, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Ленѣ; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посыланнй берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ,

укрываясь от носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлилъ по счисленію $71^{\circ} 42'$. Въ то время штурманъ Щербинъ ѣздилъ описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 мили, между N и NNO, отмѣль, примѣтную по стоящему на ней льду.

24-го, ботъ вышелъ въ море, пробираясь между мѣлей, которыми фарватеръ до острова Быковскаго весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейтенантъ Лаптевъ, 8-го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаптевымъ $71^{\circ} 55'$. Того же дня обошли отмѣль, и 11-го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ семь положеніи, наставшимъ жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на ботъ, но, къ счастью, огромнѣйшія льдины остановились на мѣли, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мѣлкій ледъ. Немногія льдины однакожь прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6 и 7 фут. глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плава-

ніе къ Святому Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 сажень.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штормъ, почему, опасаясь набѣжать на мѣль, положили якорь, а 15-го, по укрощеніи вѣтра, вступили опять въ путь; того же дня прошли Святой Носъ, положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ $72^{\circ} 50'$. Продолжая плаваніе къ О, имѣли глубины 18, 17, 13 сажень; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 сажень. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ *Меркурьевъ* на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомида, на NNW $\frac{1}{4}$ W, въ 3 $\frac{1}{2}$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го, западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно рассмотреть сего открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увѣрились въ обманъ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, подобныя которымъ

* Кажется, сіи два острова лежали въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не назначенъ, а Св. Діомида положенъ согласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что сіи острова нынѣ не существуютъ.

носились по морю во множествѣ и во всѣхъ направленіяхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорь, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталь штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ ботъ отстоялся на якорь; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣтя, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пушекъ частые призывные сигналы невозвращавшейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO наносило на ботъ много льда, для избѣжанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мѣлкимъ, однакожь и то не спасло ботъ отъ поврежденія форштевеня и самага борта, что съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лаптевъ послалъ штурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зи-

мованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ семь положеній дѣлали безпрерывные, но тщетные сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа настала жестокой вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать, ледъ изломало и ботъ понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 сажень, по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки, и утвердился въ NW четверти, приблизилъ ботъ къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно, на 12 футахъ, совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались идти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ въ шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на ботъ, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближняго рукава сей рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Такимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые от-

правились пѣшкомъ на берегъ , а 24-го числа и вся остальная команда перебралась съ бота въ Русское зимовье ; Якуты перевезли на собакахъ часть провизіи.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндякова, на нартахъ , описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мѣлкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмѣли простираются отъ него въ море, на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ предпринялъ спасти ботъ. Для того, со всею своею командою, разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Іюнь мѣсяцъ привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, $70^{\circ} 58'$; склоненіе компаса $7^{\circ}. 00'$ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, направля путь къ востоку вдоль берега. 2-го

Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашель по счисленію $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый Первымъ Медвѣжьимъ, къ которому подошли вполоть, имѣя $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Актонія*, и нашель по счисленію широту средины $71^{\circ} 00'$. Спѣша воспользоваться безледностію моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ устья *Средней Колымы*, остановился на якорѣ, пославъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давши о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плыль онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у Малаго Баранова Камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на *OSO*, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнаго прикрытія у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у Большаго Баранова Камня, остановлены льдянымъ полемъ, примкнувшимъ вполоть къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ *W*; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а прошедъ *Каменное* (холмъ на Мерхояновомъ островѣ) глубину нашили отъ 2 до 7 сажень. 24-го находились противъ Нижне-Колымскаго острога,

гдѣ тогда было 10 жилыхъ домовъ ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ, по обсервациіи, нашелъ широту острога $68^{\circ} 31'$, а 31-го числа наблюдение показало $68^{\circ} 34'$ широты ; склонение компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятие о точности наблюдений лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя симъ мореплавателемъ, съ наблюдениями новѣйшихъ обсерваторовъ :

	Лаптева. Въ 1823 г.	
Мысь Борго.....	$71^{\circ} 55'$	$71^{\circ} 56'$
« Святой Носъ.....	$72^{\circ} 50'$	$72^{\circ} 54'$
Нижне-Колымскій острогъ..	$68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$	$68^{\circ} 32'$

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большею удобностію полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Іюля, вышелъ онъ на боть въ Ледовитое море, и плылъ на востокъ ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ и промѣривать глубину ; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдетъ удобный проходъ между льдами для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ, при противныхъ большею частию вѣтрахъ, подвигался медленно впередъ ; 5-го Августа навалила на боть льдина, возвышавшаяся около 15 сажень надъ водою, и угрожавшая боту гибелью, но однакожь счастливо избѣгли опасности. Того же числа, находясь въ

30 миляхъ Итал. отъ Лаптевскаго маяка на Колымѣ, у высокаго каменнаго утеса, встрѣтили непроходимыя льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Колымскъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти Большаго Баранова Камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осмотрѣннаго симъ усерднымъ офицеромъ отъ рѣки Лены на 37° разности долготы.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись рѣки Анадыра, и увѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, черезъ горы и страну, обитаемую враждебными намъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымскаго, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ *Лобазнаго*, на Большомъ Анию, Ноября 4-го, Лаптевъ, отданнымъ по командѣ приказомъ, установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походъ черезъ неприятельскую землю.

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Аниоя, потомъ переваливъ черезъ хребетъ горъ на рѣку *Яблонь*, впадающую въ рѣку Анадырь, путешественники,

Ноября 17-го, достигли благополучно Анадыр-скаго острога, не видавъ на всемъ пути ни одного инородца. Въ острогъ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывая Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналъ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано : «Отъ 26-го до 28-го числа, по ночамъ, видима была чрезвычайная звѣзда, или комета, которая являлась около полуночи; хвостъ отъ нея долгой, острей, лежащей къ югу, а иногда къ концу хвоста разделяется на двое острыми же концами; свѣтлостію на подобіе звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ поворачивается къ W и отемнѣваетъ, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца, опредѣлилъ широту Анадырскаго острога $64^{\circ} 54'$; склоненіе компаса $20^{\circ} 00'$ восточное.

Іюня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Іюля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ сей городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи высшему начальству.

Описаніе сихъ путешествій представляетъ читателю рядъ опасностей, трудовъ и неудачъ, про-

тивъ коихъ плователи наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимымъ рвеніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей и мужественнымъ терпѣніемъ, сими отличительными свойствами мореходцовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Не ослѣпляясь пристрастіемъ, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласиніуса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомятъ они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многого. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операцій замѣтимъ вкратцѣ: отъ Благо моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплователи, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благопріятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи примѣтныхъ мысовъ и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія то было бы нужно. Однакожь опись и

*

не вовсе лишена астрономическихъ наблюдений широтъ и промѣровъ глубинъ, какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овцына, Минина, Челюскина, Прончищева и обонихъ Лаптевыхъ представляютъ немало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣки Таймуры, и отъ рѣки Оленека до Баранова Камня.

Но какъ опись, большею частію, основана на счисленіи, подверженномъ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ отъ теченій и непрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для широтъ не всегда были надежны, а для долготъ и вовсе ихъ не дѣлано, то она могла служить только приготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса св. Фаддея берегъ не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверо-восточнаго, иначе Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азіи, остается неопредѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ сихъ путешествіяхъ испытанныя, и незнаградившіяся желанными успѣхами, послѣ 20-ти лѣтняго бездѣйствія, казалось, усугубили духъ предпримчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ

построилъ при рѣкѣ Ленѣ, на собственное издѣніе, галіотъ (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверо-восточной Азіи въ великій Океанъ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говоритъ, что Шалауровъ побуждался къ такому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етериканомъ, и исключительнымъ правомъ, даннымъ купцу Ляхову промыслять ихъ — мнѣніе, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе имѣло цѣлью и открытіе земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожь Шалауровъ не пытался простирать своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ. Напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Шелагскій мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за славою разрѣшенія вопроса о сѣверо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ — сей славу принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь*.

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ текстѣ указа сказано, чтобы Устюжскимъ купцамъ Ивану Бахову и Никитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носа, отпускъ имъ учинить.

Сокращенное извѣстіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ извѣстнаго сочиненія Кокса и Саурова описанія путешествій Биллингса. Иные достовѣрнѣйшіе и полнѣйшіе источники мнѣ неизвѣстны *.

Въ 1760 году, Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотъ внизъ по Лепъ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалеко рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюль 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошедъ 6-го Сентября Святой Носъ, открылъ на сѣверъ, въ маломъ разстояніи, гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошелъ не прежде 15-го числа черезъ проливъ, находящійся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діюмида. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за симъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими островами и матерымъ берегомъ, былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и баттарею изъ бивъ-

* Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписями, которыми я также въ семъ обзорѣ воспользовался.

шихъ на суднѣ пушекъ. Дикіе олени табунами приходили къ сему мѣсту, и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленіемъ зимы, пошла вверхъ по рѣкѣ рыба, нельмы, муксуны и омули, которая, доставляя мореплавателямъ въ избыткѣ свѣжую пищу, предохраняла ихъ отъ цынги; однакожь въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ сей болѣзни Иванъ Баховъ, оставя Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Іюля. Тогда Шалауровъ вышелъ изъ рѣки въ море, и до 28-го плылъ на NO и NO¹/₄O. Вышедъ на берегъ, сыскалъ онъ склоненіе компаса 11° 15' восточное. Противный вѣтръ и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтріе понудили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ попутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣе NOto; но галіотъ былъ увлекаемъ огромными массами льда, несомато [сильнымъ теченіемъ, которое, казалось, направлено было къ западу, по одной верстѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, плаватели, противъ ожиданія, увидѣли себя близъ берега, возлѣ «яру сѣраго песку,» названнаго Пещаный мысъ. Впереди плавало немалое число ледяныхъ острововъ, которые 19-го числа галіотъ окружили и совершенно затерли *. Въ

* На Шалаурова картѣ написано: «За покрытіемъ туманомъ берега, и за неизвѣстнымъ моретеченіемъ, яко къ стѣнѣ мятыя льдины загустилсь, а сзади наплыло много льдовъ и судно при-

такомъ положеніи, и всегдашнемъ туманъ, оставался Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держась NO, войти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря; но противные вѣтры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ пловучаго льда; прошедъ черезъ нихъ, онъ опять направилъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій мысъ, но не дошедъ до него, встрѣтилъ противные вѣтры, понудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ намѣреніи поплылъ Шалауровъ на StO, къ отверзстой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго мыса и нѣкъмъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мѣль, у низменной оконечности, противъ устья рѣки Пахля. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на вольную воду, поплылъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни паноснаго льса, то, ища другаго мѣста, плыль онъ по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабалея*.

5-го Сентября, находясь противъ узкаго про-
тѣснило, а стояли до 23-го числа, иначе за незнаціемъ въ такой близости поперечнаго берега, а ежелибъ въдали чтобъ миновали Шелагскій мысъ и препятствіемъ спаслись.»

* На картѣ Шалаурова островъ названъ Завсей.

лива, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, коихъ жители убѣждали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадея; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехтъ на льдину, иплыли по теченію 5 верстѣ» къ WSW; около сего времени увидѣли къ NOtN, въ дальномъ разстояніи, гору*.

12-го числа, Шалауровъ вошелъ въ Колыму и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примѣчательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ берегъ заворачивается къ NO, и проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Заячьимъ Камнемъ*, и подобна согнутому рогу, а другая *Бараній Камень*, въ видѣ груши, то есть, верхъ шире низа, и возвышается надъ горизонтомъ воды на 29 ярдовъ. Такихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить: какія скалы, или горы Шалауровъ разумѣетъ? Гора, извѣстная нынѣ подѣ названіемъ Баранова Камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго моря до Шелагскаго мыса, я не за-

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 8-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстѣ въ часъ; но я основывался на оригинальной картѣ Шалаурова, приписки въ коей совершенно объясняютъ его плаваніе.

мѣтилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго моря, отъ рѣки Яны до Шелагскаго мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею немалую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде него ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $1\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было, что не касается берега между Колымою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о коей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунъ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго мыса, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по румбу NOtN, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на сей линіи, въ 75 Итал. миляхъ, отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожь мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ $11^{\circ} 15'$ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, $17^{\circ} 12'$ восточн., а мною, въ 1822 году, $12^{\circ} 35'$ восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другими морепла-

вателями замѣчено въ семь морѣ, гдѣ льдомъ воды стремятся отъ востока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показывается, что островъ Діюмида, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ Дмитрій Лаптевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ Геденштремомъ въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ сей не найденъ, и прежняго существованія его не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ развѣзжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромъ съ изгибами, и не такую прямою чертою, какъ по последней описи онъ оказался, а островъ Діюмида положенъ на обвѣхъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миляхъ отъ ближайшаго берега. Сравнивая сіи карты съ картою лейтенанта Анжу, мы съ перваго взгляда удостоверяемся, что островъ Діюмида не присоединился къ берегу*, а, вѣроятно, смытъ, или сдвинутъ отъ сильнаго напора льдовъ; та же причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ северу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучшій успѣхъ въ слѣ-

* Хрон. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

дующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обходъ Шелагскаго мыса, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Лену. Оттуда ѣздилъ Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ Правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу, въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различные были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предприимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто сіе находится на матеромъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынь, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предприимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ сомнительной неизвѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ недрахъ земли тундрнаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой *, мамонтовыя рога, подстрекали къ новымъ обрѣтеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ противъ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и наставало время повѣрить извѣстія и распространить промышленность.

* Хрон. Истор. г. Берха, часть II, стр. 144.

Въ 1759, или 1760 году *, Устьянскій Якутъ Этериканъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчавшееся открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ названіе Этериканъ, или Первый Ляховскій островъ; последнее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь Ляхова, ѣздившаго туда и открывшаго новые острова.

Купецъ Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикана было уже извѣстно, находясь въ Мартѣ мѣсяцъ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера черезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли сіи звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ, по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался почевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстъ, другаго острова. Слѣдъ, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выѣхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ его поѣздкѣ, Правительство предоставило Ляхову исключительное право промыслять мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впредь откроетъ.

* См. Путешествіе Геденштрема, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 года, Ляховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодьяконовымъ, поплыль въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливъ морская вода казалась имъ весьма солона; теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣль Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на сѣверъ, и скоро пріѣхаль на нее, назвавъ ее Третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля, гористая, казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ наноснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котель мѣдный, обстоятельство, доставившее ему названіе Котельнаго острова.

Протодьяконовъ рассказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песка со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовые. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество наноснаго лѣса, и въ рѣчки вливали съ моря рыбы, между коими и краснотельная перка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ, ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ

и оленей. Незвѣстность пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землемеръ *Хвойновъ*, съ порученіемъ соуправлять Ляхову на ту землю и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, *Хвойновъ* прибылъ въ Устьянскъ и по льду перѣхалъ къ Святому Носу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперегъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20 въ самомъ узкомъ. По срединѣ нашель онъ озеро, значительной величины, но весьма мѣлкое, хотя берега его были круты. Дѣлая опись, *Хвойновъ* объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурныя погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемера безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовьѣ на семь островъ до 6-го Іюня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь и благополучно пріѣхалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало *Хвойнову* довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурныя погоды и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣлъ онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожь, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько извѣстій, что на картѣ начертилъ и второй островъ

со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова невѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣль Хвойновъ отрядышъ во льдахъ, который на его картѣ, ниже на новѣйшей картѣ лейтенанта Анжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйстви-тельно, болѣе не существуетъ*.

О Медвѣжьихъ островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя извѣстія. Надлежало ихъ привести въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о продолженіи Америки мимо Колымы, въ недале-номъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло поручено было геодезіи сержанту Андрею**, посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго генер. губернатора Чичерина на Колыму.

* Извлечено изъ журнала Хвойнова, помѣщеннаго въ Pallas neue nord. Beyträge, 7 ч., стр. 134 — 142.

** У Палласа, въ Neue nord Beyträge, т. I, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысова, вздвигшихъ по Ледовитому морю въ 1763 году. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: «Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева,» и проч., веденный въ 1763 году. По Хронол. Ист. Берха, стр. 148, ч. II, сказано, что полковникъ Плениснеръ, будучи посланъ осмотрѣть Анадырскій острогъ, и получивъ отъ Чукчей свѣдѣніе, что къ сѣверу отъ рѣки Колымы есть большая земля, именуемая Имоглинъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовѣриться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ о путешествіи Андреева вкратцѣ тоже, что въ прежде упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говорить, что послѣ

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымскаго острога, на собакахъ, къ рѣкѣ Крестовой, и оттуда на рѣку Индигирку, съ казакомъ Шкулевымъ, который долженъ былъ указывать путь. Возвратясь къ Крестовой и откормивши собакъ, Апрѣля 22го, при благополучной погодѣ, отправились они по льду, на собакахъ, въ море, и перѣхавъ 90 верстѣ, прибыли къ первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу, отъ востока къ западу, на 50 верстѣ; ширина острова около 40, окружность до 100 верстѣ.

Андреевъ, описывая подобнымъ образомъ и прочіе острова сей группы, находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости, развалившіяся землянки, или вкопанныя въ землю юрты. Особенно примѣчательна юрта, найденная имъ на скаль у третьяго острова, который, по описанію Андреева, превышаетъ величиною первый островъ, имѣя 120 верстѣ вокругъ и 60 въ длину. Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны острова имѣется у берега называемый отпрядышь, разстояніемъ отъ берега 11 сажень печатныхъ, и на прибыли межутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мѣлкая дресва, а оный камень отпрядышь весьма

Андреева (путешествовавшего въ 1763 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, ѣздили по Ледовитому морю три геодезиста, Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ. По рукописному же журналу сихъ трехъ геодезистовъ видно, что они ѣздили по Ледовитому морю въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, а что касается до земли Имоглинъ, то известно, что первый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ проливѣ назывался Имоглинъ. (См. Палласа, Н. п. В., IV, 107).

мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ , на которомъ сдѣлана крѣпость , на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), листовничныхъ ; а становлены лѣсины вверхъ кореньями, къ землѣ же вершинами ; такъ прилѣплено, какъ птица на деревѣ гнѣздо вѣтъ, а сдѣлано подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ наноснаго листовничнаго матераго жъ лѣсу ; по верхъ пола настланъ песокъ съ мѣлкою дресвою, толщиною на четверть , а по тому полу обставлено вокругъ, на подобіе юрты, дощечками и пластинами шести-четвертными , столь высоко, челоуѣку въ поясъ ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ , а на верхъ накиданъ мѣлкій , наносный , листовничный , еловый и осиновый лѣсъ , на коемъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями ; оныя проухи рублены и доски тесаны топоромъ не желѣзнымъ , а каменнымъ , или какимъ косячнымъ , подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ея четыре сажени, въ длину $4\frac{1}{2}$ сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 сажень ; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю ; другой спускъ въ камень на свѣрную сторону, токмо много же развалилось. А признается дѣлана оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣснотѣ того залавка , токмо

строена не Русскими людьми, а другими, но какими о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый, по его словамъ, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшибся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому Носу.» Описавъ найденныя двѣ развалившіяся юрты, и «два камня, стоящіе, съ прїѣзда отъ западной стороны, въ полугорѣ, называемыя *кекуры*, съ издали видимыя наподобіе челоуѣковъ,» Андреевъ продолжаетъ, «да на семь же островъ всходили на верхъ горы и смотрѣли во всѣ стороны. Въ полуденную сторону «виденъ *голоменитъ* камень, который, по разсужденію нашему, тотъ Ковымскій камень, а въ «лѣво, въ восточной сторонѣ, едва чуть видѣть, «синь синѣеть, или назвать какая чернь: что «такое, земля или полое море, о томъ въ по«длинникъ обстоятельно донести не умѣю.» Отъ сего острова возвратясь къ Крестовой рѣкѣ, ночевали на третьемъ островѣ. Мая 1-го, готовясь ѣхать, встали поутру рано, и «увидѣли, что два «медвѣдя побѣжали въ море, за которыми от«пустили собакъ и расшибли ихъ порознь, а «раздѣля на двое команду, догнали медвѣдей и «убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего, говоритъ: «Хотя по сказкѣ, данной отъ казака Федора Татарина, съ товарищи, и показано отъ рѣчки

Крестовой до перваго, а отъ перваго до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, поперегъ и вокругъ, разстояніемъ версть, но только онаго весьма явилось много; а что касается по моей описи, то развъ единая въ маломъ числѣ версть ошибка быть можетъ.»

Вопреки столь скромному увѣренію, Андреевъ въ описи погрѣшилъ на 440 версть избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 версть. Также взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скаль юрта и скала тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году онѣ бывшею тамъ экспедиціею не найдены, почему думать должно, что льдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ сихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, по коимъ видѣли мы также немалое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины сего опустѣнія въ перемѣнѣ климата *.

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «Оставленныя жилища сіи подають намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, коимъ шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго круговращенія.» Должно замѣтить, что сіи жилища не суть развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому Камню на полдень, синева замѣчена на лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ,» то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами, въ 1821 и 1822 годахъ, на 250 версть: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая долженствовала бы намъ непременно открыться.

Въроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на пятомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингсу *, сказано: «Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности, полагаемый имъ величайшимъ, островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не довѣжая того версть за 20, навхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ и въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.»

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его опись Медвѣжьихъ острововъ, и вышеизложенная мною невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направленіи. Если же Андреевъ ѣхалъ въ ту сторону, въ которой усмотрѣлъ онъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую

* См. Путешествіе капитана Биллинга, изд. г. вице-адмираломъ Сарычевымъ, стр. 190.

землю и оленьи слѣды, то его открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, ѣдучи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно назваться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «Другія извѣстія доказываютъ, что сія земля имѣетъ жителей, которые называютъ ее *Тикегенъ*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохаевъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ. Нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы. Бывшіе при экспедиціи Биллингса, сотникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже абрисъ видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тоеномъ.»

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверо-западномъ берегу Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты могли быть извѣстны Американскому тоену, а названіе народа Хрохаи взято изъ рассказовъ Чукчей Сѣвернаго мыса, какъ означено въ моемъ журналѣ.

Извѣстіе, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверъ землѣ, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Колыму. Г-нъ Берхъ нашелъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ сей экспедиціи, которая иначе осталась бы для насъ поднесъ секретною.

Въ 1767 году ѣздили геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ сей острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій островъ, и объѣзжая всѣ другіе острова, дѣлали имъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году, мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23-го Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ, по сѣверному его берегу, Леонтьевъ, по обсервации, нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отправились они въ море на $NO 18^{\circ}$, и проѣхавъ 37 верстъ по торосамъ и разсолу, остановились на ночлегъ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодую и *тургою*.

26-го числа, проѣхавъ на $NW 5^{\circ}$ три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему не рѣшились слѣдовать далѣе, «ибо

до большой Американской земли разстояніе *неизвѣстно**. Притомъ не стало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себѣ ноги, такъ, что онѣ съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, прѣехали тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счету впередъ и обратно 839 верстъ и 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го изъ устья Чукотской протоки, и направили путь къ Медвѣжьимъ островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погодую оставались на семь островъ 5 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верстъ остановились на ночь.

17	на NO 8°	проѣх.	25	верстъ	300	саж.	} торо- сами. } весьма часты- ми то- росами.
18	— NO 5°	—	18	—	150	—	
19	— NO 5°	—	25	—	«	—	
20	— NO 5°	—	22	—	«	—	
21	— NO 5°	—	18	—	«	—	
22	— NO 10°	—	18	—	«	—	
23	— { NO 15°	— {	40	— {	400	—	
24	— {	— {		— {		—	

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодую.

27-го, «по видимости, что впереди торосы еще чаще,» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ числѣ 10 человекъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кор-

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что не доѣхалъ 20 верстъ до нея.

момъ и пищею на 3 дня, «для осмотра, не увидится ли гдѣ какая земля. На 5-й верстѣ доѣхали къ великимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстѣ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частые торосы, черезъ которые не предвидя возможности ѣхать далѣе, повернули 28-го числа назадъ».

На пути къ острову переѣхали они 5 разсѣлинь на льду, шириною по 1 аршину, и 1-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Колыму, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстѣ 150 сажень.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, приводятъ курсы ихъ въ широту $72^{\circ} 00'$ то мѣсто, гдѣ остановлены были свѣжими торосами.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колымска, и отъ устья Средней Колымы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на NO 77° , къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстѣ, почти на истинный востокъ, и не замѣтя ничего примѣчательнаго, повернули на SW 10° , къ большому Баранову Камню, куда пріѣхали на 50-й верстѣ, 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бѣлаго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе, до губы Шелагинской; 28-го повертели назадъ, за неимѣніемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 сажень.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леонтьевымъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты не только вовсе не помышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей сія часть берега проведена съ довольною точностію. Такая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ сію послѣднюю поѣздку, показываются въ сажняхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ такой способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Ноября 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Пленснера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года, въ Августъ, послалъ

* Старики Нижне-Колымска помнятъ эту цѣпь, и рассказываютъ, что при описи Медвѣжьихъ острововъ тащили ее люди.

донесенія и карты, съ прапорщикомъ Леонтьевымъ, въ С. Петербургъ.

Экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три поѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей Правительствомъ цѣли, но не была и вовсе безуспѣшна. Медвѣжьи острова съ великою вѣрностью, геодезически описаны, и море изслѣдовано къ северу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андрева о сѣверной землѣ, обитаемой оленными народами, приняло видъ басни, равно и преувеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжьихъ острововъ, и ихъ размѣреніи, достаточно опровергнуто.

1778 года, Августа $11\frac{1}{25}$, появился Кукъ въ Беринговомъ проливѣ, съ извѣстною цѣлью: отыскать проходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо сѣверныхъ береговъ Америки или Азіи. Лдяныя поля, примкнувшіяся къ Ледовитому мысу, остановили Кука на востокъ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западъ мыса, названнаго имъ *Сѣверный*, который опредѣленъ въ широтѣ $68^{\circ} 56'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$, отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ сего мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учиненная въ 1823 году опись показываетъ,

что догадки Кука въ семь случаевъ были невѣрны, а опредѣленіе широты мыса Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточное.

Азіятскій берегъ до мыса Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными, скалистыми берегами, въ разстояніи 3-хъ миль отъ материка.» На картѣ положенъ сей островъ, названный Burney's island, въ широтѣ $66^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5'$ вост.

Поелику около сего мѣста не находится другаго острова, кромѣ *Кулочина*, то, безъ сомнѣнія, Burney's island есть тотъ самый, до котораго, въ 1823 году, наша экспедиція добѣжала; описаніе наружнаго вида его совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по обсерваціямъ, учиненнымъ мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 26' 46''$, долгота, по счисленію, $184^{\circ} 28'$ вост.

Далѣе къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 3'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$, усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ него берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу онъ низмень и направляется къ NNW и NWtW, почти

до самаго мыса Сѣвернаго. Глубины, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега, вездѣ почти одинаковы, какъ у Азіятскихъ, такъ и у противоположащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плывя вдоль нихъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лотъ можетъ служить не бесполезнымъ вождемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ».

На счетъ сихъ замѣчаній капитана Кука можно сказать, что весь берегъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго, и отъ сего послѣдняго до острова Кулючина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; онъ перемѣняется, и именно около мысовъ *Онманъ* (къ западу отъ острова Кулючина), *Кибера* и *Козьмина*, представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы и отвѣсныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азіи и Америки, къ сѣверу отъ Берингова пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Бялей неоднократно думали видѣть примѣты близости земли на сѣверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ отъ береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, летѣвшія отъ сѣвера на югъ въ Августъ мѣсяцъ, въ такое время, когда сіи птицы, дѣйствительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льдовъ, все, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю, къ сѣверу отъ пролива. Теченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ , старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на сей предметъ вниманіе и Россіи. Кому неизвѣстны описанія экспедиціи, отправленной въ сѣверо-восточную Азію и къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки , для географическихъ изслѣдованій , подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ * , который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Англійскомъ секретаремъ экспедиціи Сауеромъ **.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль сего предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ , въ Восточный Океанъ. Для того (на рѣкѣ Ясашнѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога) построили два мореходныя судна, Палласъ*** и Ясашну****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года , Мая 25-го , поплыли оба судна внизъ по Ясашнѣ и Колымѣ , и 18-го Іюня находились противъ Нижне - Колымскаго острога, гдѣ нашли широту $68^{\circ} 17' 14''$, долготу $163^{\circ} 17'$

* Нѣмецкій переводъ, von Busse, Leipzig, 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 футовъ по килю.

**** 28 футовъ по килю.

30⁰⁰ восточную; склоненіе компаса 14° 14' восточное.

19-го числа, Палласъ поплыль далѣе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сарычевъ замѣчаетъ: «Кажется вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ правого берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевымъ для людей казармы, близъ конхъ вытасченъ былъ и ботъ его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходить съ трудомъ, и то въ водополе, а во время убыли воды отмель бываетъ версты на три.»

23-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волненіе, и въ Ясашнѣ оказалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 сажень шириною, была отъ 3 до 5 сажень; на днѣ жидкій илъ. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подъ нимъ видно много наноснаго лѣса».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшіе заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далѣе. 28-го,

находясь въ заливцѣ между Большимъ и Малымъ Барановыми камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію, на берегу, нашель широту того мѣста $69^{\circ} 27' 26''$, долготу, по хронометру, $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя: «Изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго моря положенъ далѣ къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

1-го Іюля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2-хъ сажень, понуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверо-западу простиралось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были поворотить обратно, «ибо высокіе и большіе льды, коимъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіяся объ нихъ волны производили ужасный шумъ.» Палась, 2-го числа, положилъ якорь въ заливцѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашна скоро съ нимъ соединилась.

5-го, и въ слѣдующія числа, пытаюсь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, миновали 19-го Іюля Большой Барановъ камень, но прошедь на сѣверо-востокъ около 11 миль, ледяныя громады, изъ коихъ многія на

16 саженьяхъ глубины доставали дно, принудили ихъ укрыться по западной сторонѣ сего мыса, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: «за невозможностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму.» Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и на завозахъ пошли на западъ. 26-го Іюля вошли въ устье Колымы, коей теченіе было столь тихо, что черезъ пять дней дошли до Нижне-Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія, Биллингсъ вторично собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было: «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойти, водою или берегомъ, мысы Шелагскій и Чукотскій.» Опытъ показалъ, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство объѣхать мысы зимою на собакахъ, «но оно отвергнуто въ совѣтъ, такъ какъ неудобное, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корма болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ, положено сдѣлать еще покушеніе съ восточной стороны, отъ Берингова пролива, на судахъ, приготавливавшихся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Россіи*,

* Смотр. Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

зашель въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдарахъ. Повѣривъ такимъ рассказамъ, болѣе нежели собственному опыту *, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойдти моремъ Шелагскій Носъ, и, какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: проѣхать чрезъ Чукотскую землю, и ввѣриться дикому и коварному ея народу, пренебрегая даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа, капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезіи сержанта Гилева, моремъ, на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Кулючина, откуда стараться выѣхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправивъ, ѣхалъ на байдарѣ подлѣ береговъ до Восточнаго мыса, перешелъ пѣшкомъ чрезъ перешеекъ его къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ подлѣ береговъ къ NW, то на байдарахъ, то пѣшкомъ, смотря по тому,

* Известно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его путешествіи, и что Кукъ достигъ мыса Сѣвернаго не встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

какъ носящіеся по морю льды ему позволяли или препятствовали; наконецъ, не доходя до острова Кулючина 90 миль, сидячіе Чукчи отказались провожать далѣе, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, черезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки Югней, впадающей въ Кулючинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Югней, осмотрѣлъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на 1½ фута тонкими закраинами, сверху загнутыми на вѣшнюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, врытые въ землю. Они все наполнены, съ краями на-ровень, теплою, густоватою, бѣлесоватого цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющіе съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 сажень въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти сажен. отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышащею сопкою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ,

вздыль по Кулючинской губѣ, до ея устья, которое по описанію слезить въ 120 миляхъ отъ Берингова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина ея не болѣе семи миль. Въ нее впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: *Югней* и *Килью*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Кулючинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ его лежитъ островъ *Неслопе*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мѣлководно, а по восточную глубоко, такъ, что симъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Кулючинъ лежитъ въ морѣ, отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, середина острова Кулючина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $185^{\circ} 26' W$, отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллинса, до перваго Русскаго селенія на Большомъ Аниоѣ, при устьѣ Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ невольѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностью, трудностями пути и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замѣчалъ направленія пути, и измѣрялъ пройден-

ныя разстоянія, означая въ журналѣ своемъ имена рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ спросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «Она вся состоитъ изъ горъ и бесплодныхъ долинъ; на горахъ никакой травы непримѣтно, исключая моха, который служитъ пищею оленямъ; вездѣ виднѣнъ голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ палочки тальниковыя, очень нетолстыя; климатъ самый несносный: до 20-го Юля непримѣтно лѣта, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, снѣжныя кучи покрываютъ землю весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самыя долины, большею частію, болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяница, называемая шикшею. При берегахъ сѣверо-восточной, восточной и отчасти южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы, а во время

зимы, когда жители путешествуютъ, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ сей дикой страны, Биллингсъ въ своихъ запискахъ намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные, въ пробздѣ черезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Ляхова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской Воеводской Канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми Ляховымъ. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ *второго* острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Столбовой*. Тотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посланъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ, въ 1805 году, на востокъ отъ *третьяго* Ляховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Фаддеевскихъ* островомъ, потому, что первое на немъ зимовье построилъ промышленникъ Фаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ сей земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Новою Сибирью*.

Въ то же время, купецъ Протодьяконовъ, не-

имѣвшій сначала успѣха въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемилостивѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ островѣ, и тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Сіе обстоятельство подало поводъ Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румяцову, отправить г-на Геденштрома на сіи острова, съ порученіемъ обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда Геденштрома, въ 1808 году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго острова узкимъ проливомъ, и называемый понынѣ *Бѣльковскимъ* островомъ.

1808-го года, въ Августъ, отправился г-нъ Геденштромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевинымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоящему путешествію приготовленія, г-нъ Геденштромъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ островѣ главную складку запасовъ и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя сіе намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г-нъ Геденштромъ привелъ се-

бя въ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограничены, но онъ старался вознаградить недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хорошій, «морской, или пель-компасъ.» Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, г-нъ Геденштромъ поручилъ землемру Кожевину, съ астролябією, описать первую отъ Котельнаго острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Фаддеевскій островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый и запеленговать второй Ляховскій острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узнать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный островъ отъ Фаддеевскаго. Себѣ предоставилъ г-нъ Г., раздѣлясь съ Кожевинимъ на Фаддеевскомъ островѣ, описать открытую, по объявленію Сыроватскихъ, на 300 версть къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ *Новою Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Янска, пріѣхали къ первому Ляховскому острову (число въ журналѣ г-на Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По прибытіи наконецъ на Фаддеевскій островъ, землемръ Кожевинъ и Санниковъ съ г-мъ Геденштромомъ раздѣлились. Онъ самъ направилъ путь на

Новую Сибирь, взявъ вожатымъ Усть-Янскаго крестьянина Портнягина.

Землемѣръ Кожевинъ описалъ западный, южный и восточный берега Фаддеевскаго острова, объѣхалъ также первый, запеленговалъ второй Ляховскій острова, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ переезжалъ во многихъ мѣстахъ проливъ между Котельнымъ и Фаддеевскимъ островами, и нашель, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г-нъ Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ; нашель, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстъ, какъ объявляли, проѣхали по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, три дня послѣ Кожевина.

Г-нъ Геденштромъ, намѣреваясь въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на семь острову, и увѣриться въ способахъ продовольствія на немъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лѣтовку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхоянскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остаться празднымъ, дѣлалъ г-нъ Геденштромъ опись приморскаго берега къ Индигиркѣ. Тутъ узналъ онъ о возвращеніи, въ на-

чалъ Ноября, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что даже во многихъ мѣстахъ не сходилъ снѣгъ и травы никакой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что берегового льда въ то лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три стана. Мѣщанинъ Санниковъ также вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Оаддеевскомъ островѣ и на Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное острие, для сбитія съ оленьихъ кожъ шерсти, а на Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все доказываетъ,» говоритъ г-нъ Геденштромъ, въ своемъ занимательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежатъ нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вмѣсто желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго?»

Зиму провелъ г-нъ Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время,»

говорить Геденштромъ, «протекало у насъ скорѣе, нежели у инаго при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посѣтила и насъ. Болѣе двухъ мѣсяцовъ продолжающаяся здѣсь ночь дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и выюгъ, которые посылаетъ тогда благотворная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для человека зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принялъ для сопутниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показала она только у меня и у одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ другихъ предохранялись движеніемъ. Но повторяемые приемы селитры, отваръ кедроваго сланца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ нея.»

1810 года, Января 29-го, г-нъ Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Санникова, лѣтовавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г-нъ Геденштромъ отмѣнилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ увѣрившись, что Новая Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодолѣвъ многія препятствія и затрудненія, г-нъ Геденштромъ наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго Устья (на Индигиркѣ), на 29-ти нартахъ, въ море, держа путь къ поставленному имъ, въ 1809 году, кресту, близъ Песцоваго мыса. 13-го числа пріѣхали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малою ошибкою,» говоритъ онъ, «обязанъ я Деревяннымъ горамъ, которыя увидѣли мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольнаго навыка въ разъѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ, на 7 лучшихъ нартахъ, описывать берегъ къ востоку. У Песцоваго мыса опредѣлили по наблюденію склоненіе стрѣлки 15° восточн., а широту $74^{\circ} 45'$, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнится только $5'$ недостаточно.

Мыщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нарты черезъ островъ, къ северному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у Каменнаго мыса, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса виднѣлась на *NO* синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро пріѣхалъ и Санниковъ. Проѣхавъ землю 70 верстъ на северъ, выѣхалъ онъ къ мор-

скому берегу, откуда поворотилъ къ востоку и ночеваль въ 5-ти верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Геденштромъ отмѣнилъ намѣреніе ѣздить на ней, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новымъ открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, но всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлымъ яромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуцыркулемъ, почти соединяющимся съ Новою Сибирью. Но, къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась въ гряду высочайшихъ лдяныхъ громадъ, 15 и болѣе сажень вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Желая заpastись дровами на дальній путь, возвратился Геденштромъ отсюда на Новую Сибирь, и нагрузя ими нарты на 14 сутокъ, отправился вторично, 24-го Марта, на востокъ, но торось былъ столь густъ, что въ 4 дни проѣхали не болѣе 70 верстѣ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и носящійся по морю ледъ. Сія вода была, какъ я послѣ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Новой Сиби-

ри до Медвѣжьихъ острововъ, что составитъ до 500 верстъ.»

Намѣреваясь ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьи Колымы, три раза приближался Геденштромъ къ польнѣ, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости сей препоны, поворотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азіятскій берегъ около устья рѣки Курджягиной, пробывъ 43 дня въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предполагаемыхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, еслибы 11 убитыхъ имъ, бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормъ собакъ. 13-го Апрѣля пріѣхали къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправленія своего на Новую Сибирь, Геденштромъ послалъ на Колыму нарочнаго, съ предписаніемъ изготовить подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, но какъ, вмѣсто такихъ, встрѣтили ихъ 4 весьма дурныя нарты, то онъ принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемѣра Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ онъ для лѣтовки на Котельный островъ.

Наконецъ, 18-го Апрѣля, Геденштромъ отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корма на 20 дней. У Баранова Камня продержала его жестокая буря отъ востока 7 дней; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видѣли мы стадо гусей, летѣвшихъ на NNW, и благо филина; на N подымались облака; глубина морская уменьшалась. Все доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова Камня переѣхали мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доѣхали до щели въ 15 сажень. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на OSO, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морская, отъ 11½ саж., уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыя испытаны мною, десять лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20°, по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходитъ по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по коимъ, въ 1821 и 1822 годахъ, мы проѣзжали. 150 версть отъ Баранова Камня, гдѣ Геденштромъ нашелъ земляныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда, въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы попеременно польныи и чрезвычайные тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Нами измѣренная глубина здѣсь 14½ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы 14½ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Геденштрома, и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время коей

многokrатно измѣряема была глубина моря, возрастающая съ удаленіемъ на востокъ и умаляющаяся къ западной сторонѣ, не уменьшаясь къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ его ошибки, тѣмъ болѣе вѣроятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго, на футы измѣреннаго лотъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ повѣрки обсервованными широтами. Что полагаемые такимъ образомъ разстоянія весьма не надежны и у Геденштрома всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуетъ его опись Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и филина въ значительномъ отдаленіи отъ материка не должно также насъ удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверѣ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдаль къ польнѣямъ, пока вскрытіе рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а филинъ есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣдакахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ *исходѣ лѣта* видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностью, что они оставили сѣверную землю и возвращаются въ полуденныя страны.

Не видя возможности ѣхать далѣе на сѣверѣ, Геденштромъ желалъ выѣхать къ Шелагскому мысу,

но тонкій ледь ему и въ томъ покушеніи воспретствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашель онъ свой старый слѣдъ, по которому прѣхалъ, 8-го Мая, къ Баранову Камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его продержала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Геденштромъ отправился, 18-го Сентября, на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ онъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не находя возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправилсъ въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ черезъ тундру. «На семь пути,» говоритъ Геденштромъ, «примѣчательно озеро *Хастахъ*, длиною 14, а шириною 6 верстъ. Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ «великое множество, извѣстнаго по Естественной Исторіи, смолистаго дерева (*bituminosis Holz*), «въ видѣ щепъ. Берега завалены имъ въ иныхъ мѣстахъ на аршинъ вышиною; между сими щепами попадаетъ мѣлками кусками вещество, «очень похожее на камедь. Оно горитъ, какъ янтарь, но имѣетъ смолистый запахъ, и судя по-тому есть, вѣроятно, ни что иное, какъ затвердѣлая смола лиственницы. Ближнее разстояніе «сего озера отъ моря 115 верстъ, отъ льса 80 «верстъ.»

Онъ сообщаетъ намъ и другое, не менѣ примѣчательное явленіе природы. «На тундрѣ также

«находятъ, далѣе отъ лѣса, въ ярахъ, надъ озе-
рами и рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и
«корою. Онѣ истлѣли, но жители употребляютъ
«нихъ на топку, въ случаѣ недостатка въ дровахъ.
«Онѣ не даютъ пламени. Жители называютъ сѣи
«березы *адамовщина*.»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Геденштромъ о воз-
вращеніи Санникова отъ Котельнаго острова. Вотъ
краткій отчетъ его:

«Мѣщанинъ Бѣльковъ (компаньонъ купца Про-
«тодьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Саннико-
«вымъ, лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ
«островѣ, для промысла мамонтовой кости и пе-
«сцовъ. Они избрали для лѣтованія западную
«сторону острова, на которой предполагали
«имѣть изобильнѣйшіе промыслы, потому, что
«до сего времени никто на сей сторонѣ не бы-
«валъ.

«Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному
«берегу Котельнаго острова, въ 150 верстахъ отъ
«тѣхъ мѣстъ, до коихъ доходили прежніе про-
«мышленники, нашель:

1. «На берегу выкопанную могилу; тѣло было
«вырыто медвѣдемъ. Послѣ могилы стояла дол-
«гая, узкая и высокая парта, строеніе коей отъ
«всѣхъ извѣстныхъ отлично, и доказывало, что
«тащили ее люди лямками. Въ одномъ концѣ мо-
«гилы сдѣланъ деревянный крестъ, обложенный
«свинцомъ, съ обыкновенною, церковною, Рус-
«скою надписью. Подлѣ креста лежали желѣзный

«ботась (родъ узкаго однолезвейшаго копьа) и
«двѣ желѣзныя стрѣлы.

2. «Въ недалнемъ отъ сего мѣста разстояніи
«было четырехугольное рубленое зимовье, въ ко-
«емъ найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго ро-
«га, тесанныхъ топоромъ.

3. «На рѣчкахъ, гдѣ линяють гуси, находилъ
«Санниковъ гусинья кости, въ доказательство,
«что были здѣсь люди, а на морскомъ берегу
«видѣлъ китовыя позвонки. Также замѣчено имъ,
«что дикіе олени сего мѣста гораздо боязливѣе
«и осторожнѣе находящихся на матерой землѣ
«Сибири.

4. «Берегъ, въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ
«доходилъ, оборачивается на востокъ, а на съ-
«веро-западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ,
«видны высокія каменныя горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Ин-
дигирскимъ промышленникамъ было извѣстно, что
на западномъ берегу острова никто прежде не бы-
валъ, то видѣнные признаки бытія здѣсь Рус-
скихъ людей приписываетъ Геденштромъ круше-
нію какого либо коча мореходцовъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокихъ горъ
на NW отъ Котельнаго острова, побудило къ
намѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе
все изслѣдовать. Окончательную опись Новой Си-
бири и Фаддеевскаго острова поручили геодези-
сту Пшеницыну, а казачьему сотнику Татарин-
нову, котораго обучили употребленію компаса,
приказано попытаться объѣхать съ сѣверной сто-

роши полынью, протянувшуюся отъ Новой Сибири къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію изложенныхъ намѣреній для будущаго года въ исполненіе, ѣздилъ Геденштромъ въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ повелѣніе отъ Иркутскаго Гражданскаго Губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправленія на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытіи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что Гражданскій Губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго моря несутъ отъ экспедиціи, представлялъ уже высшему начальству объ ея уничтоженіи. По разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствій Геденштрома, предположено было окончить опись острововъ Котельнаго, Оаддеевскаго и Новой Сибири, однакожь съ тѣмъ, чтобы все выполнено было безъ Геденштрома, котораго Губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мѣщанинъ Санниковъ, сотникъ Татаринцовъ и унтеръ-офицеръ Рвшетниковъ, находившійся съ Геденштромомъ во всѣхъ его разъѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ*, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Рускаго Устья (деревня на Индигиркѣ) на Новую Сибирь, въ мартахъ,

* Отчетъ сей выписанъ мною изъ приложенія къ журналу г-на Геденштрома.

объѣхалъ ее, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ; съ сѣверной стороны Каменнаго мыса, сотникъ Татариновъ пускался въ море, но проѣхавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льда, за которымъ видно было открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго мѣса на южной сторонѣ довольно, а на сѣверной, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта 1811 года, пустился изъ Усть-Янска, въ трехъ нартахъ, на Оаддеевскій островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рѣшетникова, для приготовленія всего нужнаго къ лѣтованью на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Оаддеевскій островъ, и давъ нужный собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ его, съ которой началъ путь свой, море, почитаемое прежде проливомъ, оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Оаддеевскій островъ соединяется съ Котельнымъ. Сѣверо-западная оконечность Оаддеевскаго острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго, узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юго-востокъ и востокъ, составляетъ губу; въ восточной части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенска-

го мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ довзжалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣль Санниковъ на сѣверъ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ не болѣе 25 верстъ, когда былъ удержанъ полынью, простиравшеюся во всѣ стороны; земля ясно была видна, и онъ полагалъ, что она отъ него тогда не болѣе 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но проѣхавъ не болѣе 30 верстъ, довхалъ до открытаго моря.

12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный островъ для лѣтовки. 2-го Мая, обозъ его выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ благополучно на Котельный островъ. Олени, по долгому ожиданіи, наконецъ пригнаны на островъ 9-го Іюня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ уже былъ изрѣзанъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Назначенные для Пшеницына на Оаддеевскій островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшіе недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальняго пути къ Котельному острову, были весь-

ма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Юня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли всегда держаться берега, гдѣ рѣдко бываютъ довольно хорошія для оленей кормовища; зная также западную и восточную стороны острова на дальное разстояніе, приняли намѣреніе пройти внутрь земли, какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться его, сколько возможно ближе, пока опять дойдутъ до извѣстныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вверхъ по Царевой рѣкѣ, съ которой своротили вправо, на восточную сторону острова, къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой, все уже держась берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей путь совершили въ 54 дня, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. На пути питались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій Князекъ, посредствомъ приученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ семъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышенныхъ мѣстахъ, лошадиныя, буйволовыя, бычачьи и овечьи головы и кости въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что сіи животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но чѣмъ могли они питаться въ

такой бесплодной и суровой странѣ? Иначе изъяснить невозможно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сѣн стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, кости которыхъ во множествѣ тамъ находятся, и тогда же произрасталъ и лѣсъ, окаменѣлые остатки котораго встрѣчаются цѣлыми слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150, множество Юкагировъ удалились на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вѣроятно, что сей народъ перешелъ потомъ на другіе острова или земли Ледовитаго моря.

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго ила. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости, и онѣ доказываютъ, что отъ Котельнаго острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающійся льдомъ, подобно Ледовитому морю при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ и костей ихъ не видывано.*

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, на западной сторонѣ Котельнаго острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты нерѣдко попадались въ семь морѣ.

самомъ берегу старое Русское зимовье и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ на то мѣсто, рѣшились открыть могилу; они нашли въ ней деревянный срубъ, а въ немъ нижнія челюсти человѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбѣ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, кремѣнь обитый, костяной гребень, и истлѣвшіе песцовые, олени и овчинные лоскутья, и юфтевые переды чаркѣвъ (Сибирскихъ котѣвъ). Неподалеку отъ могилы нашли желтой мѣди кастрюлю, топоръ и перерубленные лыжи. Могила была вытаяна огнемъ, что доказывали найденныя въ ней обгорѣлыя головы и опаленная дресва. Откуда человѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ? Кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіатскимъ? Когда онъ здѣсь былъ и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.

«5-е. Близъ устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ соснового, а кокоры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленные мочалы.»

4-го Октября, Санниковъ отправился для обозрѣнія неизменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда оттуда на Оаддеевскій островъ, для навѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрома, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣхалъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ

сотником Татариновымъ на Фаддеевскій островъ, полагая провести на немъ лѣто. Онъ расположился въ зимовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ былъ туда привести Князекъ Юкагирскій, но какъ Князекъ не прибылъ, то старался Пшеницынъ пѣшкомъ, сколько возможно, слѣдовать берегомъ.

Перенеся величайшія трудности, онъ не могъ пройти и 50 верстъ, возвратился въ зимовье, и ожидалъ осени, чтобы выѣхать на матерую землю, или на Котельный островъ. Къ несчастію, не было въ то лѣто мышей на островъ (мыши островныя часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю), и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда ихъ прокормленія полагалась на мышей, которыхъ онъ лѣтомъ сами ловятъ. Завезенный кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября, прибылъ Санниковъ на Фаддеевскій островъ, и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ у нихъ перемерла, а остальные, по недостатку въ кормъ, столь были худы, что никакъ ѣхать было невозможно, а также и въ съѣстныхъ припасахъ терпѣли они крайній недостатокъ.

10-го Октября, всѣ, съ Санниковымъ и Рѣшетниковымъ, отправились съ Фаддеевскаго, и 13-го прибыли на Котельный островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словес-

ныхъ разсказовъ, составилъ журналъ и сочинилъ Котельному острову карту.

27-го Октября, отправились съ Котельнаго острова въ путь. На морь подвержены были, по причинѣ тонкаго льда и многихъ полыней, великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всего избавлялись.

12-го Ноября, съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ. Отсюда Санниковъ и Рѣшетниковъ, 27-го числа, выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ, оленей экспедиціи, и удовлетворенія жителей за кормъ, нарты, и прочее. Окончивъ все, возвратился онъ въ Иркутскъ, въ Сентябрь 1812 года.

Тѣмъ кончилась экспедиція г-на Геденштрома, столь занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія сего достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естествознанія льдистой страны, такъ, что не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратцѣ изъ его журнала:

«По всему берегу Ледовитаго моря лѣсъ не растеть. Онъ оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мохомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растеть еще низкій тальникъ и ерникъ (*betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и нако-

нецъ вовсе теряются. Изъ деревь одна лиственница растеть въ крайнихъ къ сѣверу лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берега Ледовитаго моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усыяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ наноснаго лѣса. Все доказываетъ, что сей увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальное разстояніе мѣли, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льда и земли. Въ некоторыхъ видны ледяныя жилы, перерывающія земляныя слои.»

На Ледовитомъ морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрель мѣсяцъ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревяныя горы* * на Новой Сибири. Разстояніе ихъ отъ Индигирки не меньше 312 верстъ. Быковскій мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также часто ясно видѣнь бываетъ съ мыса Бархая, влѣво отъ Яны, на разстояніи 115 верстъ.**

* Вышина ихъ, по измѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 20 саж.

** Въ журналѣ Геденштрома сказано 300 верстъ, но несправедливо.

О сѣверныхъ островахъ Геденштромъ замѣчаетъ, что берега ихъ, большею частію, состоятъ изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ, повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющееся, гнѣздообразное; имъ питаются бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кромѣ сѣверныхъ береговъ Фаддеевскаго острова и Новой Сибири. *Четвероногія*: олени, выше станомъ оленей материка Сибири; песцы, бѣлые и голубые; бѣлые медвѣди; мыши, бурья съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлыя; также замѣчены слѣды росомахи. Всѣ сіи звѣри туземные, вѣроятно, кромѣ росомахи. *Птицы*: бѣлыя куропатки; бѣлые филины, какіе бывають въ Лапландіи и по всему сѣверу; турнаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣ казарки, у коихъ крылья черныя, хвостъ и спина бурые, брюхо и зобъ светло-бурые. Жители приморскіе называютъ ихъ *нѣмкѣми*. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. *Рыбы*: на Котельномъ островѣ, въ Царевой рѣкѣ, ловится красная рыба *зубатка*, а на Новой Сибири довольно *рогатки*. Она величиною до 4 вершковъ, походитъ на налима видомъ и вкусомъ, только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонѣе; на головѣ четыре твердыя, конической фигуры, возвышенности, отъ которыхъ рыба сія и имя свое получила.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири

смолистое дерево; тутъ же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутыя выше *Деревянные горы* названы симъ именемъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящіе изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ пещаника и смолистаго дерева, въ видъ бревень. Въ утесахъ бревна сіи имѣютъ горизонтальное положеніе, а на самой вершинѣ горы стоятъ вертикально одно подлѣ другаго. Вышина концовъ, на поверхности земли, отъ 2 до 4 вершковъ. Видъ ихъ весьма походитъ на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что онъ совершенно походитъ на потухшій только что уголь, подернутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепломъ. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ нѣжная, бѣловатая плева его, крѣпко впрочемъ соединенная съ углемъ. *

На Котельномъ островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрѣдка темно-красные сердолики. Мамонтовыя клыки, или, какъ нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попада-

* Лейтенантъ Анжу говорить о Деревянныхъ горахъ слѣдующее: «Онъ суть ни что иное, какъ отвѣсный, до 20 саж. земляной яръ, образующій морской берегъ, на разстояніи около 5 верствъ; въ семь яръ лежатъ, почти горизонтально, бревна кучами, мѣстами по 50-ти вмѣстѣ, выходящія концами своими наружу. Самое толстое, мною видѣнное, имѣло въ діаметръ полторы четверти; составомъ хрупки, полутверды, чернаго, слабо-доснащагося цвѣта; горять на угольяхъ трудно и издаютъ смолистый запахъ.»

лись тяжеле шести пудовъ, а напротивъ, на матеромъ берегу, въ нѣкоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнь того островная кость свѣжѣе и бѣльѣ. На первомъ Ляховскомъ островѣ примѣчательно, что если отмѣль на западной сторонѣ острова, отъ продолжительныхъ вѣтровъ, обнажается, то находятъ на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, не заслуживаютъ большаго вниманія. Широта Святаго Носа, полагаемая имъ $71^{\circ} 50'$, разнится ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, также недостаточно, противъ вѣрнѣйшей observacii лейтенанта Анжу. Въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полу-градуса положенъ южнѣе новѣйшихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго острова до самаго восточнаго Новой Сибири по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 25 миль Итальянскихъ. Подобныя невѣрности дѣлаютъ опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотритъ изъ предшествовавшаго, что хотя сѣверные берега Сибири, и прилежащія къ нимъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однакожь, за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна

географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соответствовать требованіямъ географовъ и мореходцовъ, и морскія карты берега разнствовали въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Такъ, напримѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ при путешествіи экспедиціи капитана Биллингса, положены: Святой Носъ $70^{\circ} 53'$, а сѣверный пунктъ берега между Алазеею и Колымою $70^{\circ} 07'$; у Геденштрома, первый $71^{\circ} 50'$, второй $70^{\circ} 27'$, а на оригинальной картѣ Дмитрія Лаптева, первый $72^{\circ} 50'$, а второй $71^{\circ} 05'$.

Сверхъ того, отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстія о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагскаго мыса.*

Наконецъ, неопровергнутыя преданія, возобновленные въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованіи земель на сѣверъ отъ Котельнаго острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію сей части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время, когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

* См. Burney's Chronological History.

Таковы были причины, побудившія блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ, съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ морѣ земель и точкѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскій мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда, въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части Естествознанія, и двухъ чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на рѣку Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ рѣки Колымы, порученъ мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлены къ сему отряду:

Мичманъ Матюшкинъ,

Штурманъ Козьминъ,

Докторъ Медицины Киберъ,

Слесарь Иванинковъ.

Матросъ Нехорошковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюденій находилось при семъ отрядѣ:

Секстановъ 3

Артифиціальныхъ горизонтовъ со ртутью 3

Карманный секстанъ 1

Азимуфъ-компасъ 1

Ручныхъ пель-компасовъ	3
Термометровъ { ртутныхъ	3
{ спиртовыхъ	4
Барометровъ походныхъ	2
Инclinаторъ	1
Искусственныхъ магнитовъ	2

Государственный Адмиралтейскій Департаментъ, въ составленной для руководства инструкціи, изложилъ средства и цѣль отряда слѣдующими словами:

«Изъ журналовъ прежнихъ плавателей по Ледовитому морю видно, что въ лѣтнее время, за множествомъ носимаго по оному морю льда, невозможно производить описи на мореходномъ суднѣ. А какъ сержантъ Андреевъ, въ 1763 году, и титулярный совѣтникъ Геденштромъ и геодезистъ Пшеницынъ, въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, въ весеннее время, съ удобностию по льду на собакахъ объѣзжали и описывали, первый Медвѣжьи острова, а двое послѣднихъ Ляховскіе острова и Новую Сибирь, то и нынѣ полагается таковыми же способами исполнить Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, и первый отрядъ отправляемой экспедиціи назначается для описи береговъ отъ устья рѣки Колымы къ востоку до Шелагскаго мыса, и отъ онаго на сѣверъ, къ открытію обитаемой земли, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недалекомъ разстояніи.»

Экспедиція поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго Генералъ - Губернатора, дѣйстви-

тельного тайнаго совѣтника, Михайла Михайловича Сперанскаго; всѣмъ, что экспедиція совершитъ успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ Его Высочайшаго Проводительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ, отъ недостатка мѣстныхъ способовъ.

=

ГЛАВА II.

Отъездъ Экспедиціи изъ С. Петербурга. Прибытіе въ Иркутскъ. —
Плаваніе по рѣкѣ Ленѣ. — Городъ Якутскъ.

Оба отряда нашей экспедиціи отправились изъ С. Петербурга 23-го Марта 1820 года, и прибыли въ Москву 3-го Апрѣля. Здѣсь отделился я отъ начальника втораго отряда, лейтенанта Анжу; онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ, со всеми нашими инструментами, до установленія лѣтняго пути, а я, поручивъ оставшемуся при немъ г-ну Козьмину частный присмотръ за инструментами, принадлежавшими къ моему отряду, поспѣшилъ, съ мичманомъ Матюшкинымъ, въ Иркутскъ, дабы тамъ немедленно заняться нужными приготовленіями къ дальнѣйшему пути. Для ускоренія ѣзды нашей, мы взяли съ собою только два небольшіе чемодана, съ необходимымъ платьемъ и бѣльемъ, и отправились на обыкновенныхъ перекладныхъ.

Разлитіе многихъ рѣкъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ крайне замедляло путешествіе наше, но вмѣстѣ съ тѣмъ однакожь и разнообразило его окружающими насъ видами. Вся удоля превратились въ огромныя вмѣстилища водъ и въ озера; изъ нихъ торчали вершины уже зеленѣвшихъ деревьевъ, представляя взору чудное явленіе пловучихъ садовъ, между которыми, несясь черезъ холмы и горныя хребты по хорошимъ, и дурнымъ дорогамъ, достигли мы наконецъ до неизмѣримой Сибири.

Отъ Москвы до Иркутска, на пространство 5317 верстъ, составляющемъ едва треть всего протяженія Россіи отъ запада къ востоку, встрѣчали мы нѣсколько разъ весну и нѣсколько разъ зиму; сворота въ сторону, на незначительное по Сибирскому размѣру разстояніе, мы могли бы найти столь же легко совершенное лѣто. Въ Казани зеленѣли уже деревья и луга украшались прекраснѣйшими цвѣтами, а на высотахъ и въ долинахъ Уральскихъ горъ лежалъ еще глубокой снѣгъ. Въ окрестностяхъ Тобольска едва пробивалась свѣтлозеленая трава по отлогимъ мѣстамъ, между тѣмъ, какъ въ романическомъ Красноярскѣ улыбалась намъ роскошнѣйшая весна, а въ Иркутскѣ стояли сады уже въ полномъ цвѣтѣ. Къ сожалѣнію, спѣша на мѣсто нашего назначенія, мы только мимоходомъ удивлялись безпре-
станно смѣнявшимся красотамъ природы и рѣзкимъ противоположностямъ всякаго рода, кото-

рыя дѣлались еще болѣе рѣзкими отъ быстрой ѣзды нашей, и отъ того, что не въ состояніи будучи слѣдовать за постепеннымъ измѣненіемъ предметовъ, переносились мы изъ великолѣпныхъ чертоговъ столицы бѣлокаменной Москвы въ юрты кочующихъ Тунгусовъ, изъ необозримыхъ дубовыхъ и липовыхъ лѣсовъ Казани на голыя, снѣгомъ и льдомъ покрытыя тундры по берегамъ Алазеи и Колымы. Какая разность въ климатъ, произведеніяхъ, населеніи, физіогноміи странъ! Какое разстояніе между степенью умственного образованія жителей столицы и народовъ кочующихъ!

Коль скоро перешагнете за Уральскій хребетъ, или, по тамошнему, за *Каменный Поясъ*, слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно, васъ поражаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ рѣдкое добродушіе и привѣтливость обитателей сей страны, которую все еще представляютъ себѣ столь многіе, особенно иностранцы, ужасною, хладною пустынею, наполненною злодѣями и преступниками. Въмѣсто того, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь, именно въ южной части, роскошную растительность, хорошо воздѣланныя поля, отличныя почтовые дороги, большія, хорошо устроенныя деревни и совершенную безопасность, какую едвали можно найти въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы. Вездѣ принимали насъ съ радушнымъ гостепріимствомъ и безкорыстіемъ, и безъ малѣйшей задержки,

тотчасъ отправляли далѣе. При перемѣнѣ лошадей, случалось ли то днемъ или ночью, вещи наши лежали на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъявленіи на счетъ того опасенія, намъ отвѣчали простосердечно: «Небось! Тутъ ничего не украдутъ.»

Мая 18-го пріѣхали мы въ Иркутскъ, и остановились въ домѣ начальника Адмиралтейства, лейтенанта М. И. Кутыгина, у котораго, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, проведеннаго мною здѣсь, пользовался я самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Немедленно явился я къ бывшему тогда Сибирскимъ Генераль-Губернаторомъ, дѣйствительному тайному совѣтнику Сперанскому. Его Высокопревосходительство, удостоивъ меня самаго лестнаго пріема, съ предупредительною готовностью доставилъ мнѣ всевозможныя пособія къ снаряженію и приготовленію всего нужнаго для нашего дальнѣйшаго путешествія, такъ, что въ короткое время успѣлъ я запастись всѣмъ, что только здѣсь и отсюда получить было возможно. Между прочимъ, М. М. Сперанскій сообщилъ мнѣ, по своей благосклонности, всю переписку, веденную имъ по предмету нашей экспедиціи, со всѣми мѣстными начальствами тѣхъ областей, черезъ которыя проѣзжать ей надлежало, какъ равно и донесенія господина Гедештрома, посѣщавшаго въ 1811 году берега и острова Ледовитаго моря, приказавъ мнѣ представить

собственное мнѣніе мое обо всемъ, что казалось бы еще нужнымъ и полезнымъ для лучшаго успѣха въ предпріятіи нашемъ. Письменные свидѣнія и личное мое знакомство съ г-мъ Геденстромомъ, вызваннымъ въ Иркутскъ по распоряженію господина Генераль-Губернатора, были для меня весьма важны, ибо я узналъ уже здѣсь, что предстоитъ мнѣ въ Нижне-Колымскъ и на берегахъ Ледовитаго моря. Картина странъ, покрытыхъ вѣчнымъ саваномъ, сотканнымъ изъ снѣга и льдовъ, странъ, гдѣ, кромѣ суроваго климата, полагалъ намъ непреодолимья препятствія еще недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ всякаго рода, такая картина была, признаюсь, по крайней мѣрѣ, непривлекательна; впрочемъ, она не имѣла никакого особеннаго вліянія на веселую бодрость нашу, съ какою приступивъ къ данному намъ порученію, мы взяли для того надлежащія мѣры.

По прибытіи въ Иркутскъ (въ первыхъ числахъ Іюня) лейтенанта Анжу, съ прочими къ экспедиціи принадлежащими чинами, и съ инструментами, оставили мы 25-го Іюня столицу Сибири, исполненные признательности и благодарности за участіе, дружбу и всѣ пріятности, которыми пользовались въ ней, и которыя были для насъ тѣмъ драгоценнѣе, что здѣсь нѣкоторымъ образомъ разставались мы съ образованнымъ свѣтомъ, отправляясь года на четыре въ льдистыя пустыни, гдѣ надлежало отказаться отъ всѣхъ пріятностей и наслажденій общественной жизни, ко-

торыми съ избыткомъ пользовались въ гостеприимномъ Иркутскѣ, и особенно въ радушномъ семейномъ кругу тамошняго Губернатора И. Б. Цейдлера.

Юня 27-го, прибыли мы всѣ въ мѣстечко Качугъ, находящееся въ 236 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, которая отсюда начинаетъ быть судоходною. Тутъ нашли мы устроенный для насъ *павозокъ*, большое плоскодонное судно съ палубою, и нагрузивъ его припасами, заготовленными для насъ въ Иркутскѣ Адмиралтействомъ, пустились, 28-го Юня вечеромъ, внизъ по теченію величественной Лены.

Урочище Качугъ являетъ собою нѣчто похожее на пристань, ибо отсюда сплавливаются всѣ купеческіе товары и казенныя тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Лень.

Для того употребляютъ суда двоякаго рода: *павозки* и *Ангарки*. Первыя суть большія, широкія барки, которыя нагружаются вскими тяжестями, отправляемыми до самаго Якутска, но по причинѣ своей величины, они не могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, и потому, прибывши къ мѣсту своего назначенія, разбираются, и употребляются, какъ въ Петербургѣ барки, на строеніе и дрова. Ангарки, напротивъ того, суда меньше, поднимающія не болѣе 80 пудовъ груза, возвращаются назадъ греблею и бичевою. Есть еще родъ довольно большихъ, покрытыхъ палубою судовъ, съ парусами; ихъ употребляютъ для перевозки разныхъ товаровъ

по рѣкѣ, внизъ и вверхъ. Путешественники налегкѣ пользуются небольшими скороходными лодками, и для безопасности держатся навѣтреннаго берега; со станцій, расположенныхъ здѣсь въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, они имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколько лошадей значится въ ихъ подорожной, такъ, что могутъ продолжать плаваніе свое довольно скоро и безостановочно, особенно внизъ по рѣкѣ.

Но вотъ все, что по сіе время сдѣлано здѣсь въ пользу внутренняго сообщенія по рѣкамъ, а оно, по своей великой важности, заслуживаетъ особенное вниманіе, въ столь малолюдной землѣ, какова бѣольшая часть Сибири, гдѣ поселенія отдалены одно отъ другаго нерѣдко на нѣсколько сотъ верстъ, и преимущественно потому, что поселенія, лежащія далѣе къ сѣверу, не могутъ существовать, ежели не подвезутъ имъ необходимыхъ для содержанія запасовъ изъ болѣе южныхъ и болѣе обработанныхъ областей. Величественныя, исполинскія рѣки пересѣкаютъ Сибирь съ юга на сѣверъ, и, кажется, самую природою предназначены нести избытки изъ южныхъ странъ ея въ отдаленныя сѣверныя, обитатели коихъ терпятъ недостатокъ во всемъ; главныя рѣки соединяются между собою множествомъ побочныхъ, бѣольшихъ или меньшихъ, но вообщее судоходныхъ, такъ, что едвали найдется какое либо средоточное мѣсто, до котораго нельзя было бы достигнуть водою. Та-

кимъ благодѣніемъ природы хотя и пользуются, отправляя съ Якутской ярмарки * въ Жиганскъ, и въ прочія, внизъ по Ленѣ лежащія селенія, на большихъ или меньшихъ судахъ, нѣкоторыя необходимыя жизненныя потребности и предметы роскоши, какъ то: муку, соль, чай, сахаръ, горячее вино, табакъ, и незначительное количество матерій, однакожь, при несовершенствѣ судовъ и недостаткѣ работниковъ для приведенія ихъ въ движеніе, плаваніе не только бываетъ весьма ненадежно, но и производится обыкновенно столь медленно, что транспорты часто зазимовываютъ, не достигнувъ мѣста своего назначенія, и привуждены бываютъ останавливаться до слѣдующей весны, гдѣ придется. Конечно, въ такомъ случаѣ доставляется иногда сухимъ путемъ нѣкоторая часть самыхъ необходимыхъ вещей, но сего рода доставленіе сопряжено съ столь великими затрудненіями, и обходится столь дорого, что привозимые такимъ образомъ въ незначительномъ количествѣ товары продаются по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, и большая часть бѣдныхъ жителей не въ состояніи ими запастись. Потому безпрестанно находятся они въ мучительнѣйшей неизвѣстности на счетъ столь

* Большая часть товаровъ отправляется по условіямъ, заключаемымъ на Якутской ярмаркѣ въ началѣ Августа; но какъ нижняя сѣверная часть Лены замерзаетъ обыкновенно въ Сентябрь, то нерѣдко случается, что значительные казенные караваны не доходятъ даже до Жиганска.

важныхъ для нихъ подвозовъ, тѣмъ болѣе, что остановка ихъ влечетъ за собою, кромѣ недостатка въ той или другой жизненной потребности, вредныя слѣдствія для здоровья вообще. Наконецъ, и самое сохраненіе грузовъ, остановившихся на зимовку, въ продолженіе которой часть товаровъ подвергается порчѣ, крайне обременяетъ прибрежныхъ жителей, обязанныхъ поставить нужное число сторожей для надзора за казеннымъ имуществомъ.

Всѣ сіи неудобства можно устранить, по моему мнѣнію, постройкою одного парохода, съ помощію коего суда успѣвали бы проплыть въ мѣсяцъ отъ Качужской пристани до отдаленнѣйшихъ мѣстъ нижней Лены. Совершая такимъ образомъ плаваніе, можно удобно дѣлать два оборота въ одно лѣто, и черезъ то достаточно снабжать сѣверную Сибирь всѣмъ нужнымъ. Отъ подобнаго ускоренія судоходства по Ленѣ, все пространство, тысячи на четыре верстъ, между Иркутскомъ и берегами Ледовитаго моря, получило бы новую жизнь; промышленность возрасла бы въ тѣхъ странахъ, жители ихъ имѣли бы необходимыя потребности надежнѣе и по гораздо дешевѣйшимъ цѣнамъ, и Сибирское лѣто, понынѣ слишкомъ короткое, показалось бы болѣе продолжительнымъ отъ благоразумнаго употребленія времени. При великомъ множествѣ неизмѣримыхъ лѣсовъ, растущихъ по обоимъ берегамъ верхней Лены, снабженіе парохода дровами, уже нарубленными, будучи со-

пряжено съ незначительными издержками, представляет мало затрудненій, а жителямъ открываетъ новую отрасль промышленности.

Обратимся однакожь къ моему рѣчному плаванію. Судно наше, скользя на поверхности величественной Лены, между высокихъ, романическихъ береговъ, неслоь, или по теченію струй, или подъ распущеннымъ парусомъ, когда вѣтеръ благопріятствовалъ, или, въ противномъ случаѣ, на веслахъ.

Лена принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Отъ *Качужской* пристани до станка *Риги* (на разстояніи 400 верстъ) протекаетъ она черезъ страну гористую, покрытую дремучими лѣсами, между берегами живописными (особенно въ верхней, южнѣйшей половинѣ), въ своихъ видахъ до безконечности разнообразными. По скатамъ горъ видишь обработанныя поля, луга, огороды, и между ними хижины поселянъ, живущихъ здѣсь отчасти отдѣльными дворами, а отчасти небольшими деревнями *. Самая рѣка усѣяна множе-

* Жителямъ сихъ мѣстъ причиняютъ великій вредъ разлитія рѣкъ, которыя отъ сильныхъ проливныхъ дождей и скоро растаявшихъ снѣговъ въ ущельяхъ горъ нерѣдко выступаютъ изъ береговъ, и разливаясь, заносятъ обработанныя уже поля, луга и огороды вязкимъ, бесполезнымъ иломъ. Черезъ то они лишаются плода трудовъ своихъ, и средствъ, для прокормленія себя и содержанія своихъ незначительныхъ стадъ рогатаго скота. Въ такомъ случаѣ они обращаются къ казеннымъ магазинамъ, которые каждый годъ, всегда изобильно, наполняются избытками съ плодоносныхъ полей Иркутскихъ и Красноярскихъ. Сіи за-

ствомъ низменныхъ островковъ, поросшихъ лѣсомъ. Горы постепенно возвышаются и становятся болѣе утесистыми; у станка Риги вдругъ поворачиваетъ Лена круто на востокъ, и съ перваго взгляда кажется, что сближающіеся внизу оба стремнистые берега, какъ будто стѣсняють теченіе рѣки. Съ сего мѣста принимаютъ многія отрасли горныхъ хребтовъ направленіе къ югу, и Лена, освободясь отъ стѣснявшихъ ее досель горъ и отвѣсныхъ скалъ, величественно и великолѣпно продолжаетъ свое теченіе между низменными берегами.

Изъ рѣкъ, вливающихся въ Лену, на означенномъ пространствѣ, упомяну только объ *Орленгѣ*, впадающей въ нее съ правой стороны; она замѣчательна по мелко-зернистому пещаному камню, добываемому въ горахъ, образующихъ берега рѣки, и употребляемому жителями на бруски, которыми запаслись и мы; въ послѣдствіи, они были для насъ весьма полезны.

Между Риги и станкомъ Усть-Кутскимъ попадаетъ кое-гдѣ нѣсколько отмѣлей, затрудняющихъ плаваніе во время мѣлководья; далѣе однакожь ходять употребляемыя здѣсь плоскодонныя суда вездѣ безпрепятственно. При устьѣ рѣки *Куты*, впадающей въ Лену съ лѣвой стороны, построено Рускими, въ 1631 году, первое постоянное зимовье на берегахъ Лены, которую пасныя житницы весьма благодѣтельны и необходимы для существованія здѣшнихъ жителей; нуждающимся въ пособіи отпускають изъ нихъ по дешевымъ цѣнамъ зерно и муку.

открыли въ первый разъ, въ 1607 году, Мангазейскіе, или Туруханскіе, а потомъ, въ 1628 г., Енисейскіе казаки. Послѣдніе спустились съ верховья *Идирмы* въ Куту, а первые поднялись вверхъ по рѣкѣ Нижней Тунгускѣ, изъ которой, преслѣдуя непокорившіяся еще Якутскія племена черезъ узкій волокъ, вошли въ Вилюю, а по немъ въ Лену.

Отъ станка *Заборья* до города *Киренска* считается по сухому пути только 35 верстъ, а по Ленѣ 105. Она течетъ большими извилинами по сему пространству, которое отъ того и названо *Великими луками*, и при глубинѣ въ 7-мь сажень, не имѣетъ почти ни малѣйшаго стремленія. Отъ станка *Риги* горы опять начинаютъ показываться съ правой и съ лѣвой стороны. У *Киренска* вся лѣвая береговая покатость состоитъ изъ чернаго шифера, съ настилками слюды. Нѣсколько верстъ внизъ, на той же сторонѣ, находятся слои зеленаго шифера въ красной глинѣ; далѣе верстъ за 100 весь берегъ состоитъ изъ обыкновенной глины и не настоящаго шифера. Около такъ называемыхъ *Щекъ*, въ 250 верстахъ ниже *Киренска*, лѣвый берегъ образуютъ известковыя скалы, содержація въ себѣ жилы кремнистой породы и кристаллы известковаго шпата. Сіи скалы безпрестанно умножаются, на разстояніи 350 верстъ, выше города *Олекмы*, у котораго берега опять понижаются и дѣлаются низменными. Въ нихъ лежатъ во множествѣ обломки зеленаго порфира, простаго квар-

ца, съ глиммерными блестками и глиммернымъ шиферомъ, въ величайшемъ количествѣ. Около 150 верстъ до Олекмы, крутой берегъ состоитъ изъ слоевъ разноцвѣтнаго шифера, свѣтло-зеленыхъ, а въ промежуткахъ свѣтло-сѣрыхъ, очень тонкихъ; попадаетъ также шиферъ зеленого цвѣта, жесткій и неудобораскалываемый пещаникъ, а между шиферными настилками кое-гдѣ нѣсколько гипса. Наконецъ, весь лѣвый берегъ у Олекмы составляетъ глина, въ которой сѣроватый шиферъ стелется довольно толстыми пластами, и нерѣдко показывается прекрасный гипсъ, ослѣпительной бѣлизны.

Около 180 верстъ выше Якутска, у станка *Батомоя*, правый берегъ Лены образованъ изъ отвѣсно стоящихъ скалъ, которыя по своему виду называются *Столбами*; въ нихъ, говорятъ, находятся различныя породы мрамора. Далѣе, верстахъ въ 60 ниже *Столбовъ*, видны въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ, изъ чисто-известковаго камня, пещеры, подземные ходы и тому подобное. Это, кажется, остатки отъ бывшихъ поисковъ серебряной руды, которую, по известнымъ признакамъ, надѣялись здѣсь открыть; но какъ найдено только незначительное количество свинца, а серебра вовсе не оказалось, то работы вскорѣ прекратились. Въ одной изъ сихъ пещеръ, въ 120 верстахъ отъ Якутска, докторъ Киберъ нашелъ странное явленіе природы: среди пещеры, въ нѣсколько саженъ глубины, на утесистой почвѣ, растеть, по видимому, до-

вольно успѣшно, лиственница, не смотря на мракъ, ее окружающій.

Въ заключеніе моихъ краткихъ, неполныхъ замѣчаній о качествѣ Ленскаго берега, сообщу еще нѣчто о двухъ примѣчанія достойныхъ, совершенно противоположныхъ ключахъ, находящихся верстъ за 150 ниже Столбовъ. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ крутаго известковаго утеса, на лѣвомъ берегу, издаетъ странный запахъ при высокой температурѣ; другой, выходящій на правомъ берегу, содержитъ холодную, весьма прозрачную, но вкусомъ пресоленую воду.

Городъ Киренскъ есть не иное что, какъ довольно жалкая деревня, и не представляетъ ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшею капустою, картофелемъ, рѣпою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакожь въ иные годы, при наступленіи раннихъ морозовъ, неслишкомъ удаются. Огороды располагаются всегда такъ, чтобы съ сѣверной и восточной стороны были защищены горами, утесами или лѣсомъ.

Неподалеку отъ станка *Частые Острова*, около 250 верстъ ниже Киренска, Лена, при глубинѣ въ 12 сажень, съ великимъ напоромъ протѣсняется между скалъ, отвѣсно поднимающихся на 80 сажень. Сіе мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣлъ разъ сто или болѣе, и притомъ столь

усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышишь продолжительный бѣглый огонь, даже пушечную пальбу цѣлаго парка. На семь мѣсть, рассказывали намъ, случилось за нѣсколько лѣтъ предъ симъ весьма печальное происшествіе: Тунгусъ, преслѣдуя на лыжахъ лося, замѣтилъ, въ своемъ охотничьемъ пылу такъ же мало, какъ и перепуганный звѣрь, что находится на краю отвѣсной скалы, и—оба низринулись въ 80-ти сажениую бездну, на неровный ледъ рѣки, гдѣ нашли ихъ совершенно разбитыми.

По близости Щекъ торчитъ изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, назвали *Пьянымъ Бычкомъ*, потому, что за нѣсколько лѣтъ, къ немалой ихъ радости, разбилося объ него, по неосторожности кормчаго, судно съ хлѣбнымъ виномъ, при чемъ они, разумѣется, поживились частію дорогаго груза. Этотъ памятникъ столь занимательнаго кораблекрушенія объѣхали мы благополучно, и при замѣтно уменьшившейся быстротѣ теченія проплыли мимо устья *Витима*, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюды, а еще болѣе по превосходнымъ соболямъ, которые, послѣ Олекминскихъ, почитаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще лѣса на правомъ берегу Лены изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ, какъ на лѣвомъ берегу они попадаютъ рѣже и мѣха ихъ цѣнятся не столь высоко. Естественной причины сказанному долж-

но искать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами, соединяющимися непосредственно съ лѣсами Яблоннаго Становаго хребта, * въ которые не проникали самые отважные промышленники; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, слѣдовательно, для нихъ доступнѣе.

Юля 9-го находились мы напротивъ города *Олекмы* **; тутъ, при сильномъ дождѣ, поднялась съ низу рѣки столь жестокая буря, что совершенно остановила теченіе рѣки съ нашимъ павозкомъ, и заставила насъ прибѣгнуть къ средству, которое употребляется здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ не безъ успѣха: связавъ веревками четыре листвени въ рядъ, прикрепили ихъ веревками къ передней части нашего судна, и привѣсивъ къ нимъ камни, погрузили ихъ вершины въ рѣку, съ небольшимъ на сажень отъ поверхности воды; при такой глубинѣ, нижнее теченіе въ рѣкѣ, не будучи под-

* Такъ называется горный хребетъ, протягивающійся вдоль Лены съ востока на югъ, и соединяющійся съ Байкальскими горами.

** Олекминскіе соболи почитаются лучшими въ Сибири; иной превосходный соболь продается по 50, по 100 рубл. и дороже. Здѣшніе бѣличьи мѣха, отличающіеся весьма густымъ, длиннымъ и темно-сѣрымъ волосомъ, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорогимъ цѣнамъ. Потому Олекма есть важный городъ въ торговлѣ пушными товарами; онъ замѣчательнѣе еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири порубежную черту земледѣлія, за которою, далѣе къ сѣверу, оно прекращается, да и здѣсь не всегда съ успѣхомъ производится; часто ранніе морозы уничтожаютъ надежды земледѣльца. Снѣгутъ почти исключительно озимую рожь.

вержено вліанію вѣтра, понесло насъ впередъ посредствомъ нашего *подводнаго паруса*, вопреки вѣтру и сильному волненію, при чемъ нашего павозка не метало поперегъ рѣки, какъ прежде.

Не смотря на продолжительный дождь во время плаванія, нѣсколько разъ видѣли мы горящіе лѣса, на великихъ пространствахъ вдоль береговъ. Мягкій кустарникъ и сухой валежникъ были бѣльшого частію уже сожжены, но исполнскія сосны и лиственни, совершенно объятые пламенемъ, стояли густыми рядами, подобно огромнымъ огненнымъ столбамъ, и отражавшимся отъ нихъ въ рѣкѣ заревомъ, при ужасномъ трескѣ смолистаго хвойника, представляли, особенно ночью, великолѣпное зрѣлище. Подобныя лѣсные пожары, простирающіеся нерѣдко верстъ на сто, случаются здѣсь довольно часто, и почти всегда отъ безпечности промышленниковъ, или провѣзжихъ: они не гасятъ огня, разводимаго ими для приготовленія пищи, или для того, чтобы посредствомъ дыма избавиться ночью отъ комаровъ, омрачающихъ здѣсь воздухъ своими, подобно облакамъ густыми роями, и причиняющихъ нестерпимое мученіе. Такіе лѣсные пожары, уже сами по себѣ вредныя, дѣлаются несравненно вреднѣе потому, что тревожатъ и разгоняютъ дичь и пушныхъ звѣрей всякаго рода въ отдаленныя страны. Хотя вредъ на самихъ промышленниковъ падаетъ, но все таки не можетъ ихъ образумить и сдѣлать осторожными.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ подавались, мы тѣмъ пустыннѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы примѣтны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣльства; но далѣе исчезаютъ совершенно; жители достаютъ себѣ пропитаніе исключительно однимъ скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кромѣ станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія селенія, да и тѣ съ ихъ обывателями находятся въ бѣдственномъ состояніи. Пріѣзжавшіе къ намъ станковъ гребцы были покрыты рубищами жалкаго вида, удручены недостаткомъ и нуждою, что замѣтно особенно на Русскихъ крестьянахъ, которые встрѣчаются до станка *Улахань*, находящагося верстахъ въ 50-ти отъ Якутска; оттуда далѣе на сѣверъ все народонаселеніе состоитъ изъ однихъ только Якутовъ, которые, какъ природные туземцы, свыклись съ суровымъ климатомъ, проистекающими отъ него недостатками и средствами пособить себѣ гораздо болѣе, нежели чужеземные переселенцы, а отъ того и подвержены нуждѣ менѣе Русскихъ.

Проведя цѣлую ночь на мѣли, наконецъ достигли мы Якутска 25-го Іюля, по 27-ми дневномъ плаваніи отъ Качуга до сего города (около 2500 верстъ). Весною, когда рѣка течетъ гораздо быстрѣе и противные вѣтры не задерживаютъ, можно проплывать отъ 190 до 200 верстъ въ сутки, и совершить плаваніе въ 13 или 14 дней.

По прибытіи въ Якутскъ, немедленно явились мы къ тамошнему главному начальнику, стат-

скому совѣтнику Миницкому, извѣстному своею прежнею, отличною службою во флотъ. Онъ принялъ насъ весьма ласково и дружелюбно, и во все время нахождения экспедиціи нашей во вѣрренной его управленію области, всегда съ предупредительною готовностью старался оказывать намъ пособіе и помощь во всѣхъ потребностяхъ, что въ лишенномъ всего, пустынномъ краѣ имѣло самое существенное вліяніе на успѣшный ходъ нашего предпріятія. Насъ обоихъ, г-на Анжу и меня, помѣстилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ; мы, въ продолженіе нашего пребыванія въ Якутскѣ, имѣли много случаевъ почерпнуть изъ его поучительной бесѣды весьма важныя уроки и на опытѣ основанныя совѣты, касательно странствованія нашего по такой землѣ, которую изучилъ и узналъ онъ послѣ долговременнаго въ ней пребыванія и многократныхъ путешествій по большей части Сибири.

Якутскъ носитъ на себѣ совершенный отпечатокъ хладнаго, мрачнаго сѣвера. Городъ расположенъ на голой равнинѣ, примыкающей къ лѣвому берегу Лены. Въ его широкихъ улицахъ видны только незначительныя дома и хижины, окруженныя высокими деревянными заборами. Между сырими, мертвыми бревнами и досками, тщетно будете искать дерева, или хотя одного зеленаго кустика; ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременнаго лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею бѣлизною,

быть может, нѣсколько оживляетъ печальную, сѣрую единообразность.

Въ городѣ считается всего 4,000 жителей, около 500 домовъ, 5 церквей (изъ коихъ три каменные и двѣ деревянные), одинъ монастырь; при насъ строился каменный гостинный дворъ. Единственную достопримѣчательность Якутска составляетъ старинная деревянная крѣпость, или острогъ, съ угрожающими паденіемъ угловыми башнями, которую, въ 1647-мъ году, построили завоеватели Сибири, казаки. Сколь ни ветхъ сей памятникъ перваго основанія Якутска, однакожь жители взираютъ на него съ благоговѣніемъ, и охотно рассказываютъ о богатырскихъ подвигахъ своихъ предковъ, началъ и приращеніи своего любезнаго города, который, къ счастью, большая часть изъ нихъ любить и находить довольно красивымъ. Впрочемъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, онъ дѣйствительно улучшился примѣтнымъ образомъ; уже исчезли всѣ Якутскія юрты, видѣнныя въ немъ, въ 1793 году, капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами; тогдашнія льдины *, и даже слюда, замѣнены стеклами, по крайней мѣрѣ, у болѣе зажиточныхъ горожанъ, а въ нѣкоторыхъ до-

* Во всѣхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странахъ Сибири вставленная въ отверстіе окна чистая лдяная пластинна, спаянная свѣтомъ и водою, заступаетъ стекло, которыя отъ чрезмѣрно сильныхъ морозовъ лопаются. Да же слюда, изъ которой тамъ сбиваютъ окна, не можетъ устоять противъ жестокой стужи, и потому при наступленіи зимы вынимается и замѣняется лдяною пластиною.

махъ мерцаетъ уже заря комнатной роскоши, какъ то: большія окна, высокія комнаты, створчатыя двери, и тому, подобное, неоспоримое слѣдствіе благосостоянія жителей, и плодовъ неутомимаго попеченія, прилагаемаго достойнымъ областнымъ начальникомъ обо всемъ, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Якутскъ, какъ извѣстно, есть средоточіе не малой части сѣверной Сибирской торговли. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ береговъ Ледовитаго моря до находящагося у Олекмы горнаго хребта Алдана, изъ Удскаго острога, даже изъ Охотска и Камчатки, съ пространства, составляющаго нѣсколько тысячъ верстъ въ окружности, свозятся въ сей городъ драгоценнѣйшіе и простые пушные товары всякаго рода, сверхъ того моржевые зубы и загадочныя мамонтовья кости, остатки допотопныя, для промѣна или продажи въ теченіе лета. Въ оборотъ привозится всего болѣе нежели на два съ половиною милліона рублей, и однихъ пушныхъ товаровъ бываетъ милліона на полтора *.

Со вскрытіемъ Лекы купцы прїѣзжаютъ изъ Иркутска въ Якутскъ, привозя съ собою въ обмѣнъ всевозможные товары, какіе только нужны здѣсь въ житейскомъ быту. Кромѣ крѣпкаго Чер-

* На ярмаркѣ 1836 года пушныхъ товаровъ въ продажу поступило: бѣлокъ 615 тыс., лисицъ 16 тыс., рѣчныхъ бобровъ 500, выдръ 200, куницъ 2000, песцовъ 20 тыс., горностаевъ 45 тыс., хорьковъ 3500, струи кабарожьей 10 тыс., соболей 18 тыс., моржоваго зуба пудовъ 1000, мамонтовой кости пудовъ 1900.

каскаго табаку въ папушахъ, играющаго важную ролю, главнѣйшіе предметы торговли суть: хлѣбъ въ зернѣ и мука, чай и сахаръ, горячіе напитки разныхъ сортовъ, особенно водка, Китайскія, бумажныя и шелковыя матеріи, нисшей доброты сукна, мѣдныя и желѣзныя вещи, стекло, и т. д. Жители Якутска не упускаютъ случая заpastись въ продолженіе ярмарки всѣмъ нужнымъ, ибо съ окончаніемъ расторжки мѣлкіе торговани возвышаютъ цѣны на всѣ товары до чрезвычайности, а нѣкоторыхъ нельзя достать и за деньги.

Времени главной расторжки нельзя назвать собственно ярмаркою, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ въ Россіи: здѣсь не видишь ни тѣни того, что происходитъ на всѣхъ другихъ нашихъ ярмаркахъ; товары нигдѣ не выставляются; особенно ярмарка не сопровождается никакими народными увеселеніями; на улицахъ даже незамѣтно увеличившейся дѣятельности или суетливости. Купцы, какъ будто прячутся со всѣми своими товарами въ домахъ, или дворахъ; тамъ рѣшаютъ они свои дѣла, стараясь, какъ можно болѣе содержать другъ отъ друга въ тайнѣ цѣны товаровъ и имена тѣхъ лицъ, съ которыми намѣрены торговать; они, мѣщане и казаки занимаются почти исключительно торговлею пушнымъ товаромъ съ окрестными Якутами; бѣднѣйшіе изъ нихъ употребляютъ капиталъ свой, сколь ни былъ бы онъ малозначущъ, на то, чтобы въ продолженіе зимы, мало по малу, пона-

купить нѣкоторое количество шкуръ, и потомъ съ значительнымъ барышомъ продать ихъ Иркутскимъ гуртовымъ купцамъ, или промѣнять имъ на различныя житейскія и другія потребности. Какъ говорили мнѣ, между Рускими не найдется ни одного ремесленника. Напротивъ того, здѣшніе Якуты, занимавшіеся нѣкогда только звѣриною ловлею и скотоводствомъ, принялись нынѣ за разныя ремесла и доставляютъ своимъ бывшимъ учителямъ, Рускимъ, все нужное, получая отъ того значительную прибыль. Между ними находятся искусные плотники, столяры; рѣзчики, даже живописцы *, и они отличаются понятливостью, любовью къ труду и порядку.

О воспитаніи дѣтей заботятся здѣсь мало; ребѣнка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой либо Якуткѣ, которая, вскормивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько обьякученнаго, родителямъ; дома онъ дорастаетъ, и научившись нѣсколько грамотъ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства Сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бывають крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества обьясняется, съ перваго взгляда

* Весь образа въ новомъ каменномъ Соборѣ, и столярная и рѣзная работы на иконостасѣ, произведены Якутами, весьма красиво и хорошо.

страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества Якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую Французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцовъ мѣхами, въ именины своей жены. Общество состояло изъ областного начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ Якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе.

Хлѣбосольство жителей Якутска славится повсюду и вошло почти въ пословицу, но какъ здѣсь бываетъ обыкновенно мало прѣзжихъ, или путешественниковъ, въ отношеніи которыхъ они могли бы исполнять сію добродѣтель, то Якутчани ограничиваются почти исключительно своимъ собственнымъ кругомъ, и имѣя много свободнаго, празднаго времени, проводятъ его въ довольно шумныхъ собраніяхъ, гдѣ кушанья и напитки составляютъ, разумѣется, главные предметы ихъ наслажденія. Послѣ пышнаго стола, приправленнаго наливками въ изобиліи, старики проводятъ остальное время за стаканчикомъ пуншу и карточнымъ столомъ, а дамы за кипящимъ самоваромъ и тарелками съ каменными кедровыми орѣхами, которые пощелкиваютъ безпрестанно; молодежь между тѣмъ танцуетъ Сибирскую

восмерку, подъ гусли, или скрипку. Такъ проходитъ день за днемъ, единообразно, безъ малѣйшей перемѣны, исключая разве тотъ случай, что нечаяннымъ образомъ попадется въ Якутскъ какой нибудь новый, въ остальномъ мѣрѣ уже преданный забвенію, дамскій нарядъ; онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, зависть и соревнованіе, ибо, не смотря на уединенность здѣшняго края, нарядъ составляетъ и здѣсь для дамъ самую существенную принадлежность и наслажденіе жизни. Каково въ Якутскѣ жилали прежде «во дни оны,» не знаю; слышалъ однакожь отъ многихъ старожиловъ горькія жалобы, что настоящее поколѣніе крайне уклонилось отъ прежнихъ, скромныхъ и простыхъ нравовъ, страсть къ картежной игрѣ, нарядамъ, мотовству, чрезвычайна въ немъ усилилась, и раззорила уже не одно семейство въ конецъ. По кратковременному пребыванію моему въ Якутскѣ, я не въ состояніи сказать ничего рѣшительнаго на счетъ основательности такихъ жалобъ; не слѣдуетъ ли однакожь приписать ихъ отчасти также стариковщинѣ, которая здѣсь, какъ и вездѣ, почитая свой вѣкъ блаженнымъ, оуждаетъ настоящій?

Послѣ моего маленькаго отступленія, обращаюсь опять къ нашей экспедиціи.

Неутомимыми, дѣятельными распоряженіями г-на Миницкаго были мы приведены въ состояніе предпринять путешествіе къ Ледовитому морю еще до истеченія лѣта. Г-нъ Анжу поплылъ съ своимъ отрядомъ внизъ по Ленѣ въ первыхъ числахъ

Августа. Около того же времени отрядилъ я впередъ мичмана Матюшкина въ Нижне-Колымскъ, для приведенія въ порядокъ и устройства всего нужнаго къ принятію и пребыванію тамъ экспедиціи. Вскорѣ послѣ того, едва покрылись льдомъ болота и рѣки, поручилъ я штурману Козьмину присмотрѣть за всеми изъ Якутска назначенными припасами, слѣдовавшими равномерно въ Колымскъ, какъ главный пунктъ нашихъ дѣйствій, но самъ не могъ отправиться прежде 12-го Сентября.

ГЛАВА III.

ПУТЬ ОТЪ ЯКУТСКА ДО НИЖНЕ-КОЛЫМСКА.

Вьючные лошади. — Первый ночлеги. — Якуты. — Якутское селение
Море. — Юрты, одежды, обряды, пѣсни, пища Якутовъ. — Якут-
скія деревни. — Черта Якутскаго характера. — Рѣка Алдань. Рѣка
Тукулань. — Ночлеги въ лѣсу. — Верхо-Янскій хребетъ. Бродячие
Тунгусы. Станки Баралась и Таболахъ. — Городокъ Зашиверскъ. —
Окрестные жители. Рѣка Алазелъ. — Станокъ Сардахъ. — Средне-
Колымскъ. — Зимнее дорожное платье. — Рѣка Омолонъ. — Ъзда
на собакахъ. — Привѣздъ въ Нижне-Колымскъ.

У Якутска прекращается тельжная и санная ѣзда; отсюда до Колымска и по всей огромной льдистой пустыни сѣверной Сибири нѣтъ ни одной проложенной дороги; только изрѣдка встрѣчаются узкія, кочковатые тропинки, проложенныя черезъ болота, сквозь обширные лѣса, густо сросшіеся кустарники, по холмамъ и крутымъ горамъ, такъ, что не иначе, какъ верхомъ на лошади, можно достигнуть до мѣстъ болѣе ровныхъ, гдѣ начинается санная ѣзда на оленяхъ и собакахъ. По такъ называемой Якутской до-

рогъ, отъ праваго берега Лены наискось до Алдана, устроены для перемъны лошадей станціи, на разстояніяхъ 15, 18 и 40 верстъ.

12-го Сентября, въ полдень, при ясной погодѣ, отправился я въ путь, и съ поклажею своею переехалъ въ лодкѣ черезъ рѣку на противоположный берегъ, гдѣ на станціи должны были дожидаться насъ лошади.—Въ семь мѣствъ Лена сужена множествомъ острововъ, такъ, что главный средній протокъ ея нешире четырехъ верстъ. Моими спутниками были матросъ, прибывшій со мною изъ С. Петербурга, и отставной унтеръ-офицеръ изъ Якутска, прежде ѣздившій уже съ г-мъ Геденштромомъ по берегамъ Ледовитаго моря. Въ сношеніяхъ моихъ съ Якутами и другими Сибирскими племенами, онъ служилъ мнѣ толмачомъ; сверхъ того опытностью своею, ловкостью и истинно Русскою смѣтливостью былъ въ послѣдствіи весьма полезенъ для экспедиціи. Мы заказали вообще тринадцать лошадей, изъ коихъ три были назначены для меня и моихъ спутниковъ, а остальные подъ инструменты, путевые припасы, зимнее платье, и разныя другія, въ дорогъ необходимыя потребности.

По прибытіи моемъ на станцію, я нашелъ ее совершенно пустою; не видно было ни людей, ни лошадей. «Худое начало!» подумалъ я, но унтеръ-офицеръ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что такъ случается часто, и что станціонные Якуты съ своими лошадьми, вѣроятно, откочевали версты за три въ долину, гдѣ находятся лучшія пастбища. Тотъ-

часъ отправили мы двухъ лодочниковъ отыскивать ихъ, а сами между тѣмъ развели на берегу огонь, чтобы пообогрѣться отъ довольно суроваго осенняго вѣтра, и подкрѣпить себя горячими щами къ предстоявшему пути.

Наконецъ, спустя часа три, показались наши проводники съ лошадьми, и мы тотчасъ принялись укладывать на нихъ свои вьюки, перевѣшивая на каждую лошадь по пяти съ половиною пудовъ: или 220 фунтовъ, именно по два съ половиною пуда на каждую побочню, и по полу-пуду промежъ побочныхъ. Для укрѣпленія и привязки вещей употребляются веревки, витыя изъ конскихъ волосовъ. Навьючивъ такимъ образомъ лошадей, привязываютъ заднюю поводами къ хвосту передней, такъ, что онѣ на ходу тянутся одна за другой гусемъ. При нашемъ караванѣ, въ девять лошадей, находились только два проводника; одинъ изъ нихъ сидѣлъ на передовой, управляя поѣздомъ, а другой на самой задней, присматривая за всѣмъ и пособляя первому, гдѣ нужно было. Должность проводниковъ претрудная; она требуетъ особенной сноровки и умѣнья, потому, что въ гористыхъ мѣстахъ лошади часто сбрасываютъ съ себя ношу и отвязываются, а въ болотахъ вязнутъ. Въ такихъ случаяхъ передній проводникъ долженъ быть въ готовности пособить и привести все въ надлежащій порядокъ, при чемъ, разумѣется, задній проводникъ, неусыпно надсматривающій за цѣлымъ караваномъ, работаетъ и хлопочетъ неменѣе своего товарища. Отъ долговре-

меннаго навыка проводники Якуты приобрѣтаютъ проворство и смѣтливость, въ столь высокой степени, что одного опытнаго изъ нихъ достаточно бываетъ для управленія вьючнымъ караваномъ въ 20 лошадей, и содержанія его въ совершенномъ порядкѣ, не смотря на то, что въ такомъ случаѣ онъ принужденъ бываетъ идти, большею частію, пѣшкомъ. Караванъ шедуетъ шагомъ, и смотря по болѣе или менѣе затруднительной дорогѣ, проходитъ въ сутки отъ 20-ти до 50 верстъ.

Приведеніе въ порядокъ и увязка нашихъ вещей занимали насъ довольно долго, и мы тронулись уже подъ вечеръ, довольно поздно. Вскорѣ оставилъ я тянувшійся медленнымъ шагомъ караванъ, и съ однимъ изъ моихъ спутниковъ отправился впередъ. Мы ѣхали по узкой тропинкѣ, извивавшейся частію между шивовыми кустами, частію по равнинамъ, усыяннымъ небольшими озерами, на которыхъ и между которыми водится множество дикихъ утокъ и куропатокъ. Въ весьма короткое время, мы настрѣляли ихъ себѣ на ужинъ довольно много, и при захожденіи солнца пріѣхали къ стоявшей уединенно Якутской юртѣ; она величается *почтовою станціею* и находится отъ первой въ 13-ти верстахъ. Начало уже смеркаться, и я рѣшился было въ ней переночевать, но вскорѣ оставилъ свое намѣреніе, когда заглянувъ въ нее, нашелъ ее наполненною людьми, животными и отвратительнѣйшею нечистотою. И такъ расположилъ я въ ближнемъ лиственничномъ лѣсу, гдѣ довольно пріятно пре-

велъ ночь, на разостланной медвѣжьей шкурѣ, подъ толстымъ мѣховымъ одвѣломъ, возлѣ арка пылавшаго костра.

При восхожденіи солнца, я пробудился отъ сильно трещавшаго хвороста, который набросали прибывшіе съ выючными лошадьми Якуты въ потухавшій уже огонь. Воздухъ былъ чистый и свѣжій; термометръ показывалъ 2° ниже точки замерзанія, что показалось мнѣ при одвѣваньи довольно несноснымъ; съ содроганіемъ, въ буквальномъ смыслѣ сего слова, подумалъ я о предстоящей Сибирской зимѣ, въ продолженіе которой нѣсколько градусовъ мороза называется *теплою погодою*, и не понималъ, какъ можно будетъ сносить безпрестанную, жестокую стужу! Но человекъ созданъ для всѣхъ климатовъ, для всѣхъ поясовъ земли. Нужда, твердая воля и свѣчка приучаютъ его ко всѣмъ неудобствамъ, даже къ самымъ ужаснѣйшимъ тѣлеснымъ страданіямъ. Спустя нѣсколько недѣль, мнѣ, наравнѣ съ Колымцами, казался морозъ въ 18-ть и 20-ть градусовъ мягкою температурою.

Вскорѣ все пришло въ движеніе; на огонь поставили для меня чайникъ, а для моихъ провожатыхъ котелъ со щами. Въ продолженіе нашего завтрака пригнали лошадей съ ближняго дуга, навьючили, ихъ, и мы пустились далѣе, поднимаясь на возвышеніе, поросшее листвяницею и сосною. У тропинки, по которой тянулся нашъ поѣздъ, стояло нѣсколько устарѣлыхъ деревьевъ; ихъ сучья были увѣшаны конскими волосами, а кор-

ни утыканы множествомъ шестовъ и прутьевъ, изукрашенныхъ также подобнымъ образомъ. Нашъ Якутъ проводникъ остановилъ караванъ, слезъ съ лошади, выдернулъ изъ ея гривы нѣсколько волосовъ, и съ благоговѣніемъ прицѣпилъ ихъ къ сучку одного дерева; за тѣмъ объявилъ онъ намъ, что умиловивъ горнаго духа такою, по туземному обычаю принесенною жертвою, можно уже надѣяться на его защиту въ предстоявшемъ пути. Странствующіе пѣшкомъ посвящаютъ здѣсь Сибирскому лѣшему прутья, втыкая ихъ въ землю. Такое простое изъясненіе благоговѣнія передъ невидимымъ существомъ замѣняетъ здѣсь длинныя молитвы, которыя совершаютъ въ Монголіи у Обо, или священныхъ холмовъ, находящихся почти на каждомъ, нѣсколько значительномъ возвышеніи. Здѣсь, равно какъ и тамъ, цѣль одинакова, и обычай пріистекаетъ изъ одного источника но только шаманскаго горнаго духа умиловить, кажется, легче, нежели ламайскаго. Якуты впрочемъ строго придерживаются сего обряда, и даже тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, не гнушаются еще оказывать своему отставному горному духу знака почтенія.

Сегодня Якуты мои пѣли во всю дорогу безъ умолку; напѣвъ ихъ, единообразный и заунывный, есть отголосокъ ихъ скрытнаго, угрюмаго, суевѣрнаго характера. Но болѣе разнообразія и поэзіи представляютъ самыя слова Якутскихъ пѣсень: въ нихъ воспѣваются красоты природы, стройно и

роскошно растущія дерева, шумъ быстрыхъ рѣкъ, высота горъ, и т. п. Пѣвцы большею частію импровизаторы, и усматриваютъ во всемъ однѣ очаровательныя красоты: въ пустынь прелестную страну, въ полуобгорѣвшемъ сосновомъ стволѣ прекрасное могучее дерево, въ первой встрѣтившейся грязной лужѣ чистое, словно кристаллъ, прозрачное озеро. Сначала приписывалъ я такія преувеличенія ихъ выпренному воображенію, но вскорѣ узналъ отъ своего чичероне унтеръ-офицера, что они столь высокопарно превозносятъ область горнаго духа только изъ страха, чтобы его не разсердить и задобрить.

Пробхавъ 13-го Августа 63 версты, и перемѣнивъ лошадей только разъ на половинѣ сего пространства, подъ вечеръ прибыли мы къ станціонной юртѣ. Во всю дорогу выхваляли мнѣ ея просторъ, и особенно отличную опрятность; я было напередъ уже радовался хорошему, теплomu ночлегу, но, къ сожалѣнію моему, удостовѣрился, что надобно быть непременно природнымъ Якутомъ, дабы найти хоть нѣсколько сносными господствовавшую въ немъ, какъ и въ другихъ юртахъ, спершуюся атмосферу, и все ее сопровождавшее. Только частый, холодный дождь принудилъ меня укрыться въ хваленной юртѣ, но удушливый воздухъ, безчисленное множество всякой гадины, крикъ дѣтей и ревъ скотины, помѣщаемой въ жильѣ отъ холода, не дали сомкнуть глазъ, и я очень обрадовался разсвѣту и возможности отправиться въ путь.

Отъ продолжительныхъ дождей дорога, и безъ

того уже негодная, еще болѣе испортилась, а въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась почти непроходимого, и потому крайне затрудняла нашу сегодняшнюю ѣзду; за то проѣханное нами пространство представляло великое разнообразіе видовъ. Веселый видъ придаетъ сей сторонѣ множество небольшихъ озеръ, которыми здѣсь усыяна вся поверхность, и которыя заставляли насъ употреблять въ объѣздъ болѣе 20-ти верстъ лишннихъ. Всѣ сіи небольшія озера, имѣя правильно-овальный очеркъ, заключаютъ въ своемъ образованіи нѣчто отъменно привлекательное: крутые, лиственницею поросшіе берега, защищая водную поверхность, уподобляютъ ее огромному гладкому зеркалу; вѣчно царствуютъ здѣсь тишина и безмолвіе, и нарушаются только изрѣдка испуганною птицею, или вертлявою бѣлкою, прыгающею по деревьямъ.

Проехавъ около 40 верстъ отъ ночлега, мы спустились въ ложбину, или долину *Miore*, по многимъ отношеніямъ примѣчательнѣйшее изъ всѣхъ мѣстъ, какія мнѣ встрѣчались на пути: она продолговато-круглаго, правильнаго очертанія, имѣетъ въ поперечникѣ 8 верстъ, и окружена землянымъ возвышеніемъ, похожимъ на валъ, въ иныхъ мѣстахъ въ 10 сажень вышины, безъ сомнѣнія, берегомъ бывшаго нѣкогда значительнаго, но уже изсякшаго озера; еще и нынѣ находится на самомъ днѣ долины много соединенныхъ между собою озеръ, небольшихъ, но чрезвычайно рыбныхъ. Это обстоятельство, и притомъ защищенное

положеніе долины и весьма обильныя пастбища, побудили нѣкогда одного богатаго Тунгузскаго старшину, Міоре, по имени коего она называется, въ ней поселиться; но подававшіеся безпрестанно съ юга Якуты вытѣснили его отсюда дале, на лежащія къ сѣверу тундры, и основали здѣсь значительнѣйшее и многочислнѣйшее изъ всѣхъ поселеній, встрѣчающихся на пути до самаго Алдана. Множество большихъ и малыхъ юртъ, изъ которыхъ инныя уже нѣсколько походятъ на Русскія крестьянскія избы своимъ размеромъ, двѣ порядочныя церкви, съ колокольнями, живость въ движеніи народонаселенія, большія стада и табуны, все вмѣстѣ представляетъ разительную противоположность сей отменно веселой долины, сего оазиса, съ пустынею, его окружающею. Цвѣтущимъ своимъ состояніемъ обязано здѣшнее селеніе преимущественно одному Якутскому Головъ, который собственнымъ иждивеніемъ построилъ и украсилъ упомянутыя двѣ церкви. Говорять, что его наличный капиталъ простирается до полумилліона рублей; не смотря на то, придерживаясь своихъ прародительскихъ обычаевъ, онъ еще не измѣнилъ правамъ отцовъ: живетъ въ юртѣ, грѣется, какъ истинный Якутъ, у *чувала* (камина), пьетъ кумысъ * и ѣсть на

* Известный напитокъ, который Якуты готовятъ изъ кобыльаго молока, такъ же какъ и Татары, съ тою только разницею, что къ счастью ихъ, не умѣютъ дѣлать его хмѣльнымъ; онъ весьма приятенъ и столь питателенъ, что Якутъ, отправляясь далеко отъ своего жилья на сѣнокосы, беретъ съ собою,

здоровье конину. Главнѣйшую отрасль промышленности сего поселенія составляютъ скотоводство, звѣриная ловля, торговля мѣхами и извозничество, по поводу коего держатъ здѣсь значительное количество лошадей.

О происхожденіи Якутовъ, ихъ обычаяхъ и образѣ жизни вообще писано уже столь много и столь подробно, что послѣ всего мнѣ кажется почти излишнимъ умножать прежнія извѣстія моими замѣчаніями, схваченными на лету, во время скорой ѣзды; ограничиваюсь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ этнографическихъ, главныхъ очерковъ, нужныхъ для уразумѣнія моего разсказа, дабы тѣмъ избавить читателя отъ труда рыться въ другихъ, полнѣйшихъ описаніяхъ.

Окладъ лица и языкъ Якутовъ совершенно подтверждаютъ преданіе объ ихъ Татарскомъ происхожденіи. * Они народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ по безконечнымъ лѣсамъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ Рус-
вмѣсто всякой другой провизіи, часто только мѣшка два кожныхъ кумыса, и нѣсколько дней сряду имъ питается.

* Преданіе говоритъ, что нѣкто изъ Татаръ, по имени Сахаларъ, перекочевалъ изъ какой-то земли, лежащей гдѣ-то за горами, къ Киренгъ на Лену, поселился тутъ, женился на Тунгускѣ, и сдѣлался родоначальникомъ Якутовъ, которые потому еще и нынѣ называютъ себя Сахаларами.

кимъ, заохотили и пристрастили Якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомнымъ усервіемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества пріученные къ лишеніямъ всякаго рода, и въ нихъ закаленные, Якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всемъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

Пища ихъ состоитъ изъ кобымьяго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ, Якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ почитается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе онымъ — высочайшимъ блаженствомъ; они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топленьй, свѣжій и испортившійся, и полагая все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ, какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Дабы умножить объемъ и придать нѣсколько вкуса пицѣ, берутъ они внутреннюю часть коры, сосновой, предпочтительнѣе лиственничной, оскабливаютъ ее, толкутъ мѣлко, мѣшаютъ съ рыбою, частицею муки, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на размазню и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ, такъ называемое, Якутское масло, по

настоящему родъ сыра, или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно изрядную пищу.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и при томъ самый крѣпкій, какой только достать могутъ, преимущественно Черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьявѣніе, которое иногда, ежели Якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Не зная искусства дѣлать кумысъ хмѣльнымъ, почему потребно его великое количество къ произведенію желаемаго дѣйствія, они предпочитаютъ ему горячее вино, хотя имъ оно и весьма дорого обходится, по причинѣ привоза изъ отдаленныхъ мѣстъ. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью Якутовъ, ставятъ горячее вино и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

У Якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: львтомъ уросы, * родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обтянутыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ, какъ хозяева стадъ безпрестанно за-
пасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна;

* На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими лепестками, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый, и издали уподобляются испанскому холстиннымъ шатрамъ.

съ наступленіемъ зимы переходятъ Якуты въ свои теплыя юрты. Онѣ суть родъ хижинъ, строимыхъ поверхъ земли изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отръзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна, и имѣющей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней помѣщающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими, квадратными отверстиями, въ которыя зимою вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбы пузыри, а иногда порядочно напитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ полъ опускается внизъ, обыкновенно на два, или на три фута, и плотно убивается изъ глины, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются изъ лежащихъ шестовъ широкіе залавки, похожіе на низкія полаты, которые вмѣстѣ служатъ и кроватями, и по числу жильцовъ, или, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій. По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится *чуваль*, родъ очага, или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варенья пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуютъ поэтической безпорядокъ и величайшая неопрятность. Въ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ

подъ крышею и кормятся сѣномъ, а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальнихъ поѣздокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкрѣпленія. Хотя зодчество и устройство Якутскихъ жилищъ крайне несовершенны, однакожь они въ полной мѣрѣ соответствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое гдѣ Русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни тонкіе древесные стволы, равномерно и чуваль, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ Якута въ разсужденіи удобства жизни, такъ, что онъ спокойно проводитъ продолжительную, ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ,

и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную сосновую размазную. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса *. День заключаетъ нерѣдко какойнибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чумалѣ угольевъ совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ — иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновѣннымъ порядкомъ.

Хотя почти все Якуты крещены, и уже переведены на ихъ языкъ заповѣди, часть Новаго Завета и главнѣйшія молитвы, но только весьма немногіе изъ нихъ, и то жившіе долго между Русскими, имѣютъ нѣкоторые основныя понятія о христіанской вѣрѣ; потому они все еще крѣпко придерживаются шамановъ и множества суевѣрныхъ обрядовъ языческихъ.

Главныя черты Якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходимость и

* Улусъ составляетъ цѣлое Якутское колено, состоящее подъ общимъ начальникомъ, Головою, и раздѣляющееся на нѣсколько насльговъ (ночлеговъ); каждый изъ нихъ имѣетъ своего старшину, или князца, изъ числа коихъ избирается Голова надъ цѣлымъ улусомъ. На Колымѣ есть улусъ, состоящій изъ десяти насльговъ. Принадлежащіе къ одному улусу называются родниками (родовичами).

скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отмстить, непременно передаетъ мщеніе своему сыну, или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нечто похожее на жалобу, или доносъ, они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому провзjemu, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за одной полтины *. Необходимость и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсыянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ впрочемъ весьма разительную противоположность съ гостепріимствомъ и радушию предупредительностью, какую они оказываютъ провзжимъ. Селиться обществами у нихъ не въ обыкновеніи; только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встрѣчаются кое-гдѣ наслѣги (почлеги), состоящія изъ нѣсколькихъ юртъ; напротивъ того, за Верхо-Янскимъ хребтомъ отстоитъ одна юрта отъ другой часто версты на двѣсти, такъ, что ближайшіе сосѣди не видаются иногда по цѣлымъ годамъ. Къ такому необыкновенно великому удаленію побуж-

* Тѣмъ отличаются особенно подгородные Якуты, конечно, не безъ содѣйствія мѣлкихъ чиновниковъ, служащихъ въ нисшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и питающихъ въ нихъ страсть къ тяжбамъ, разбирательство которыхъ приноситъ ябедникамъ пользу.

дается Якуть не столько нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя уже однажды сильную склонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклоняться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проѣзжающій по Якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на великомъ разстояніи жильевъ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Міоре, явился ко мнѣ Голова улуса, съ однимъ Князцомъ и двумя писарями, чтобы поздравить меня съ пріѣздомъ и пожелать счастья на дорогу. Я угостилъ ихъ чаемъ, водкою, табакомъ, а въ замѣнъ того долженъ былъ выслушать предлинную Іереміаду жалобъ на разныя мнимыя притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ Якутскихъ казаковъ, которые, по ихъ увѣренію, будто бы безъ всякой нужды, безпрестанно проѣзжаютъ черезъ ихъ наслѣгъ и причиняютъ обывателямъ разныя обиды. Я старался успокоить своихъ гостей увѣреніемъ, что все это, вѣроятно, теперь прекратится, ибо Сибирскіе казаки, получивъ новое устройство, будутъ заниматься воздѣльваніемъ отведенныхъ имъ земель, достаточныхъ для прокормленія ихъ съ избыткомъ, слѣдовательно, тѣмъ самымъ лишатся они повода приниматься за непозволительныя средства къ пріобрѣтеніямъ. Но на дѣль ничто не помогло, сколь ни благодѣтельны, сколь ни мудры устройство и вообще все новое постановленіе о Сиби-

ри для пользы и благосостоянія всѣхъ обитающихъ въ ней, разноплеменныхъ народовъ. Якуты все таки не отстаютъ отъ ябедничества и сутяжничества.

Отдохнувъ нѣсколько въ Миоре, и закупивъ достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, мы отправились, 15-го Сентября, далѣе. Дороги были крайне худы, и не разъ попадались мы въ болота, гдѣ лошади вязли по шею; однакожь, при чрезвычайномъ проворствѣ и расторопности нашихъ караванныхъ проводниковъ, намъ удалось безъ особенной бѣды проѣхать девяносто верстъ, черезъ самыя опасныя мѣста. Съ наступленіемъ ночи прибыли мы на станцію Алданскую, или Желъзинскую, лежащую въ полуверствѣ отъ Алдана, который за девяносто верствъ отсюда впадаетъ въ Лену. У сей станціи прекращаются соединенныя Якутскія селенія, и встрѣчаются опять не ближе, какъ за 400 верствъ отсюда, за Верхо-Янскимъ хребтомъ, у Бараласа. Все пространство отсюда пустыня, усѣянная горами и скопившимися между ними болотами, которыя весьма затрудняютъ ѣзду; по сей причинѣ караваны никакъ не упускаютъ случая останавливаться у Алданскаго жилья, для надлежащаго приготовленія къ предстоящему пути, выбираютъ по нѣскольку самыхъ дюжихъ, надежныхъ, заводныхъ лошадей, не навьючивая ихъ ни чѣмъ, для замѣны усталыхъ въ случаѣ нужды, запасаются съѣстными припасами, и т. д., выжидая между тѣмъ, иногда по нѣскольку дней, сухой погоды, или мороза, чтобы

удобнѣе проѣхать черезъ болота. Намъ погода благопріятствовала; за нѣсколько времени наступившіе морозы скрѣпили болота, такъ, что мы, употребивши только одинъ день для приготовленій, могли уже продолжать наше путешествіе.

Между Леною и Алданомъ простирается холмистая страна, примѣчательная по своему особенному образованію; ея возвышенія тянутся валоподобными грядами отъ востока къ западу, теряясь далѣе въ болотистыхъ покатостяхъ и низменныхъ мѣстахъ по берегамъ Алдана и Лены. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ, которыя на сѣверномъ спускѣ горнаго хребта образуютъ болотистыя удоля, болѣе или менѣе между собою соединяющіяся; на южной сторонѣ сіи углубленія, будучи отдѣлены одно отъ другаго и наполнены водою, составляютъ множество большихъ и малыхъ озеръ. Почти на срединѣ сего холмистаго пространства лежитъ круглая долина, версть восемь въ поперечникъ, усыпанная озерками, которыя все между собою соединяются. Горный хребетъ здѣшній состоитъ весь изъ глинистой почвы, перемѣшанной съ супесью и поросшей преимущественно лиственникомъ; сѣверный склонъ его показался мнѣ гораздо круче южнаго.

Въ семь мѣствъ Алданъ будетъ шириною версты полторы, и съ великимъ стремленіемъ течетъ, въ западномъ направленіи, между земляными берегами. На сѣверъ за сею рѣкою показывается вдали гряда остроконечныхъ горъ, съ

снѣжными вершинами, и тянется, какъ мнѣ казалось, въ западно-сѣверо-западномъ направленіи.

Сентября 17-го переправлялись мы съ своими вещами и лошадьми черезъ рѣку. Почти на половинѣ переправы открылась значительная течъ въ нашемъ плоскодонномъ суднѣ; всѣ наши совокупныя усилія вычерпать нахлынувшую воду оставались тщетными; судно тонуло все глубже и глубже, и безъ сомнѣнія, пошло бы ко дну, если бы по близости, на срединѣ рѣки, не случилось, къ счастью нашему, небольшого острова; намъ удалось посадить судно на отмѣль, законопатить его сухою травою и мохомъ, и въ непродолжительномъ времени привести по возможности въ такое состояніе, что безъ дальнѣйшихъ приключеній доплыли мы до противоположнаго берега. Тутъ, на скатѣ, подъ огромною развѣсистой березою, раскинули мы свой большой *пологъ* *, или дорожную палатку, занялись стряпаньемъ себѣ обѣда, а лошадей пустили на отаву, пастись на блекнувшей уже травѣ.

На разсвѣтъ (18-го Сентября) потянулись мы далѣе. Узкая, едва примѣтная тропинка вела по пустымъ, болотнымъ мѣстамъ, на которыхъ невидно было ни одного дерева; только изрѣдка попадались кое-гдѣ возвышенныя, скудно поросшія

* Пологомъ называется ровдужная, то есть, изъ выдѣланныхъ, мягкихъ оленьихъ кожъ сшитая, четырёхугольная палатка, длиною въ 7, шириною въ 4, а вышиною въ 5 футовъ; ее употребляютъ только въ дорогѣ, и раскидываютъ, прикрывая къ отвѣсно воткнутымъ въ землю шестамъ.

травую луговины. Спутники мои говорили, что далѣе и онѣ совершенно исчезнуть; по сей причинѣ мы рѣшились сдѣлать привалъ на первомъ большомъ лугу такого рода, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, и подкрѣпить ихъ силы къ предстоявшимъ трудамъ, хоть и осеннимъ, но все еще довольно изряднымъ кормомъ. До того времени погода благопріятствовала намъ непрерывно, но тутъ вдругъ перемѣнилась; небо заволокло мрачными, свинцоваго цвѣта облаками; пошелъ снѣгъ съ градомъ, а въ полдень стоялъ термометръ уже на 2 градусахъ мороза. Лошади наши между тѣмъ дружно принялись выгребать изъ-подъ молодого снѣга остатки скудной травы; мы сами укрылись подъ пологомъ вокругъ огонька, на которомъ кипѣлъ чайникъ—наша единственная отрада. Вдали слышались глухой ревъ и шумъ Тукулана, который, между узкими удольями горъ Верхо-Янскихъ, съ адскою яростью пролагаетъ себѣ путь къ Алдану.

На слѣдующій день ѣзда была крайне обременительна. Выбравшись съ великимъ трудомъ изъ окружавшаго насъ отвсюду болота, мы вступили въ мрачный лѣсъ, состоявшій изъ лиственницъ, ивъ, осинъ, и должны были продираться сквозь густо сросшіяся вѣтви и упавшія деревья, чтобы достигнуть единственнаго брода черезъ рѣку. Лишь подъ вечеръ добрались мы до пустынныхъ береговъ Тукулана и остановились ночевать на лугу. Передъ нами, на сѣверъ бѣлѣлась длинная гряда снѣжныхъ горъ, видѣнныхъ мною уже съ Ал-

дана; за нами чернѣлся безконечный густой лѣсъ, а вокругъ царствовала мертвая тишина, прерываемая грознымъ ревомъ буйнаго Тукулана.

Съ утра (20-го Сентября) переправлялись мы чрезъ рѣку, въ бродъ; лошади шли въ водѣ по сѣдло; стремленіе было ужасное, но дно твердо и ровно, такъ, что мы безъ всякаго вреда, только изрядно промокши, достигли до противоположнаго берега. Кромѣ сей переправы, намъ пришлось переходить въ бродъ еще черезъ нѣсколько другихъ рѣкъ, менѣе широкихъ, но столь же быстрыхъ, какъ и Тукуланъ; значительнѣйшія изъ нихъ были: *Торо-Тукуланъ* (поперечный Тукуланъ) и *Анти-Мердяхъ* (железные ворота). За сильными проливными дождями и внезапнымъ таяніемъ снѣговъ, послѣдняя наводняется столь быстро, что уносить съ собою и низпровергаетъ все, встречающееся ей на пути. По всему логу сихъ рѣкъ разсыяны вырванныя съ корнями деревья, и громады камней, отторгнутыя съ высотъ и брошенныя сюда стремленіемъ водъ во время весеннихъ наводненій, что затрудняло насъ на каждомъ шагу и утомило лошадей до такой степени, что мы принуждены были сдѣлать привалъ гораздо ранѣе обыкновеннаго.

Зима, казалось, начала теперь совершенно устанавливаться; термометръ стоялъ на 5° мороза; обильно выпавшій снѣгъ не таялъ и покрывалъ всю окрестность. При скучномъ единообразіи нашихъ переѣздовъ, мы радовались такой,

хотя и неслишкомъ привѣтливой переменѣ, предкушая уже здѣшнюю зимнюю, кочевую жизнь. И такъ, выбравъ ровное, чистое мѣсто между высокими деревьями, доставлявшими нѣкоторую защиту отъ вѣтра и вьюги, и очистивъ его нѣсколь-ко отъ снѣга, мы притащили превеликое сухое дерево, которое послужило средоточіемъ нашему становищу, и вмѣстѣ основою порядочному огню, освѣщавшему всю окрестность. Въ слѣдъ затѣмъ, проводники наши, съ удивительнымъ проворствомъ, разложили на сырой землѣ мѣлко на-рубленнаго хвороста и покрыли довольно тол-стый настилъ его зелеными вѣтвями, растущаго здѣсь во множествѣ, низменнаго кедровника, или сланца. На такомъ душистомъ коврѣ поставлены были три полога, такимъ образомъ, что они со-ставляли три стороны квадрата; четвертую заня-ли проводники, но какъ, по ихъ мнѣнію, было еще довольно тепло, то удовольствовались единствен-но тѣмъ, что на покрытой снѣгомъ землѣ разки-нули потники съ лошадей, а въ изголовья, вмѣсто подушекъ, положили по сѣдлу. Пока мы занима-лись установкою своихъ палатокъ, они уже успѣ-ли развьючить лошадей, обтереть ихъ не много сухою травою, и привязать къ стоявшимъ тутъ деревьямъ, мордами повыше, чтобы онѣ не хвата-ли холодной мокрой травы, или снѣгу, пока не простынутъ.

Устроясь такимъ образомъ, мы успѣшили на-полнить чайники и котлы рѣчною водою, или мо-

лодымъ снѣгомъ, и подвѣсить на огонь. Въ ожиданіи отраднaго чаю и сытной похлѣбки, мы запалили свои *ганзы*, коротенькія Якутскія трубки, съ величайшимъ усердіемъ помѣшивая дрова, чтобы скорѣе поспѣлъ нетерпѣливо ожидаемый ужинъ. Въ непродолжительномъ времени исполнилось общее желаніе, и всѣ подкрѣпили свои истощенныя силы простою, но здоровою пищею. Потомъ проводники наши принялись, какъ водится, рассказывать о приключеніяхъ своихъ, или своихъ короткихъ знакомыхъ, на звѣриной ловлѣ и въ дальнихъ странствованіяхъ. Это любимый предметъ, скажу болѣе—страсть Якутовъ и Сибирскихъ Русаковъ; на рассказы они неистощимы, и чтобы возбудить вниманіе своихъ слушателей, стараются перещеголять другъ друга смѣлымъ преувеличиваніемъ безконечныхъ походовъ, истинныхъ и вымышленныхъ. Такъ сегодня вечеромъ занимали насъ два краснобая повѣстями о томъ, какъ одинъ казакъ, почти вдругъ, убилъ трехъ, на него напавшихъ медвѣдей, одного ножемъ, другаго топоромъ, третьяго дубиною, да еще о неслыханныхъ примѣрахъ неимоверной силы сохатаго (Сибирскаго лося), который на всемъ скаку, будто бы, можетъ рогами своими вывернуть и повалить на землю большое дерево съ корнемъ. Послѣ такой назидательной бесѣды, сократившей нашъ вечеръ, мы вползли въ свои пологи, и на разостланныхъ медвѣжьихъ шкурахъ, подъ плотными мѣховыми одеялами, проспали цѣлую ночь довольно хорошо и тепло. Проводники на-

ши, пустивъ лошадей * на занесенную снѣгомъ отаву, также взвалились на потники, и послѣ дневныхъ трудовъ спали подъ открытымъ небомъ, вѣроятно, не хуже нашего.

Не всегда однакожь пользуются здѣсь путешественники ненарушимымъ спокойствіемъ, нашему подобнымъ; весною и лѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняются, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Отъ того опытные и осторожные Сибиряки останавливаются всегда подъ двумя, тремя, близко смѣжными, большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшею поспѣшностью, сплетаютъ они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева

* Въ сѣверной Сибири лошади, кажется, какъ будто переродились; онѣ росту небольшого, шею имѣютъ толстую, кости, со-размѣрно съ величиною, весьма крѣпкія, шерсть блѣсовато-сѣрую, длинную, мохнатую, и какъ у прочихъ четвероногихъ сего края, въ межень (среди лѣта) линяющую. Во время самыхъ трудныхъ переѣздовъ, продолжающихся иногда по три мѣсяца, онѣ питаются единственно вялою, полусгнившею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣгу, но не смотря на то, остаются дородными, сильными, и неописанно, что могутъ онѣ выдержать. Достопримѣтельно, что у Якутскихъ лошадей, даже, когда онѣ слишкомъ состарѣются, зубы не портятся, между тѣмъ, какъ у нашихъ, они съ лѣтами крошатся, безъ сомнѣнія, отъ зерноваго корма, котораго первымъ никогда не даютъ, предоставляя имъ питаться одною лишь травою. Вообще онѣ остаются молодыми несравненно долѣ нашихъ, такъ, что двадцатилѣтнія почитаются у Якутовъ еще не старыми, и служатъ, обыкновенно, сплошь по тридцати лѣтъ.

до другаго, и со всеми своими пожитками, вися на немъ между небомъ и землею, спокойно выжидаютъ скорого стока воды, хотя и лишаются средствъ защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Тукулана, ложбина его суживается болѣе и болѣе; крутя скалы по обѣимъ сторонамъ сходятся ближе и ближе; лѣса, украшающіе берега сей рѣки, постепенно рѣдѣютъ и наконецъ исчезаютъ. Чаще всего попадаются въ нихъ тополи, огромной высоты и толщины; встрѣчается также много ивы. Далѣе, въ сторонѣ отъ берега, на сухой и каменистой почвѣ, растутъ березы и ели, преимущественно же низменный кедровникъ (по здѣшнему сланецъ). Онъ стелется по скатамъ и ущельямъ горъ; его мѣлкіе, но вкусные орѣшки равно привлекаютъ неповоротливаго медвѣдя и рѣзвую бѣлку. Въ густыхъ елевыхъ и лиственничныхъ лѣсахъ гнѣздятся во множествѣ глухари и куропатки.

22-го Сентября, мы ночевали на безлѣсной долинь, у подошвы горы, подъ защитою навѣсной скалы. Приближеніе зимы становилось съ каждымъ днемъ чувствительнѣе. По утрамъ термометръ показывалъ 16° мороза, а ночью, не смотря на толстое мѣховое покрывало, нельзя было согрѣться. Мы достигли подошвы Верхо-Янскаго хребта; переходъ черезъ него самая труднѣйшая и опаснѣйшая часть пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. Должно взбираться по

голымъ, скалистымъ крутизнамъ, съ ежеминутною опасностью сорваться съ скользкой высоты, или проходить по узкимъ, заваленнымъ снѣгомъ ущеліямъ, прогребая себѣ лопатами дорогу. Борясь съ такими препятствіями и опасностями, мы достигли, послѣ трехъ часовъ ѣзды, высочайшаго пункта перевала. Вершины горъ поднимаются отсюда еще на 800 футовъ, и дорога пролегаетъ между ними. Лѣтомъ переходъ менѣе затруднителенъ, но ужасенъ по частымъ и жестокимъ бурямъ, здѣсь случающимся, а зимою всѣ возможныя опасности угрожаютъ путешественнику. Между прочимъ, изъ ущельевъ и пропастей внезапно вырываются сильныя порывы вѣтра, и ничто не можетъ противостоятъ ихъ жестокости; они опрокидываютъ лошадей и сѣдоковъ. Случалось, что цѣлыя караваны низвергались въ пропасть, подлѣ которой вѣтся узкая дорога. Все время нашего перехода погода была благопріятна; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденнаго солнца зажигали тысячи огней на покрытыхъ инеемъ скалахъ и наполняли воздухъ безчисленными блестками. На сѣверъ разстилалась подлѣ нами долина рѣки Яны, которая, имѣя здѣсь свой источникъ, течетъ отсюда въ Ледовитое море. На югъ крутые, пагроможденные утесы замыкали горизонтъ.

Верхо-Янскій хребетъ, раздѣляя Ленскую и Янскую водныя системы, состоитъ сплошь изъ чистаго чернаго сланца; сѣверный скатъ его не такъ крутъ, какъ южный. Хребетъ сей, по нашимъ наблюденіямъ, лежитъ подлѣ 64° 20' широты, и со-

ставляетъ замѣчательный раздѣлъ въ произведе-
ніяхъ прозябаемаго царства. Къ югу отсюда рас-
тутъ сосны и ели, а на сѣверъ ихъ нѣтъ; вмѣ-
сто того стоятъ лѣса лиственницы, тополей, бе-
резы и ивы; послѣднія растутъ до 68°, по бере-
гамъ Омолона и обоихъ Анюевъ, но только въ
низменностяхъ, защищенныхъ горами отъ холод-
ныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Тунгусы, встрѣченные нами въ послѣдствіи,
разсказывали, что на вершинѣ одной изъ Вер-
хо-Янскихъ горъ находятся остатки большого мо-
реходнаго судна, но дальнѣйшихъ подробностей
они не сообщили.

Все протяженіе отъ Алдана до Верхо-Янскихъ
горъ называется *Тукуланскимъ путемъ*. Во всей
Сибири, кромѣ опасныхъ переходовъ черезъ горы,
нѣтъ дороги хуже сихъ 140 верстъ. Глубокія
болоты, дремучіе лѣса, крутыя скалы и быстрыя
рѣки, кажется, нарочно стѣснены на всемъ про-
странствѣ, чтобы преграждать и затруднять путь.
Сверхъ того путешественникъ не находитъ здѣсь
ни юрты, ни другаго пристанища для защиты
отъ непогоды, и принужденъ проводить ночи
подъ открытымъ небомъ. Тукуланская пустыня
находится подъ вѣдѣніемъ Якутскаго Земскаго Су-
да, который однакожь еще не позаботился объ
удобствахъ путешественниковъ. Напротивъ того,
достойны замѣчанія вниманіе и попеченіе, обра-
щенныя на сей предметъ Верхо-Янскимъ окру-
жнымъ исправникомъ г-мъ Тарабукинымъ. Тотчасъ
по вступленіи своемъ въ должность, онъ употре-

билъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для расширенія и уравниенія горныхъ тропинокъ, и для проведенія удобныхъ, безопасныхъ дорогъ черезъ болота. Такое улучшеніе пути особенно важно для казенныхъ транспортовъ съ солью и провіантомъ, которые каждое лѣто отправляются изъ Якутска въ селенія, по рѣкамъ Янъ и Индигиркѣ лежащія. Тарабукину также обязаны путешественники устройствомъ, такъ называемыхъ, *поварень*, деревянныхъ хижинокъ, стоящихъ въ некоторомъ одна отъ другой отдаленіи. Сія строенія состоятъ только изъ четырехъ стѣнъ и плоской кровли, въ которой находится дыра для дыма; въ срединѣ комнаты помѣщается очагъ, а по краямъ лавки. Несмотря на несовершенное и щелистое устройство, повари составляютъ благодѣяніе для путешественниковъ, и доставляютъ имъ достаточную защиту отъ непогоды и вьюги *.

Тукуланская долина, по которой ѣхали мы отъ береговъ Алдана, направляется сначала на ONO, а потомъ на NNO. Сіе послѣднее направленіе принимаетъ она будучи сужена съ обѣихъ сторонъ двумя высокими горами, которыя имѣютъ плоскія вершины, крутыя, малоразрѣзанныя стороны, и примыкаютъ къ цѣпи зубчатыхъ горъ, издали имѣющихъ видъ дуги, обращенной западною стороною на NNO, а восточною на NNW. До сихъ двухъ горъ долина довольно ши-

* Съ 1821-го года, Якутскій Земскій Судъ послѣдовалъ сему благодѣтельному примѣру, и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія для улучшенія дорогъ, устроилъ нѣсколько поварень.

рока, а скаты горъ круты. Грунтъ вездь болотистъ, и покрытъ обломками сильно вывѣтреннаго сланца. Рѣка Тукуланъ подмываетъ скалы, на лѣвомъ берегу ея стоящія, и принимаетъ въ себя нѣсколько ручейковъ. По мѣрѣ приближенія къ срединѣ дугообразной цѣпи горъ, горизонтъ стѣсняется, и наконецъ дорога идетъ въ узкомъ оврагѣ, имѣющемъ направленіе на NtO, и ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ огромными навислыми скалами. Западный хребетъ состоитъ изъ слоевъ чернаго сланца, слоями направленнаго на NtW, имѣя наклоненіе къ WtS, подъ угломъ 70° съ горизонтомъ.

Сей оврагъ, до 30-ти верстъ длины, приводитъ къ подошвѣ крутыхъ, высокихъ, островерхихъ горъ; между двумя сопками, ущелиною, переваливаютъ черезъ хребетъ; по барометрическому измѣренію Лейтенанта Анжу, высшая точка сей ущелины находится надъ поверхностью водъ рѣки Тукулана (въ 30-ти верстахъ разстоянія) на 2100 фут. отвѣсной высоты; горныя вершины возвышаются еще на 800, или 1000 футовъ болѣе. Горы состоятъ изъ чернаго сланца, слои котораго направляются на NtO, наклоняясь на WtS, подъ угломъ въ 50° съ горизонтомъ.

Южный спускъ Верхо-Янской горы крутъ съвернаго. На уступѣ съвернаго ската лежитъ небольшое озеро, изъ котораго вытекаетъ Яна. Въ немъ, по рассказамъ Тунгусовъ, попадается въ значительномъ количествѣ рыба хариусъ (*Salmo thymallus*). — Отсюда отдѣляются отъ Верхо-Ян-

скихъ горъ двѣ вѣтви, одна по правую, а другая по лѣвую сторону Яны, и сопровождаютъ теченіе сей рѣки. Сначала обѣ вѣтви состоятъ изъ горъ значительной высоты, которыя, въ послѣдствіи понижаются, и наконецъ исчезаютъ въ болотистыхъ равнинахъ. Восточная цѣпь омывается Яною, идетъ далѣе западной, и простирается всего на 150 верстъ отъ Верхо-Янскаго хребта. Горы и холмы восточной цѣпи состоятъ изъ ломанаго сланца и пещанаго камня. На WNW Верхо-Янскія горы пускаютъ значительную вѣтвь, которая раздѣляетъ Ленскую и Янскую водныя системы, и упираясь въ Ледовитое море, извѣстна на сѣверѣ подъ именемъ горъ Орулганскаго хребта. И онѣ, какъ всѣ доселѣ мною замѣченныя, состоятъ изъ чернаго сланца, слои котораго направляются на NNW, наклоняясь, то къ востоку, то къ западу.

Спустившись съ хребта, мы слѣдовали по лѣвому берегу Яны, встрѣчая на пути описанныя выше поварни. 25-го Сентября, подлѣ одной изъ нихъ, мы замѣтили небольшой шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, по видимому, необитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводитъ зиму и лѣто престарѣлый Тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онѣ занимается оленьей охотой. Надобно себѣ представить необозримую, безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ об-

разъ жизни сихъ отшельниковъ. Особенно ужасно положеніе бѣдной двушки, когда отецъ ея на лыжахъ уходитъ въ лѣсъ, и часто нѣсколько дней гоняется безуспѣшно за оленями, а она остается одна, почти не имѣя одежды, чтобы согрѣться отъ ужаснаго холода, терпя часто недостатокъ въ пищѣ, и проживая въ жалкомъ шалашѣ, который даже и лѣтомъ не доставляетъ достаточной защиты отъ дождя и непогоды. Отецъ ея принадлежитъ къ тѣмъ, которые какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ лишились своихъ оленей, и принужденные отдѣлиться отъ своихъ земляковъ, удаляются въ лѣдяныя пустыни, гдѣ борясь съ безчисленными недостатками, опасностями и холодомъ, снискиваютъ себѣ скудное пропитаніе. Бѣдственное положеніе такихъ несчастныхъ не укрылось отъ внимательнаго взора Правительства. По новому преобразованію Восточной Сибири положено соединять ихъ въ общества, и снабдивъ отъ казны необходимыми для рыбной ловли вещами, селить на берегахъ рѣкъ, изобильныхъ рыбою.

26-го Сентября, мы достигли первой почтовой станціи *Бараласа*, которая отстоитъ отъ *Верхо-Янскаго* хребта на 157-мъ верстѣ, и лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 65° 51' широты. Здѣсь нашли мы просторную юрту для путешественниковъ. *Есауль* изъ *Якутовъ* содержитъ свою станцію въ примѣрномъ порядкѣ. * У входа,

* На каждую станцію выбираютъ благонадежнаго человека, который обязанъ смотрѣть за порядкомъ. Туземцы величаютъ смотрителя *Есауломъ*.

на свѣжемъ снѣгу, лежали куски чистаго льда для котловъ и чайниковъ; юрта была тщательно выметена; лавки по стѣнамъ покрыты свѣжимъ сѣномъ; въ чуваль горѣлъ яркій огонь; въ окна были вставлены прозрачныя, гладкія льдины, укрѣпленныя размоченнымъ снѣгомъ, здѣшнею замазкою; словомъ, все свидѣтельствовало порядокъ, чистоту и опрятность. Послѣ девяти дней, которые провели мы подъ открытымъ небомъ, въ снѣгу и холодѣ, Бараласская юрта показалась намъ дворцомъ. Мы успѣли сбросить тяжелыя, покрытыя льдяною корою шубы, переменить бѣлье и умыться; въ теченіе послѣднихъ девяти дней объ этомъ нельзя было подумать, опасаясь отморозить носъ и уши. Такія удобства доставили намъ несказанное облегченіе, и мы почли долгомъ выразить нашу признательность Есаулу, который впрочемъ, кажется, неслишкомъ ясно понималъ причину нашей благодарности. Вскорѣ внесли въ комнату вытесанный топоромъ столъ, уставленный здѣшними лакомствами: рубленнымъ, мерзлымъ Якутскимъ масломъ; струганиною, мерзлою рыбою, разрѣзанною на тонкія пластинки, и наконецъ, въ заключеніе, высшею роскошью сей страны, сырью, свѣжимъ оленьимъ мозгомъ. Признаюсь, сначала меня нимало не привлекали эти *glaces au beurre et au poisson* и *compote aux rennes*, и я только въ угожденіе гостепріимству хозяина отвѣдывалъ всего по немногу, но въ послѣдствіи такъ привыкъ я къ этой пищѣ, что вареной рыбѣ всегда предпочиталъ ломтики мерзлой струганины.

Отъ Бараласа начинаются опять почтовые станціи, въ которыхъ всегда находили мы болѣе или менѣе удобныя юрты, и обыкновенно двѣ, одну для путешественниковъ, а другую для Есаула и проводниковъ, которые по очереди прѣвзжаютъ съ лошадьми изъ ближайшихъ наслѣговъ. Якуты измѣряютъ разстояніе *кюссами*, разумѣя подъ симъ часть дороги, которую можно провхать во столько времени, сколько потребно, чтобы сварить кусокъ мяса. При такомъ, вовсе не математическомъ разсчетѣ, истинная величина кюсса зависитъ единственно отъ состоянія дороги; можно положить, что кюссъ при гористой или болотистой дорогѣ равняется пяти верстамъ, а при гладкой и ровной семи.

Не смотря на гостепрїимство Бараласскаго Есаула, мы остались здѣсь только одинъ день, и 27-го Сентября поѣхали далѣе, на ближайшую станцію *Табалахъ*, которая лежитъ отсюда въ 300 верстахъ. Мы ѣхали не по почтѣ, а на особыхъ лошадяхъ, собственно для экспедиціи приготовленныхъ, почему своротилъ я съ почтоваго тракта, идущаго на Верхо-Янскъ, и поѣхалъ по другой дорогѣ, которую обыкновенно выбираютъ купеческіе караваны, и которая, по увѣренію Якутовъ, сокращаетъ путь почти на сто верстъ. Въ 20-ти верстахъ отъ Бараласа должно переправляться черезъ Яну, которая имѣетъ здѣсь 70-ть сажень ширины. Ледъ былъ такъ скользокъ, что наши лошади, какъ обыкновенно, неподкованныя, на каждомъ шагу падали. Мы сняли вьюки, хо-

тѣли вести лошадей за повода, но все напрасно. Послѣ многихъ попытокъ, прибѣгли къ послѣднему средству, отправили одного проводника въ Бараласъ за пескомъ и золою, посыпали ими ледъ, и такимъ образомъ счастливо перебрались на другую сторону.

Берега Яны здѣсь плоски, и поросли по большей части лиственничнымъ лѣсомъ средней высоты. Страна между Бараласскою и Табалахскою станціями представляетъ мало разнообразія. Сначала тянутся въ сѣверномъ направленіи ряды холмовъ, исчезающіе въ послѣдствіи въ болотистыхъ равнинахъ. Подъ защитою возвышеній стоятъ невысокіе, лиственничные и березовые кустарники. Равнина усыяна множествомъ озеръ, соединенныхъ между собою протоками и рѣчками; мы переправились черезъ одну изъ нихъ, известную подъ именемъ *Адычъ*, которая съ *ННО* впадаетъ въ Яну, принимая въ себя рѣчки *Табалахъ*, *Тостахъ*, и другія.

3-го Октября достигли мы Табалахской станціи, содержимой Верхо-Янскими Якутами. Она расположена на холмистой равнинѣ, которая изрѣзана рыбными озерами, и мѣстами имѣетъ хорошіе луга. Просторная и довольно опрятная станціонная юрта была намъ тѣмъ пріятнѣе, что всю дорогу отъ Бараласа, при холодѣ отъ 10° до 19°, мы принуждены были проводить ночи подъ защитою полуразвалившихся юрть.

Здѣсь встрѣтилъ я окружнаго врача, г-на То-

маневскаго, который пробылъ по дѣламъ службы 30-ть лѣтъ въ Нижне-Колымскѣ и теперь возвращается въ отечество. Онъ сообщилъ мнѣ много весьма полезныхъ подробностей и замѣчаній объ оставляемой имъ странѣ. Между прочимъ, рассказывалъ онъ, что Колыма въ Июль мѣсяцъ такъ разлилась у Средне-Колымска, что жители при-нуждены были спасаться на крыши и на колокольню.

На востокъ отъ станціи видна зубчатая цѣпь горъ, направленная почти по меридіану и замѣчательная правильностью своихъ вершинъ, которыя, имѣя конусообразный видъ, кажутся прилѣпленными къ сторонамъ хребта. 5-го Октября, мы отправились изъ Табалаха по холмистой, болотистой равнинѣ. Мѣстами она поросла невысокимъ и частью обгорѣлымъ лиственничнымъ лѣсомъ. На 85-й верстѣ, мы достигли замѣченной изъ станціи, горной цѣпи, которая гораздо ниже Верхо-Янскаго хребта; она разграничиваетъ Янскую и Индигирскую водныя системы. По узкой долинѣ среди горъ пролегаетъ дорога. Не могу навѣрное опредѣлить составныхъ частей горъ, но, судя по множеству обломковъ гранита, фельдшпата, слюды и кварца, должно полагать, что онѣ сложены изъ сихъ породъ.

Мы слѣдовали узкою долиною вдоль береговъ рѣчки *Догдо*, впадающей въ Яну. Недалеко отсюда лежитъ, окруженная горами, котловидная долина, известная подъ именемъ «Убіеннаго поля.»

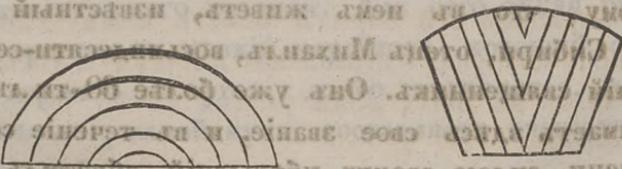
Въ ней, говоритъ преданіе, скрывалась цѣлая орда Тунгусовъ, спасаясь отъ завоевателей Сибири, казаковъ, и послѣ упорной битвы нашла здѣсь свою могилу. Осматривая окрестность, я отделился отъ моихъ спутниковъ, и хотѣлъ ихъ догнать по прямой дорогѣ, которая казалась мнѣ короче. Она вела черезъ небольшую рѣку, но едва отъвхалъ я нѣсколько шаговъ отъ берега, какъ лошадь проломилась и исчезла подъ льдомъ. Къ счастью, мнѣ удалось, не смотря на тяжелую шубу, во-время перескочить на твердый ледъ и пшикомъ перейти на другую сторону. Лошадь не показывалась изъ воды, и я полагалъ, что она погибла, но Якуты проводники, замѣтя мое несчастье, со смѣхомъ поспѣшили ко мнѣ на помощь, увѣряя, что сей часъ достанутъ лошадь, не только живую, но даже и не мокрую. Въ самомъ дѣлѣ, когда они шестами разломали у берега ледъ, я увидѣлъ, и въ послѣдствіи неоднократно имѣлъ случай тоже замѣтить, что рѣчная вода почти вся вытекла и образовала между дномъ и ледяною корою пустое пространство, футовъ въ шесть вышиною, гдѣ находилась моя лошадь. — Къ несчастью, при паденіи вьюкъ, съ чаемъ, сахаромъ и ромомъ, оторвался и упалъ на дно рѣки. Потеря такихъ, необходимыхъ въ путешествіи по ледянымъ пустынямъ предметовъ, была для всѣхъ насъ весьма чувствительна.

Съ береговъ рѣки Догдо дорога сворачиваетъ къ сѣверу и идетъ по оврагу, обставленному вы-

сокими, крутыми скалами. Они состоятъ почти вездѣ изъ чернаго сланца, гдѣ изрѣдка попадается сѣрый. Каменные слои направляются отъ WtN и OtS, наклоняясь отъ NtO и StW, подъ угломъ 30° съ горизонтомъ. У подошвы лежатъ обломки конгломерата, составленнаго изъ сланца и гранита.

Недалеко отсюда вытекаетъ на востокъ рѣчка Русская Разсоха. Окрестности ея извѣстны живописными видами, а оврагъ, гдѣ находится источникъ ручья, обставленъ скалами неправильнаго, зубчатаго образованія, похожими издали на колоннады и стѣны рыцарскихъ замковъ.

Слѣдуя по теченію ручья, мы съехали съ горы на долину, которая на NO была перерезана другою, параллельною съ предыдущею цѣпью горъ, невысокихъ и имѣющихъ вершины на подобіе съдель. Дорога идетъ по берегамъ одного изъ протоковъ Индигирки, рѣчки Гулянгиной, которая пробиваетъ себѣ путь среди втораго горнаго хребта. Главная каменная порода здѣсь сланецъ, но слои идутъ чрезвычайно разнообразно и не-правильно такимъ образомъ:

и 10-го Октября, въ полночь, прѣехали мы въ Зашиверскъ, городокъ, лежащій на правомъ бере-

гу Индигирки, въ 415-ти верстахъ отъ Табалаха.—Во время переезда термометръ показывалъ отъ 16 до 24 $\frac{1}{2}$ ° холода. Ночи проводили мы въ полуразвалившихся юртахъ, или въ поварняхъ, гдѣ послѣ двенадцати часовъ непрерывной вѣды, несмотря на холодъ, сквозной вѣтеръ и густой, ѣдкій дымъ, хорошо и крѣпко спали. Снѣгу было мало, особенно на ровныхъ мѣстахъ, открытыхъ порывамъ вѣтра.

Зашиверскъ былъ прежде деревнею и состоялъ изъ нѣсколькихъ только юртъ но въ 1786-мъ году, незадолго до экспедиціи капитана Биллингса, указомъ Императрицы Екатерины назначенъ уѣзднымъ городомъ. Сдѣлавшись мѣстопребываніемъ уѣздныхъ властей, онъ расширился, такъ, что въ послѣдствіи считалось въ немъ до 30-ти жилыхъ домовъ. По соединеніи Зашиверскаго уѣзда съ Верхо-Янскимъ, Зашиверскъ упалъ въ прежнее ничтожество. Нынѣ, кромѣ хорошо поддерживаемой церкви, мѣстечко состоитъ изъ пяти домовъ, въ коихъ живутъ священникъ, съ своимъ братомъ, смотритель станціи Якутъ, и два Русскихъ семейства.

Впрочемъ мѣстечко заслуживаетъ примѣчаніе, потому, что въ немъ живетъ, извѣстный во всей Сибири, отецъ Михаилъ, восьмидесяти-семи лѣтній священникъ. Онъ уже болѣе 60-ти лѣтъ занимаетъ здѣсь свое званіе, и въ теченіе сего времени, силою своихъ убѣжденій, обратилъ къ христіанству до 15000 Якутовъ, Тунгусовъ и Юкагировъ, его наставленія, совѣты и примѣры

имѣли самое благотвѣтельное вліяніе, не только на образованіе, но и на нравственность окрестныхъ жителей. Ревность благочестиваго старца къ распространенію божественнаго ученія ни сколько не охладѣла съ лѣтами, и досель ежегодно, презирая всѣ трудности и опасности, онъ объѣзжаетъ верхомъ слишкомъ по 2000 верстъ, весь свой приходъ. Впрочемъ, въ своемъ путешествіи отецъ Михайлъ не только исполняетъ священнодѣйствіе въ приходѣ, но старается вездѣ, гдѣ можетъ, помогать несчастнымъ, и облегчать и утѣшать страждущихъ. При всемъ томъ, онъ имѣетъ еще столько времени и силы, что ходитъ въ горы, охотиться за дикими баранами и ловить силками куропатокъ. Короткое лѣто посвящаетъ онъ своему небольшому огороду, въ которомъ, при неуспѣшныхъ трудахъ и вниманіи хозяина, поспеваютъ капуста, рѣдька и рѣпа—большая рѣдкость и едвали не единственный примѣръ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Отецъ Михайлъ угостилъ насъ истинно по Русски: горшкомъ жирныхъ шей и свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ, которые показали намъ лучше всякихъ лакомствъ. Въ заключеніе подали пирогъ, испеченный изъ рыбьей муки, изобрѣтенія нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается въ мѣлкій порошокъ, который, если его держать въ сушѣ, долго сохраняется, и съ примѣсью ржаной муки составляетъ очень вкусный хлѣбъ.

Зашиверскъ построенъ среди пространной ра-

внины, богатой прекрасными лугами и устьинной озерами, обильными рыбою. Здесь водятся сига (*Salmo lararetus*) и чирьи той же породы. Народонаселение состоит здесь изъ Якутовъ, которые все лето кочуютъ съ табунами лошадей и стадами рогатаго скота. Въ теплое время года запасаются они сѣномъ на зиму. При наступленіи осени, Якуты разсеяются по берегамъ рѣкъ и занимаются только рыбною ловлею. Охота составляетъ у нихъ побочный промыселъ. Бѣднѣйшіе Якуты, не имѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ осѣло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того рѣчными. Для перевозки тяжестей содержатъ они собакъ, которыя, питаясь только рыбьими костями, почти не стоятъ хозяину никакихъ издержекъ, а между тѣмъ чрезвычайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловля составляетъ главный промыселъ и почти единственное средство пропитанія рѣчныхъ Якутовъ. Зимомъ занимаются они добычею пушныхъ звѣрей.

Противъ Зашиверска, на лѣвомъ берегу Индигирки, стоитъ отдѣльный утесъ, сажень 150 вышины. Онъ сложенъ изъ слоевъ чернаго сланца, проросшихъ селенитомъ; кромѣ того, чистыя бѣлыя жилы сей породы лежатъ между слоями сланца, которые направлены къ WtN и Ots, наклоняясь къ StW, подъ угломъ въ 60° съ горизонтомъ.

Не задолго до моего прибытія въ Зашиверскъ, проходилъ здѣсь изъ Якутска въ Нижне-Колымскъ

казенный транспортъ съ солью и мукою. Подъ него требовалось сто лошадей, а потому принужденъ я былъ прожить здѣсь два дня, пока изъ близъ лежащихъ наслѣговъ пригнали нужныхъ мнѣ лошадей. Наконецъ, 15-го Октября отправились мы далѣе, сопровождаемые благословеніями отца Михаила. Два дня, проведенныхъ въ гостепріимной хижинѣ почтеннаго старца, принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ воспоминаніямъ нашей унылой поѣздки.

Мы вхали по равнинамъ и болотамъ, усѣяннѣмъ озерами и покрытымъ низменнымъ, степлющимся листовничнымъ кустарникомъ. — На сей дорогѣ, которая идетъ въ 40 верстахъ отъ Индигирки, параллельно съ ея теченіемъ, были мы такъ счастливы, что всегда могли ночевать въ населенныхъ Якутскихъ юртахъ. Такимъ образомъ достигли мы большаго озера Оринкина, въ 315-ти верстахъ отъ Зашиверска, лежащаго на границѣ Колымскаго уезда. Здѣсь прекращаются Якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣкѣ Алазеѣ, на протяженіи 250 верстѣ, по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой болшею частью болотами, которыя лѣтомъ, особенно послѣ дождей, совершенно непроходимы. Озера попадаются рѣже, луга, поросшіе травой, исчезаютъ, такъ, что при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, сія полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежація къ западу отъ Алазейскихъ горъ

болота, «бадарапами» называемыя, никогда не просыхаютъ. Лѣтомъ, при теплой, сухой погодѣ, образуется на поверхности ихъ тонкій, твердый слой, который, подобно осеннему льду, можетъ сдержать только малыя тяжести, а подъ большими прорывается. Въ некоторой глубинѣ отъ поверхности лежитъ вѣчный, никогда не тающій ледъ; только онъ спасаетъ проезжающихъ здѣсь лѣтомъ путешественниковъ отъ потопленія въ болотъ. Вообще трудно себя представить что нибудь унылѣе и пустыннѣе бадарановъ, покрытыхъ полуистлѣвшимъ мохомъ, по которому изрѣдка стелются, почти изсохшія, тонкія листовницы.

Зимою путешественникъ, конечно, не подвергается здѣсь опасности утонуть, но за то ему угрожаютъ ужасныя бури и мятели на необозримой равницѣ, отъ которыхъ находить онъ единственную защиту въ развалившихся поварняхъ, подвергаясь тутъ опасности задохнуться отъ дыма.

Въ ста верстахъ отъ озера Орикина лежитъ, не высокій, но лѣсистый Алазейскій хребетъ; съ западнаго крутаго ската его текутъ рѣки въ Индигирку, а съ восточнаго, довольно отлогаго, сливаются протоки Алазеи. Въ послѣднихъ находится много желѣза хорошаго качества. Якуты выдѣлываютъ изъ него ножи, топоры и другія орудія.

Здѣсь оканчиваются бадараны. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Алазеѣ, которая, по рыхлому

земляному грунту, крутыми излучинами течеть на сѣверъ къ Ледовитому морю, страна становится холмистые, попадаются поросшіе травою луга и изобильныя рыбою озера; инныя изъ нихъ имѣють до 40 верствъ въ окружности. Здѣсь снова начинаются уединенныя, обитаемыя юрты и Якутскія селенія.

Наконецъ, 21-го Октября, на 140-й верствъ отъ Алазейскаго хребта, показались вдали столбы красноватаго, искристаго дыма, вылетающіе изъ юртъ Сарадахской станціи, гдѣ могли мы надѣяться, послѣ 8-ми дневнаго, труднаго путешествія, при 17° и 24° мороза, провести ночь въ натопленной, прочно устроенной юртѣ.

Надежда не обманула насъ. Сарадахская станція, содержимая отставнымъ вахмистромъ Атачсовымъ, однимъ изъ потомковъ покорителя Камчатки, обстроена несравненно лучше другихъ станцій по дорогѣ отъ Якутска до Нижне-Колымска. Въ прочно устроенной избѣ хозяина отдѣлена для проезжающихъ особая, теплая и чистая комната; на дворѣ находятся просторная юрта для проводниковъ и большіе навѣсы для лошадей, также загоны для рогатаго скота; въ серединѣ двора, на бревнахъ, сажени въ три вышины, сдѣлано небольшое лѣтнее жилище и поставлены солнечные часы. Всѣ сіи зданія устроены на косогорѣ и обнесены палисадомъ, примыкающимъ къ изобильному рыбою озеру, за котрымъ виднѣется довольно густой и высокій листъ

веничный лѣсъ. Вообще здѣсь все такъ хорошо и удобно придумано, что Сарадахъ можетъ быть сравниваемъ съ плодоноснымъ оазисомъ въ пещаныхъ Африканскихъ степяхъ.

Тутъ получилъ я первое извѣстіе отъ г. Матюшкина, который письмомъ увѣдомлялъ меня о счастливомъ ходѣ своего дѣла.

Отъ Сарадаха до Средне-Колымска считается 250-ть верстъ; на сей дорогѣ лежатъ три хорошія и удобныя станціи. Возвышенность, разделяющая системы водъ р. Алазеи отъ р. Колымы, называютъ Половиновскимъ хребтомъ; восточная покатость его покрыта болотами, озерами и рѣдкимъ лѣсомъ; западная почти безлѣсна, вѣроятно, по причинѣ холодныхъ, западныхъ вѣтровъ. Ближе къ р. Колымѣ, страна становится пріятнѣе; большія озера смѣняются листовичными рощами, или отдѣльными группами ихъ. Здѣсь, на небольшомъ озерѣ, увидѣлъ я первое стадо дикихъ оленей; съ удивительною скоростью пронеслись они мимо насъ по льду; по берегамъ озера бѣжали за ними два волка.

25-го Октября, поздно вечеромъ, выѣхали мы на берега Колымы. Было уже совершенно темно; но лай собакъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло свѣтящіеся сквозь лдяныя стекла огни и рѣзко рисующійся, черный шпигъ колокольни показали намъ, что мы пріѣхали въ городъ Средне-Колымскъ. Съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ мѣстопробываніемъ Колымскаго Исправника, онъ

видимо улучшается; кромѣ хорошей церкви, въ немъ считается тринадцать домовъ, которые впрочемъ лѣтомъ, по большей части, бывають пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ охоты и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ оживаетъ. Въ наше время все народонаселеніе занято было устройствомъ на рѣкѣ заколовъ для лова сельдей, которыя подымались къ верховьямъ Колымы. Рыбная ловля нынѣ гораздо меньше прежняго изобильна, такъ, что жители Средне-Колымска должны значительно уменьшать число своихъ собакъ и заводить лошадей. Такая перемѣна сопряжена съ большими затрудненіями, потому, что лѣто здѣсь часто бываетъ слишкомъ кратко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна.

Стужа усиливалась. На послѣднемъ переходѣ отъ Сарадаха, термометръ, при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до 29° холода. Мнѣ присовѣтовали снабдиться полнымъ зимнимъ гардеробомъ, и въ короткое время доставили все нужное. Здѣшняя зимняя одежда состоитъ изъ широкой куртки, на песцовомъ мѣху, и также нагрудника и широкихъ шароваровъ изъ заячьихъ шкуръ, что надѣвалъ я на мое обыкновенное, форменное платье. На ноги, кромѣ двухъ паръ носковъ изъ оленьей мягкой шкуры, надѣваются такіе же высокіе сапоги, торбасы, а сверхъ того, какъ мы вѣхали верхомъ, особые мѣховые наколѣнники. Наколець надѣвають широкую кухлянку, родъ мѣшка, съ отверзтіемъ для головы, съ рукавами и капи-

шопомъ. Она дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ, одна шерстью наружу, а другая внутрь, и подпоясывается широкимъ кушакомъ. Лицо также закутывается лоскутками мѣховъ, какъ то: налобникомъ, наносникомъ, нагубникомъ, набородникомъ и наушникомъ, а на голову надѣвается огромная шапка изъ лисьего мѣха. Сперва такая одежда была мнѣ нестерпима и тягостна; я на силу взлѣзалъ на лошадь и не безъ труда пролѣзалъ сквозь узкія двери Якутскихъ юртъ, но въ послѣдствіи, особенно при 30° мороза и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, нарядъ мой казался мнѣ превосходнымъ и удобнымъ.

27-го Октября поехали на лошадяхъ изъ Средне-Колымска, далѣе по лѣвому берегу рѣки, встрѣчая довольно часто Якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ Русская деревня Омолонская, на рѣкѣ того же имени; отсюда начинается ѣзда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные мѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

На легкихъ нартахъ пролетѣли мы въ два дня 120-ть верстъ, и 2-го Ноября, при 32° мороза, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, проѣхавъ всего одиннадцать тысячъ верстъ въ 224 дни, достигли мы первой цѣли нашего путешествія—бѣдной рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась нашимъ главнымъ мѣстопребываніемъ.

ГЛАВА IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О НИЗОВОЙ ЧАСТИ КОЛЫМЫ И ЖИТЕЛЯХЪ ЕЯ.

Рѣка Колыма. — **Климатъ.** — **Жители.** — **Селенія.** — **Берега.** — **Одѣяніе.** — **Образъ жизни.** — **Голодь.** — **Рыбные промыслы.** — **Сбереженіе рыбы въ прокъ.** — **Охота за оленями.** — **Пушные звѣри и ловля ихъ.** — **Собаки, необходимый рабочий скотъ.** —

Прежде нежели приступлю къ описанію нашихъ занятій и пребыванія въ Нижне-Колымскѣ, считаю приличнымъ изложить нѣсколько общихъ замѣчаній о такъ называемой, *низовой части* Колымы и жителяхъ ея, чтобы въ послѣдствіи менѣе прерывать рассказъ мой подобными, мѣстными и этнографическими описаніями.

Рѣка Колыма начинается подъ $61\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты и 146° восточной долготы (отъ Гринвича), въ горахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Становаго Хребта*, изъ которыхъ течетъ также рѣка *Омеконъ*, или *Индигирка*. Колыма простирается

на 1500 верстѣ, по направленію восточной отрасли тѣхъ горъ къ NNO, и впадаетъ наконецъ, подѣ 69° 40' сѣверной широты, въ Ледовитое море. На первыхъ 800 верстахъ отъ источника, стремленіе чрезвычайно быстро, но потомъ, при возрастающей ширинѣ, мало по малу становится умереннѣе. Правый берегъ вообще утесистъ и состоитъ изъ скалъ, исключая пространство между устьями впадающихъ въ Колыму рѣкъ *Омолона* и *Анюя*, гдѣ встрѣчными теченіями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои земли къ утесамъ. Крутые берега возвышаются почти вездѣ отвѣсно изъ воды; нерѣдко также висятъ они довольно далеко надъ русломъ рѣки и состоятъ изъ различныхъ породъ сланца. * Въ сихъ шиферныхъ утесахъ между слоями показываются жилы отвердѣлой красной глины и зеленого каменнаго шифера, наприм. у мыса *Кресты*; далѣе находятся также большія полосы чистѣйшаго чернаго аспида, безъ всякой примѣси, какъ то замѣтно у мыса *Аспиднаго*; наконецъ, близъ Камня *Кандакова*, имѣющаго всѣ свойства лавы, встрѣчаются известковые шары, которые заключаютъ въ себѣ миндалеобразныя кристаллы халцедоновыя и аметистовыя. Изъ утесовъ высываются также большіе горныя кристаллы. Окаменѣлостей, какъ кажется, на Колымѣ нѣтъ. Не смотря на каменистое свойство берега, про-

* Гранитъ начинается у *Баранова Камня* и къ сторонѣ *Шалагскаго Носа*; первые признаки его нашель я у *Медвѣжьего* мыса.

зябеніе здѣсь довольно изобильно; мы видѣли цвѣтущимъ красивый кипрей широколистный (*epilobium latifolium*). Здѣсь растетъ также во множествѣ трава кровохалбка (*sanguis-orba*), корень которой туземцы собираютъ для употребленія въ пищу.

Львѣй берегъ рѣки отложе; къ Средне-Колымску видны еще довольно высоко лежащіе луга, но чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ низменнѣе и отложье становятся берегъ и окрестность; наконецъ вся страна представляетъ обширную тундру, или степь, простирающуюся къ рѣкѣ Алазеи и до самаго моря.

Кромѣ двухъ рѣкъ Аниюевъ (Большаго и Малаго) и Омолона, впадаетъ въ Колыму еще много небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ; тѣ изъ нихъ, которые вытекаютъ изъ горъ и утесовъ, называются вообще каменными протоками, а прѣистекающія изъ озеръ, означаются названіемъ: *виски*. Между послѣдними важнѣйшія суть: Керетовая, Черноусова, Походская и Малая Чукоцья; изъ первыхъ стоитъ упомянуть о Паптелеевой и Филиповой.

Нѣсколько верстъ выше устья Омолона, Колыма образуетъ рукавъ, который пересѣкаетъ въ ОНО направленіи западную тундру, и на 100 верстъ далѣе къ низу, соединяясь опять съ главною рѣкою, представляетъ низменный, довольно болотистый островъ, на южномъ берегу коего, въ трехъ верстахъ къ западу отъ поворота Колы-

мы, лежитъ острогъ Нижне-Колымскій; продолжая теченіе около 100 верстъ въ восточномъ направленіи, рѣка дѣлаетъ здѣсь внезапный поворотъ къ сѣверу. Сорокъ верстъ далѣе внизъ, раздѣляется она опять на два рукава, образующіе островъ *Мерхояновъ*, самая большая ширина котораго составляетъ $9\frac{1}{2}$ верстъ. Онъ простирается къ сѣверу до самаго моря, и перерѣзывается, особливо по близости моря, множествомъ ручейковъ. Восточный изъ сихъ двухъ рукавовъ называется *Каменная Колыма* и имѣетъ ширины 6 верстъ; западный рукавъ, получившій названіе *Походской*, или *Средней Колымы*, не шире 4 верстъ. Наконецъ есть еще, 24 версты далѣе къ сѣверу, третій, не очень широкой рукавъ, *Чукотскій*, на NW. Сія три рукава образуютъ истокъ Колымы въ Ледовитое море, шириною около 100 верстъ. Средняя и Каменная Колымы имѣютъ значительную и для мореходныхъ судовъ всякаго рода достаточную глубину; не смотря на то, плаваніе тамъ затруднительно и сопряжено съ опасностью, потому что отъ быстроты теченія, особливо при вскрытіи льда, образуется ежегодно множество пещаныхъ мѣлей, которыя безпрестанно перемѣняютъ свое положеніе, и такимъ образомъ дѣлаютъ фарватеръ непостояннымъ. Кроме вышеупомянутыхъ двухъ, большихъ острововъ, лежитъ также на рѣкѣ и въ рукавахъ ея множество малыхъ низменныхъ островковъ, которые, подобно пещанымъ отмѣлямъ, мало по малу образовались наносною землею и укрѣпились.

Суровость здѣшняго климата должно приписать, сколько возвышенной широтѣ ея, столько, и можетъ быть, еще болѣе, неблагоприятному физическому положенію страны. Къ западу простирается необозримая, безлѣсная тундра, а къ сѣверу вѣчнымъ льдомъ покрытое море, отъ чего холодные сѣверо-западные вѣтры, почти постоянно здѣсь господствующіе, безпрепятственно могутъ дѣйствовать со всею жестокостію. Не только зимою, но и среди лѣта наносятъ они сильныя мятели. Сему открытому мѣстоположенію приписать должно, что средняя температура цѣлаго года составляетъ не менѣе 8° ниже точки замерзанія по Реомюру (14° Фаренг).

У Нижне-Колымска рѣка становится въ первыхъ числахъ Сентября; ближе къ устью, именно, въ Чукотскомъ протоцѣ, имѣющемъ теченіе слабѣе, переходятъ часто уже 20-го Августа навьюченныя лошади по льду; вскрывается рѣка въ началѣ Іюня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ 52 дня (въ Нижне-Колымскѣ съ 15-го Мая по 6-е Іюля); однакожь отъ того мало пользы, ибо оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагрѣваетъ воздуха. При семъ видимомъ сближеніи съ землею, лучи теряютъ почти всю свою яркость; самое солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами.

Хотя, какъ сказано, въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не заходитъ, однакожь обык-

новенный порядокъ дневнаго времени замѣтенъ. Когда холодное солнце понижается на горизонтъ, наступаютъ вечеръ и ночь, и природа покоится, а когда, часа черезъ два, оно опять нѣсколько возвысится, то все пробуждается: птички приветствуютъ новый день веселымъ щебетаньемъ; свернувшийся желтый цвѣтокъ осмѣливается открыть свою чашечку, и все, кажется, спѣшитъ насладиться, хоть немного, благотельнымъ вліаніемъ слабыхъ солнечныхъ лучей. Тоже происходитъ и съ временами года; какъ подъ поворотными кругами смѣняются между собою только весна и лѣто, такъ и здѣсь существуютъ лишь лѣто и зима, вопреки мнѣнію туземцовъ, которые утвердительно говорятъ о веснѣ и осени. Первую полагаютъ они около того времени, когда солнечные лучи начинаютъ быть замѣтны въ полдень, что случается обыкновенно въ половинѣ Марта; но и тогда часто бываетъ ночью 30° мороза. Осень считаютъ они съ того времени, когда замерзнуть рѣки, именно, съ первыхъ чиселъ Сентября; тогда бываетъ обыкновенно 35° мороза. Лѣто начинается въ послѣднихъ числахъ Мая; низкая ива распускаетъ маленькіе листочки, а лежащая къ югу отлогости берега покрываются блѣдною зеленью. Въ Іюнѣ случается въ полдень до 18° тепла; показываются цвѣтки и разцвѣтаютъ ягодные кусты; но если поднимется морской вѣтеръ, и отъ него сдѣлается воздухъ суровымъ, скудная зелень желтѣетъ и цвѣтки пропадаютъ. Въ Іюль воздухъ становится гораздо чище и

пріятнѣе, но природа, какъ будто хочетъ про-
известъ въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ
прелестей лѣта и заставить ихъ желать воз-
врата зимы : въ первыхъ числахъ мѣсяца по-
являются миллионы комаровъ, помрачающіе воз-
духъ густыми облаками, и единственное убъ-
жище отъ нихъ въ ѣдкомъ смрадѣ дымокуровъ,
* который отгоняетъ несносныхъ мучителей.
Но какъ все въ природѣ имѣетъ благодѣтельную
цѣль, и вредъ съ пользою всюду уравновѣши-
вается, то и пасъкомья сіи оказываютъ жителямъ
самую существенную услугу, заставляя оленей
выходить изъ лѣсовъ на приморскую тундру, от-
крытую холоднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огром-
ными стадами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ,
и даже тысячъ; тогда охотники подстерегаютъ
ихъ, особливо при переправахъ черезъ рѣки и озе-
ра, и съ малымъ трудомъ убиваютъ великое множе-
ство. Другую, не менѣе существенную, но совер-
шенно противоположную пользу доставляютъ рои
комаровъ пасущимся въ табунахъ безъ присмот-
ра лошадямъ, которыя на безконечной тундрѣ
легко могли бы заблудиться, еслибы природ-
ный инстинктъ не научалъ ихъ держаться всегда
по близости дымокуровъ, гдѣ находятъ онѣ за-
щиту отъ крылатыхъ враговъ своихъ. Всегда па-
сутся они въ густомъ дымѣ около тлѣющихъ кучъ,

Дымокуры суть огромныя кучи моха и сырыхъ дровъ; отъ
горѣнія ихъ происходитъ густой дымъ, который отгоняетъ ко-
маровъ. Кучи сіи раскладываютъ, не только на лугахъ, для скота,
но также и около селеній, а потому все время, пока есть кома-
ры, жители проводятъ въ безпрестанныхъ облакахъ ѣдкаго дыма.

а когда не станетъ травы въ одномъ мѣстѣ, кучи переносятся далѣе. Обыкновенно огораживаютъ дымокуры шестами, чтобы скоть не могъ приближаться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здѣсь бываетъ громъ, который слышанъ въ горахъ, а надъ снѣжною и ледяною равниною издаетъ только слабый гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцовъ; въ Октябрѣ холодъ нѣсколько умѣряется густыми туманами и испареніями отъ замерзающаго моря, но съ Ноября наступаютъ большіе морозы, которые въ Январѣ доходятъ до 43°. Тогда захватываетъ дыханіе. Дикій олень, житель полярныхъ странъ, забирается въ глушь лѣсовъ и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездыханный — даже снѣгъ испаряется! Въмѣсто почти двухъ-мѣсячнаго дня начинается, съ 22-го Ноября, 38-ми суточная ночь, которая однакожь отъ сильной рефракціи и снѣжнаго свѣта, а равно и отъ частыхъ сѣверныхъ сіяній, бываетъ довольно сносна. Декабря 28-го показывается подъ горизонтомъ блѣдная утренняя заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ. Съ возвращеніемъ солнца, холодъ становится чувствительнѣе, и бывающіе въ Февралѣ и Мартѣ утренніе морозы отличаются особенною пронзительностію. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, ибо дующіе съ моря вѣтры наносятъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звѣзды. Такую гу-

стую мглу называютъ здѣсь *мороконъ*. Всего болѣе ясныхъ дней въ Сентябрѣ. Замѣчательное здѣсь явленіе природы есть, извѣстный подъ именемъ *теплаго вѣтра*, OSO, или правильнѣе SOTs вѣтеръ, который иногда, при ясномъ небѣ, начинаетъ дуть внезапно, и среди жесточайшей зимы, въ короткое время перемѣняетъ температуру изъ 35° мороза на 1½° тепла, такъ, что льдины, замѣняющія здѣсь стекла въ окнахъ, таютъ. Въ долинахъ Анюйскихъ теплый вѣтеръ дуетъ часто, а къ западу отъ Чукотскаго мыса (къ W отъ устья Колымы) чудесное дѣйствіе его прекращается. Вѣтеръ сей продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя по всему вышесказанному, здѣшній климатъ можно почитать самымъ суровымъ и неблагоприятнымъ, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цынготной, ни другихъ опасныхъ прилипчивыхъ болѣзней; * простудная лихорадка и особенно глазная боль случаются обыкновенно только въ Октябрѣ, въ продолженіе густыхъ тумановъ, и въ Декабрѣ, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ отчасти слѣдствіе отраженія свѣта на необозримыхъ

* Любострастная болѣзнь, къ сожалѣнію, въ свѣро-восточной Сибири, и особенно по берегамъ обоихъ Анюевъ, производящая весьма гибельныя опустошенія, хотя и есть слѣдствіе, не столько климата, сколько совершеннаго недостатка свѣжихъ състныхъ припасовъ, но тѣмъ не менѣе свирѣпствуетъ въ высшей степени и дѣлается смертельною.

снѣжныхъ равнинахъ, столь сильнаго, что надобно завѣшивать глаза, дабы не ослѣпнуть. Такъ называемое «повѣтріе,» которое часто оказывается между обитателями западнѣе лежащей страны, бываетъ здѣсь, на сѣверной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространившееся въ 1821-мъ году по всей сѣверной Сибири между собаками повѣтріе появилось въ Колымскѣ почти годомъ позже, нежели у западныхъ рѣкъ и вдоль береговъ Чукотскихъ. Замѣчательна еще, случающаяся здѣсь, какъ и вообще въ сѣверной Сибири, странная болѣзнь, называемая *мирякъ*, которая по мнѣнію жителей происходитъ отъ того, что духъ одной, хотя давно умершей, но все еще страшной чародѣйки, *Аграфены Жиганской*, вселяется въ больныхъ и всячески ихъ мучить. Мнѣ кажется, *мирякъ* есть ни что иное, какъ истерика въ сильнѣйшей степени, ибо сею болѣзнію страждетъ по большей части женскій полъ. *

Скудная растительность соответствуетъ печальному климату. Особенно въ семъ отношеніи бѣдна окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно не растаявающій слой растительной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ примѣсью частицъ льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое листовичное деревцо; корни его, недопускаемые вѣчнымъ льдомъ въ глубину земли,

* Докторъ Киберъ имѣлъ случай дѣлать замѣчательные опыты какъ надъ *мирякомъ*, такъ и надъ другою, свирѣпствующею въ Сибири, ужасною болѣзнію, которую онъ принялъ за *Elephantiasis*. Выводы его опытовъ помѣщены ниже.

большою частію лежать обнаженныя на поверх-ности. У береговыхъ отлогостей къ югу растутъ изрѣдка мѣлколиственный ивнякъ, а на равнинахъ возвышается жесткая трава, которая вблизи моря доставляетъ скоту нѣсколько питательныя кормъ, потому, что при случающихся ежегодно наводненіяхъ проникается соленою водою. Чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ рѣже видишь малорослыя деревья и кустарники, которые наконецъ, у мѣлваго берега Колымы, около 35 верстѣ съвернѣ Нижне-Колымска, вовсе исче-заютъ. На правомъ берегу мѣсь простирается одна-кожь немного далѣе къ сѣверу. Вообще сей бе-регъ, по сухой, и глинистой почвѣ, благопріятнѣ для прозябеній, которыя растутъ здѣсь силь-нѣе и въ большемъ разнообразіи, нежели по ту сторону, на мертвой, льдистой и болотней поч-вѣ. На равнинахъ, покрытыхъ хорошею травою, попадаются тимьянъ, и въ особенности польнъ; также цвѣтеть шиповникъ. Чета влюбленныхъ, если только можетъ здѣсь существовать любовь, находятъ сантиментальную незабудку на берегахъ ручейковъ. Мѣлкая смородина, голубица, брусни-ка, морошка, княженика и шикша цвѣтутъ здѣсь, а въ благопріятное лѣто даютъ и ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать; никто не-рѣшается разводить ихъ, ибо навѣрное можно предполагать, что здѣсь ничто подобное не при-мется. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ 2° юж-нѣе, видѣлъ я однакожь рѣдку, а также и капусту безъ вилокъ.

Въ Анюйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и кедровникъ. Когда придеши сюда съ мерзлой, покрытой мохомъ тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Италию. Но и тутъ еще, кажется, что снѣгъ таетъ только для того, чтобы подъ тонкимъ слоемъ земли образовывать новый ледъ, * на который не могутъ имѣть влiянiя слабые лучи солнца.

Со скудостiю, или лучше сказать, ничтожествомъ прозябаемой природы, представляется въ замѣчательной противоположности богатство животнаго царства. Олени въ безчисленныхъ стадахъ, лоси (сохатые), черные и бурые медведи, лисицы, соболы и бѣлки наполняютъ нагорные лѣса; песцы и волки рыскаютъ по низменностямъ; огромныя стада лебедей, гусей и утокъ, прилетая весною, ищутъ уединеннаго мѣста, безопаснаго отъ преслѣдованiя охотниковъ, чтобы вылинять тамъ и вывести дѣтей; орлы, филины и чайки преслѣдуютъ свою добычу у береговъ морскихъ; бѣлыя

* Я не имѣлъ возможности удостовѣриться, какъ глубоко отъ поверхности земля замерзаетъ, или смѣшивается со льдомъ. На разстоянiи полумерсты отъ моря, въ ямъ, которую нарочно велѣлъ я рыть, выступила вода, едва только мы достигли горизонта моря; тоже самое случилось и по близости большихъ озеръ. Въ Нижне-Колымскѣ, на глубинѣ 4½ саж., находилъ я мерзлую землю. На возвышенностяхъ встрѣчались часто разсѣлины и провалы, гдѣ на 4-хъ саженьяхъ, и глубже, нижнiй слой земли содержалъ въ себѣ болѣе льда, чѣмъ верхнiй. Въ Якутскѣ, на днѣ ямы, выкопанной въ 45 саж. глубины, въ надеждѣ найтти воду и имѣть колодезь, температура земли была еще 1° ниже точки замерзанiя по Реомюру.

куропатки стадами бѣгаютъ около кустар и маленькіе кулики заботливо пересемени по болотистымъ бергамъ. Вблизи жилищъ хозяи начинаютъ миролюбивыя вороны, и когда свѣтитъ весеннее солнце, слышно иногда пѣніе веселаго зяблика, а осенью чирканье маленькихъ ремезовъ. *

Но при всей такой разнообразной дѣятельности, одинъ взглядъ на ужасную пустыню невольно вселяетъ мысль: здѣсь граница обитаемаго свѣта! Присутствіе животныхъ отнести должно къ вѣчному закону природы; единственно по инстинкту сдѣлались они обитателями ледяной пустыни. Но какъ очутился здѣсь человекъ? Что могло завлечь его сюда, въ могилу природы? Говорю не о маломъ числѣ Рускихъ, которые, въ надеждѣ на значительную прибыль рѣшились придти сюда на нѣсколько времени, но о тѣхъ народахъ, которые, безъ такого побужденія здѣсь поселились.

Кочевые народы умѣреннаго климата переходятъ изъ одной плодоносной страны въ другую, и постепенно, черезъ многія поколѣнія, удаляются столь далеко отъ своей родины, что дѣлаются

По наблюденіямъ доктора Кибера, зимуютъ здѣсь только бѣлая куропатка (*tetrao lagopus*), обыкновенная ворона (*corvus corax*) и бѣлый филинъ (*stryx nivalis*), большая хищная птица. Въ началѣ Апрѣля показываются: подорожникъ, пуначка (*emberiza nivalis*), трясогузка (*motacilla calliope*); потомъ морской птущекъ (*tringa rugna*), пинговица (*tringa vanellas*), барашекъ (*scolopax galinago*) и зуекъ чернозобый (*charadrius hiaticula*); наконецъ въ Маѣ лебеди, четыре породы гусей и одиннадцать породъ утокъ.

для нея чуждыми, предпочитая ей новую отчизну. Но здѣсь, куда ничто не заманиваетъ надеждою на будущее, гдѣ однѣ лишь безконечныя, снѣгомъ и льдомъ покрытыя пустыни, ограничиваютъ мрачный горизонтъ, гдѣ подъ твердымъ покровомъ вѣчной зимы погребенная природа, не можетъ почти ничего представить чело-вѣку, и гдѣ жизнь есть лишь горестное бореніе со всеми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій, что могло побудить человека оставить свое прежнее, вѣроятно, пріятнѣйшее жилище, и поселиться въ сей ужасной могилѣ природы, которая заключаетъ въ себѣ только кости уже давно несуществующихъ, первобытныхъ животныхъ? Напрасно будемъ мы искать разрѣшенія нашему вопросу: никакой памятникъ, никакое преданіе не говорятъ о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи покоренія Сибири Рускими неизвѣстно ничего достовернаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у Омоковъ больше, нежели звездъ на ясномъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ пняхъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ (въ особенности у рѣки Индигирки); то и другое принадлежало, какъ полагаютъ, сильному и многочисленному поколѣнію Омоковъ, которое нынѣ вовсе исчезло.

Судя по несвязнымъ отвѣтамъ нѣкоторыхъ стариковъ, кажется, что Омоки не были кочующимъ народомъ, и имѣли постоянную осѣдность по берегамъ верховья рѣки, питаясь звѣроловствомъ и рыбнымъ промысломъ. Другое многочисленное поколѣніе, называемое *Чукочь*, кочевало, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, чрезъ которую протекаетъ Колыма на сѣверъ къ морю, отъ чего и доселѣ существуютъ въ сей странѣ названія рѣчекъ, каковы *Малая* и *Большая Чукочь*. Омоки сдѣлались, вѣроятно, жертвою воинъ и болѣзней, а *Чукочь*, или *Чукчи*, переселились частію еще далѣе къ сѣверу, гдѣ нынѣ обитаютъ, частію смѣшались съ другими поколѣніями, которыя также имѣютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда временно и составляютъ нынѣшнее скудное населеніе здѣшней страны.

Во всемъ Колымскомъ округѣ состоитъ жителей: Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ и казаковъ 325, Якутовъ 1,034; Юкагировъ и другихъ поколѣній 1,139, вообще 2,498 человекъ мужескаго пола, изъ коихъ 2,173 обложены ясакомъ. Они платятъ ясака, или податей, 803 лисицы и 28 соболей, которые по среднимъ цѣнамъ можно положить въ 6,704 руб., и сверхъ того деньгами 10,847 р., такъ, что на каждую душу мужескаго пола Якутовъ и другихъ поколѣній, въ сложности, падаетъ около 8 р. 8 коп. Большая часть крестьянъ и мѣщанъ происходятъ отъ ссыльныхъ, а казаки суть потомки тѣхъ, которые во раззореніи Анадырскаго острога Чукчами переселились сюда.

До 1812 года казаки считались въ дѣйствительной службѣ, и получали отъ Правительства провіантъ, который однакожь обязаны были сами перевозить на судахъ съ верховья Колымы. При свойственной здѣшнему народу беззаботливости о будущемъ, обладаженные нѣсколькими сряду, весьма прибыльными годами для звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, казаки оставили сію, нѣсколько трудную для нихъ перевозку, такъ, что наконецъ, въ 1812 году, Правительство вовсе прекратило продовольствіе ихъ провіантомъ. Нынѣ, когда нѣсколько уже лѣтъ рыбные и звѣриные промыслы скудны, и господствуетъ всеобщій въ здѣшнемъ краю недостатокъ, казаки должны очень раскаяваться, что собственною беспечностью лишили себя благодѣтельной поддержки Правительства. Исключая шести человекъ, которые оставлены въ дѣйствительной службѣ для содержанія караула и исполненія всякихъ приказаній, прочіе казаки составляютъ особую станицу, подъ непосредственною командою сотника, подчиненнаго частному Исправнику въ Средне-Колымскѣ. Казаки не платятъ никакихъ податей, но вмѣсто того обязаны, по первому востребованію, являться на службу, имѣя при себѣ сабли и ружья. Главнѣйшую ихъ службу составляетъ походъ къ крепости *Островной*, куда отправляются ежегодно отъ 25-ти до 30 человекъ, для соблюденія порядка на Чукотской ярмаркѣ, и для защиты, въ нужномъ случаѣ, Рускихъ и другихъ промышленниковъ противъ Чукчей.

Хотя обитающіе здѣсь собственно-Рускіе, черезъ смѣшеніе съ Юкагирами и Анюйскими Якутами заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, образѣ жизни, и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкимъ своимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлѣе, и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не встрѣчалъ я у природныхъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, въ какой живутъ, съ чертами лица пріятнѣе и правильнѣе, нежели у настоящихъ Юкагирокъ, Тунгусокъ и Якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами. Онѣ не чужды супружеской нѣжности, и пріятно видѣть радость жены, или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опаснаго промысла, или изъ дальней поѣздки. Послѣ первыхъ привѣтствій и благодарственной молитвы, выставляется на столъ все, что есть лучшаго въ запасѣ, и потомъ возвратившійся долженъ рассказать, какіе преодолѣлъ онъ труды, какіихъ избѣжалъ опасностей, и т. д. Съ искреннимъ участіемъ, все семейство слушаетъ разкашика, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятіе объ его твердости духа, рѣшительности или смѣшленности, зная, что въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ доброе о себѣ мнѣніе.

Многія изъ женщинъ одарены способностью слогать пѣсни, заключающія въ себѣ большею частію жалобы на разлуку съ любезными. Въ такихъ

пѣсняхъ замѣчательно воспоминаніе о прошедшемъ времени; главныя роли въ нихъ играютъ голубокъ, соловей, цвѣты, и многіе другіе предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ пѣвица знаетъ только по слухамъ. Вотъ два образца:

1.

Напишу ли я письмо, не перомъ, не черниломъ,
Напишу письмо горючей слезой;
Отослю я письмо съ сизокрылепкимъ голубкомъ.
Полети ты, сизокрылепкій, во славный городъ во Якутскъ,
Оброни ты письмо подъ косящетею подъ окошечко, и проч.

2.

Ты скажи, соловьюшко,
Ты скажи мнѣ, черноперипкой,
Гдѣ морскихъ ты повстрѣчалъ?—
Повстрѣчалъ я ихъ на долгихъ на пlesaхъ,
На морскихъ на бѣлыхъ торосахъ,
И чистой островъ увидали тутъ они.
Полети ты, соловьишко, во сине море
И скажи моему ты милому,
Что подруженька его горько плачетъ, и проч.

Мужчины изъ здѣшнихъ Рускихъ поютъ также довольно пріятно; пѣсни ихъ называются *андыльщинами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, сосѣди собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между здѣшними Рускими видны еще некоторая веселость и наслажденіе жизнью, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныхъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ обществѣ Рускихъ, но и тѣ не умѣютъ вполне изъяслять своей веселости. Однакожь такое, и мно-

гія другія, свойственныя Русскому характеру преимуществу, цѣнятся ими, и когда они хотять описать искуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ: «Онъ настоящій Рускій.» Дети здѣшнихъ Рускихъ, несмотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и преимчивость.

Въ отношеніи жилищъ, Рускіе мало различаются отъ природныхъ жителей. Растущія здѣсь лиственничныя деревья очень тонки, и потому для постройки хижинъ надобно ловить лѣсъ, носимый съ моря, при весеннемъ разлитіи рѣкъ. Часто проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока наберется потребное количество бревенъ. Стѣны выводятся по обыкновенному образцу Русскихъ избъ; промежутки между бревенъ затыкаются мохомъ и замазываются глиною, а нижняя часть строенія снаружи, до оконъ, заваливается землею, для предохраненія отъ холода. Хижина имѣетъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ сажень въ квадратъ и $1\frac{1}{2}$ сажени вышины. На плоскую крышу насыпается земля. Внутреннее устройство бываетъ слѣдующее: въ углу стоитъ Якутскій чумаль, родъ камина, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ и обмазаннаго внутри и снаружи глиною. Трубу замѣняетъ сдѣланное въ крышѣ отверстіе. Съ нѣкотораго времени стали однакожь устраивать настоящія Русскія печи изъ битой глины, и проводятъ трубы сквозь кровлю. Смотря по пространству хижины и потребности хозяина, ставятся одна, или двѣ, низкія

перегородки, для отдѣленія спальни; остальная часть хижины заключаетъ въ себѣ кухню, рабочую и гостиную, обставленная довольно широкими скамьями, которыя покрываются оленьими кожами. По стѣнамъ развѣшиваютъ разную домашнюю утварь, ружья, стрѣлы, луки, и т. п. Два окна, въ квадратный футъ, а иногда и менѣе, кой какъ освѣщали бы хижину, еслибы въ нихъ вставлены были стекла, но замѣняющіе ихъ льдомъ рыбы пузыри (обыкновенно изъ налима), а зимою льдины, въ шесть дюймовъ толщины, едва только пропускаютъ дневный свѣтъ. Съ одной стороны дома пристроиваются сѣни, къ которымъ примыкаетъ анбаръ, складенный изъ тонкихъ бревенъ. Въ сѣняхъ обыкновенно дѣлается очагъ. Всѣ дома расположены окнами къ югу. Какъ возлѣ дома, такъ и на крышѣ, устроены бывають вѣшалки, для сушенія рыбы, а у анбара стоитъ конура, гдѣ во время жестокихъ морозовъ укрываются собаки, при меньшемъ холодѣ обыкновенно лежащія передъ домомъ; онѣ привязаны къ длинному ремню и зарываются въ снѣгъ. Заборовъ почти нигдѣ нѣтъ. Такъ вообще строятся здѣсь дома, безъ всякихъ правилъ, по произволу хозяина. До бань жители небольшіе охотники, и во всемъ Нижне-Колымскѣ нашли мы одну общественную баню, и та была въ самомъ неисправномъ положеніи.

Опрятность въ жилищахъ и одеждѣ можно видѣть только у богатыхъ, жены которыхъ носятъ рубахи изъ бумажной матеріи и холста. Обыкновенныя рубахи (*парки*) шьются изъ мягкихъ

оленьихъ шкуръ, спереди открытыя, и надѣваются шерстью внутрь; наружная сторона выкрашена ольховою корою въ красный цвѣтъ, и опущена по низу и рукавамъ тонкими бобровыми ремнями, или кожею рѣчной выдры, которая покупается довольно дорого у Чукчей. Изъ оленьей шкуры шьютъ и нижнее платье. Сверхъ рубахи надѣваютъ *камлею*, изъ ровдуги, которая отъ дыма становится желтою. *Камлея* закрыта спереди и сзади; къ ней пришить капишонъ, накидываемый на голову, при выходѣ изъ двора. Зажиточные люди носятъ дома китайчатыя камлеи. На ноги надѣваютъ родъ башмаковъ (*калипчики* и *аларчики*), изъ темной юфти, или чернаго сафьяна, которые пришиваются къ голенищамъ, сдѣланнымъ изъ жесткой оленьей кожи, и вышиваются разноцвѣтными шелками, даже золотомъ. Два длинные ремня, прикрепленные къ каблукъ, обхватываютъ ногу крестообразно. Мѣховая шапка, острая къ верху, такъ широка и высока, что можетъ покрывать лобъ и щеки; кромѣ того, для щегольства и большаго тепла, надѣваются *налобники*, *наушники*, *наносники* и *набородники*; особенно налобникъ вышивается разноцвѣтными шелками и золотомъ. При входѣ въ комнату шапка снимается, а налобникъ остается нѣсколько времени, какъ будто на показъ.

Во время поѣздокъ, сверхъ всего платья, накидывается еще *кухлянка*, широкая, изъ двойнаго мѣха сшитая камлейка, съ капишономъ; къ рукавамъ придѣланы большія рукавицы, у которыхъ

подъ низомъ разрѣзь, чтобы иногда, въ случаѣ надобности, можно было просунуть руку и опять тотчасъ спрятать ее отъ холода. Въмѣсто домашнихъ сапоговъ надѣваются получулки или носки, изъ кожи молодаго оленя (*чижи*), а сверху *торбосы*, или теплые сапоги. Въ такой одеждѣ можно долго выносить самый сильный морозъ. На кушакъ висятъ большой ножъ, маленькая *гамза* (мѣдная, или оловянная трубка), съ короткимъ, вдоль разрѣзаннымъ и ремнями связаннымъ чубукомъ, и кошель, гдѣ лежатъ огниво и табакъ, изъ экономіи смѣшанный съ мѣлко-наскобленнымъ, листовичнымъ деревомъ. Здѣшніе Рускіе курятъ подобно всѣмъ сѣвернымъ Азіятскимъ народамъ: вбираютъ въ себя дымъ и выпускаютъ потомъ изъ носа, отъ чего приходятъ въ безпамятство, которое бываетъ иногда такъ сильно, что они, сидя передъ чуваломъ, безъ чувствъ падаютъ въ огонь. Впрочемъ, много разсказываютъ они о пріятностяхъ такого опьяняющаго куренія, и увѣряютъ, что оно весьма согреваетъ въ большіе морозы.

Одежда женщинъ разнится отъ мужской преимущественно тѣмъ, что состоитъ изъ легчайшей кожи, а у богатыхъ изъ какой нибудь бумажной, или шелковой матеріи, съ лежащимъ воротникомъ изъ собольихъ, или куньихъ хвостовъ; бѣдныя довольствуются оленьими выпоротками. Замужнія женщины повязываютъ обыкновенно голову бумажнымъ, или шелковымъ платкомъ; иногда надѣваютъ и калпаки, подъ которые, по

Русскому обычаю, подбираютъ волосы; незамужнія заплетаютъ ихъ въ длинныя косы, и сверхъ того, когда въ нарядѣ, носятъ повязки на лбу. Праздничное платье очень похоже на то, какое лѣтъ за 50 носили наши купчихи; чѣмъ цвѣтнѣе и пестрѣ шелковая матерія, и чѣмъ блестяще и длиннѣ серьги, тѣмъ красивѣе почитается нарядъ. Купцы, прїѣзжающіе на ярмарки, умѣютъ здѣсь пользоваться, сбывая на берегахъ Колымы, за дорогую цѣну, такія платья, которыя даже въ Якутскѣ вышли изъ моды.

Желая имѣть понятіе объ образѣ жизни прибрежныхъ Колымчанъ, надобно нѣсколько времени прожить съ ними: слѣдовать за ними изъ зимнихъ избъ въ лѣтніе балаганы; плавать съ ними въ *карбасъ*, или въ *сѣткль*, по быстрымъ рѣкамъ; взбираться верхомъ, или пѣшкомъ, на скалы; прокладывать дорогу черезъ густой лѣсъ; въ жестокіе морозы и мятель носиться на легкой нарть, запряженной борзыми собаками, по безконечной тундрѣ; словомъ, надобно ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Такова была жизнь наша, въ продолженіе почти трехъ-лѣтняго пребыванія здѣсь; мы жили въ ихъ обществѣ, одѣвались такъ же, какъ они, питались ихъ вяленою рыбою и раздѣляли съ ними всѣ неудобства здѣшняго климата, при крайнемъ недостаткѣ въ потребностяхъ всякаго рода, что все даетъ мнѣ возможность представить вѣрное изображеніе жизни въ Нижне-Колымскѣ, а за исключеніемъ немногихъ

*

мѣстныхъ обстоятельствъ, она одинакова по всѣмъ берегамъ Колымы.

Начнемъ съ весны. Рыбная ловля, какъ я уже замѣтилъ, важнѣйшая отрасль здѣшной промышленности; все существованіе обитателя зависитъ отъ нея. Но, мы увидимъ въ послѣдствіи, что Нижне-Колымскій острогъ стоитъ на самомъ невыгодномъ мѣстѣ для рыбнаго промысла, и потому жители должны отправляться въ другія мѣста за пищею. Лишь только наступитъ весна, они оставляютъ жилища, и вдоль береговъ рѣки отыскиваютъ мѣсто, гдѣ, съ большою поспѣшностью, устроятъ балаганъ и готовятъ все необходимое для рыбной ловли. Многіе изъ Нижне-Колымскихъ мѣщанъ имѣютъ въ окрестностяхъ при устьяхъ рѣчекъ (виски) маленькія дачи, куда разъезжаются еще въ Апрѣль, чтобы все заблаговременно устроить, и въ половинѣ Мая, когда купцы, возвратясь съ ярмарки, бывающей въ Островной, на Маломъ Аниоѣ, собираются обратно въ Якутскъ, всѣ мѣстные жители спѣшатъ на свои лѣтовья, и въ острогъ остаются только казацкій сотникъ, съ двумя караульными въ канцеляріи, священникъ съ причтомъ, и нѣсколько голодныхъ семействъ, которыя не въ состояніи слѣдовать на общій промыселъ.

На Колымѣ весна самое тяжелое для жителей время года: съѣстные припасы, заготовленные лѣтомъ и осенью, всѣ исходятъ въ продолженіе зимы; рыба, укрывшаяся отъ жестокой стужи на днѣ рѣкъ и озеръ, не показывается еще

въ водѣ; собаки, изнуренныя зимнею работою и недостаткомъ корма, не могутъ уже болѣе служить для того, чтобы пользуясь послѣднимъ весеннимъ благодѣяніемъ природы, такъ называемымъ *настомомъ* *, гнаться на нихъ за оленями и сохатыми; куропатки, наловленныя кой гдѣ силками, доставляютъ весьма незначительное пособіе; однимъ словомъ—угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ. Въ то время Тунгусы и Юкагиры толпами переходятъ съ тундры и съ Аноя въ Русскія селенія на Колымѣ, искать спасенія отъ голодной смерти. Блѣдные, безсильные бродятъ они, какъ тѣни, и бросаются съ жадностью на трупы убитыхъ или павшихъ оленей, кости, шкуру, ремни, на все, что только можетъ сколько нибудь служить къ утоленію мучительной потребности въ пищу. Но и здѣсь видятъ они мало отрады: и здѣсь свирѣпствуетъ голодъ, такъ, что самыя жители принуждены довольствоваться скудными остатками отъ заготовленнаго собакамъ корма. Многія собаки падаютъ истощенныя голодомъ.

* Когда отъ теплоты весеннихъ лучей солнца тающій на поверхности снѣгъ опять замерзаетъ ночью, то образуется тонкая ледяная кора, которая столь тверда, что можетъ поддерживать легкую нарту, запряженную собаками. Она называется *настомомъ*, и способствуетъ преслѣдованію оленей и сохатыхъ, которые по тяжести своей проламывались сквозь ледъ, попадаютъ въ руки охотника. Прочность наста зависитъ отъ того, болѣе или менѣе открыто мѣстоположеніе, и подъ низомъ твердый или рыхлый снѣгъ. Впрочемъ, настъ образуется не каждый годъ; во все пребываніе наше мы не видали его въ окрестностяхъ Нижне-Колымска.

Хотя изъ казеннаго запаснаго магазина можно покупать затхлую ржаную муку, и брать даже въ долгъ до осени или зимы, но немногіе въ состояніи платить по 20 рубл. за пудъ. Такъ дорого продается мука отъ того, что провозъ ея изъ дальнихъ мѣстъ сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ и нерѣдко продолжается около двухъ лѣтъ. Въ бытность нашу въ Средне-Колымскѣ, тамошнему Коммисару надлежало сдѣлать смѣту: какое количество муки нужно для обезпеченія народа на все время весенняго голода? Онъ потребовалъ о томъ свѣдѣнія отъ казацкаго сотника, подъ особеннымъ надзоромъ котораго находятся Тунгусы и Юкагиры, и получилъ въ отвѣтъ: «Не могу сказать опредѣлительно, но увѣрю васъ, что многіе согласятся лучше умереть съ голода, нежели платить по два рубля за каждый день горестной жизни.»

Три такія ужасныя весны прожилъ я здѣсь, и теперь еще съ содроганіемъ представляю себѣ плачевную картину голода и нищеты, которой, хотя былъ свидѣтелемъ, описать не въ силахъ.

Но когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени, Провидѣніе посылаетъ обыкновенно и помощь: внезапно прилетаютъ изъ южныхъ странъ большія стада лебедей, гусей, утокъ, куликовъ и другихъ птицъ. Они предвѣщаютъ конецъ всеобщему бѣдствію. Старый и малый, мужчины и женщины, кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье или лукъ, всѣ спѣшатъ убивать изъ пер-

натыхъ гостей что могутъ. Въ разставленныя подь льдомъ сѣти уже попадаетъ и рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходить. Но все еще нѣтъ изобилія въ пищу; кажется, будто природа, подобно искусному врачу, съ умѣренностью подкрѣпляетъ истощенныхъ. Наконецъ, въ Юнѣ вскрывается рѣка, приплываетъ множество рыбы, и всякій спѣшитъ запасаться на будущій годъ. Но въ то время случается иногда новое бѣдствіе: рѣка не въ состояніи довольно скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, которыя, спираясь въ узкихъ мѣстахъ, образуютъ родъ плотинъ и останавливаютъ теченіе воды; она выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ луга и селенія. Если жители не успѣютъ отогнать лошадей своихъ на высокое мѣсто, то лишаются ихъ невозвратно. Лѣтомъ 1822 года было при насъ наводненіе въ Нижне-Колымскѣ, распространившееся столь внезапно, что мы едва имѣли время, съ нѣкоторыми вещами, взобраться на плоскія крыши, и должны были просидѣть тамъ болѣе недѣли. Вода быстро неслась между домами; къ сѣверу лежащее озеро соединилось съ рѣкою, и весь острогъ походилъ на архипелагъ маленькихъ острововъ, потому, что однѣ только кровли не были покрыты водою. Жители переѣзжали другъ къ другу на карбасахъ и вѣткахъ, и сидя на крышахъ закидывали сѣти и ловили рыбу.

Наводненія бываютъ, въ большей или меньшей степени, но ежегодно. Лишь только вода сбѣ-

жить, начинается ловля неводами. * Весною рыба плыветъ внизъ по теченію рѣки; въ иныхъ мѣстахъ ходъ ея продолжается нѣсколько дней, а въ другихъ, какъ то, близъ Походска и въ Чукотскомъ протокѣ, поплавная рыба ловится цѣлое лѣто, но только количество ея постепенно уменьшается. Преимущественно попадаются стерляди, нельма, муксуны, и такъ называемые чирь. Вся рыба обыкновенно бываетъ очень тоща, и потому большею частію готовятъ ее для корма собакамъ, въ видѣ *юхоль*, т. е. распластываютъ, потрошатъ и сушатъ на воздухѣ. Изъ внутренности вывариваютъ жиръ, который употребляется въ пищу и на освѣщеніе избъ въ зимнія ночи.

Свѣжіе морскіе вѣтры, приводящіе рѣку въ

* Къ востоку отъ Лены Колыма особенно изобилуетъ рыбою, почему берега ея населены болѣе, нежели берега Яны, Индигирки и Алазеи. Дабы имѣть нѣкоторое понятіе о чрезвычайномъ расходѣ рыбы, составляющей главнѣйшую пищу здѣшнихъ жителей и собакъ ихъ, надобно знать, что на годовое содержаніе ста семей, живущихъ въ окрестностяхъ Нижне-Колымска, потребно не менѣе трехъ милліоновъ сельдей. Но какъ и въ хорошій годъ Колыма даетъ около милліона сельдей, то остальное количество замѣняется другою рыбою, которой нужно, по крайней мѣрѣ, до 200,000 штукъ. Впрочемъ, по числу наловленной рыбы нельзя дѣлать вѣрнаго заключенія объ изобиліи ея въ рѣкѣ, ибо успѣхъ промысла много зависитъ отъ обстоятельствъ. За нѣсколько лѣтъ до прибытія нашего на Колыму, случилось, что въ началѣ обыкновеннаго осенняго хода муксуновъ устье Омолона замерзло, такъ, что прибрежные жители могли перегородить рѣку поперегъ мережами и наловили въ три дня 80,000 крупныхъ муксуновъ, чего въ обыкновенные годы не доставитъ промыселъ цѣлаго лѣта.

сильное волненіе, часто препятствуютъ закидыванью неводовъ, именно въ то время, когда ходъ рыбы бываетъ обильнѣе. Къ тому присоединяется несовершенство здѣшнихъ неводовъ, дѣлаемыхъ изъ конскихъ волосовъ, и то, что жители не умѣютъ, или боятся кидать невода посрединѣ рѣки, гдѣ рыба всегда крупнѣе и въ большемъ количествѣ. Они ограничиваются ловомъ въ вискахъ и побочныхъ рѣчкахъ Колымы, которая, какъ выше сказано, весною сильно разливается и нагоняетъ множество рыбы въ маленькія рѣчки и соединяющіяся съ ними озера, откуда она, когда главная рѣка возвратится въ берега свои, идетъ на прежнее мѣсто и ловится мережами, или *мордами*, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ. Сей промыселъ съ большою дѣятельностью начинается тогда, какъ кончится весенній ловъ неводами, или *неводьба*, по названію Сибиряковъ. Всѣ жители, или хоть по одному изъ каждой семьи, перебираются на виски. При ловѣ неводами наблюдается очередь въ закидываньи ихъ, и добытая каждый разъ рыба принадлежитъ хозяину невода; на вискахъ же дѣлятъ рыбу въ каждый *высмотрѣ* * на равные паи, между хозяевами погружаемыхъ мережей.

Последнимъ способомъ ловится всего болѣе жирныхъ *шировъ*, составляющихъ любимую пищу жителей, такъ называемую, *пдомную юколу*. Она отличается отъ вышеупомянутой *юхолы* выборомъ лучшей рыбы и большимъ стараніемъ въ

* Такъ называется смотрѣ мережи, погруженной въ виску.

приготовленіи. Распластавъ рыбу на двое, вынимаютъ изъ нея всѣ кости, мѣлко надрѣзываютъ мясо, чтобы оно сдѣлалось мягче, и сушатъ на воздухѣ. Иногда коптятъ и въ дыму, для предохраненія отъ порчи. * Верхняя часть мяса обыкновенно сръзывается, сушится особо, толчется въ деревянной ступкѣ, и съ небольшою примѣсью жира сберегается на зиму въ флягахъ. Такимъ же образомъ отдѣляются потроха, составляющіе самыя жирныя части рыбы, сушатся и употребляются для лакомой начинки пироговъ, которые пекутся не изъ тѣста, а изъ толченыхъ мягкихъ частей свѣжей рыбы.

Когда височный промыселъ приходитъ къ концу, появляется опять въ рѣкѣ большая морская рыба, нельмы и стерляди, которыхъ ловятъ неводами и сѣтями.

Въ продолженіе рыбныхъ промысловъ прилетаютъ къ морскому берегу лебеди, гуси и утки, линяютъ здѣсь, выютъ гнѣзда и высидиваютъ птенцовъ. Тогда нѣкоторые изъ промышленниковъ отправляются вынимать яицы изъ гнѣздъ; настоящая ловля начинается въ то время, когда птицы, лишенные перьевъ, не могутъ летать. Тутъ охотники собираются во множествѣ къ гнѣздамъ, пугаютъ птицъ соба-

* Лучшая юкола готовится въ Походскѣ и Маломъ Чукотьемъ, гдѣ воздухъ холоднѣе и рыба теряетъ меньше жиру. Тамошній отличный родъ юколы называется *халта*. Юкола, такъ же какъ и юхола, продается связками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ 50 штукъ крупной и 100 мѣлкой рыбы.

ками и загоняють въ озера, гдѣ на вѣткахъ бьютъ ихъ, чѣмъ попало, изъ ружей, стрѣлами, даже палками. Часть добычи коптится, а остальная замораживается и зарывается въ снѣгъ, для употребленія зимою. Впрочемъ, сей промыселъ съ нѣкотораго времени весьма оскудѣлъ; лѣтъ за 20-ть охотники приносили домой въ иные дни по нѣскольку тысячъ гусей, а нынѣ при устьѣ Колымы почитаютъ за счастье, если удастся во все лѣто убить до 1000 гусей, до 5000 утокъ и сотни двѣ лебедей *, что происходитъ не отъ уменьшенія птицъ, иногда въ чрезвычайномъ множествѣ разсѣянныхъ по горамъ, тундрамъ и протокамъ, но отъ того, что жители заняты болѣе рыбными промыслами, требующими меньшихъ трудовъ и приносящими вѣрнѣйшую прибыль, и не успѣваютъ на ловлю птицъ.

Кромѣ рыбы и птицы, добрые хозяева запасаются также оленьимъ мясомъ. Для того иные плывутъ на карбасахъ по Анию, къ лѣтней плавии оленей, а другіе отправляются на лошадяхъ въ тундру, къ большимъ озерамъ, загоняють оленей приученными собаками въ воду и убиваютъ *покоюгою*. ** Промыселъ гораздо прибыльнѣе на

** Кажется, что перелетныя птицы никогда не вьютъ гнѣздъ два года сряду въ одномъ мѣстѣ, но довольно правильно перемѣняютъ свое пребываніе. Звѣриная ловля подвергается также нѣкоторой правильной перемѣнѣ; здѣсь вообще полагаютъ, что песцы появляются во множествѣ только на третій годъ; соболи и зайцы часто совсмѣь исчезаютъ.

* Большой ножъ, насаженный на длинную рукоятку.

Анюв, нежели въ тундрѣ; ловкій охотникъ убьетъ на рѣкѣ, въ хорошій годъ, до 100 оленей, а въ тундрѣ достанется каждому охотнику не болѣе 20, и даже иногда только по 5-ти оленей, но за то здѣсь они рослѣе и жирнѣе. *

Между тѣмъ, пока мужчины занимаются рыбными промыслами и охотою, женщины также пользуются короткимъ лѣтомъ, собирая на зиму произведенія растительнаго царства. Выше сказано уже, что частію растаявшая почва, особенно на горахъ, производитъ ягоды, душистыя травы и коренья. Женщины знаютъ ихъ совершенно, и набираютъ столько, сколько дозволяетъ болѣе или менѣе благопріятное лѣто. Однакожъ не вездѣ каждый годъ есть ягоды; въ трехъ-лѣтнее пребываніе наше на Колымѣ не нашли мы ни одной ниже острога. Изобильнѣе растутъ ягоды, особенно голубица, на восточномъ берегу Колымы и на отлогости Пантелеевской сопки, куда ходятъ собирать ихъ въ половинѣ Августа—самое пріятное время года для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ: онѣ отправляются туда большими обществами, проводятъ часто цѣлыя ночи подъ открытымъ небомъ, поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся различнымъ образомъ. Набранныя ягоды обливаютъ водою, замораживаютъ и сохраняютъ на зиму, какъ любимое лакомство.

Изъ растений и кореньевъ полезны только *тимь-*

* Сей замѣчательный промыселъ обстоятельно описанъ ниже, въ журналѣ мичмана Матюшкина, который имѣлъ случай дѣлать надъ нимъ точныя наблюденія.

янь и макарша; первый употребляется преимущественно для куренья, а иногда и въ пищу. Макарша мучноватый корень, который кладутъ для приправы въ пироги съ рыбою и мясомъ, или подаютъ отдѣльно, вмѣсто десерта, передъ вечернимъ чаемъ; его находятъ въ подземныхъ норахъ полевыхъ мышей, собирающихъ на зиму большой запасъ всякихъ кореньевъ. Женщины имѣютъ особенный даръ отыскивать такія убъжища и уносить у бѣдныхъ животныхъ плоды предусмотрительной ихъ заботливости.

Наступаетъ Сентябрь, и большой ходъ сельдей * съ моря заманиваетъ почти всѣхъ жителей на тони. Сельдей является такое множество, что въ благопріятные годы вытаскиваютъ въ одну тону 3000 и болѣе, и въ три или четыре дня хорошимъ неведомъ добываютъ до 40,000. Нерѣдко случается, что послѣ трехъ-мѣсячной неудачной ловли другой рыбы, бѣднымъ жителямъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодь, но вдругъ показываются въ рѣкахъ благодѣтельные сельди и цѣлые анбары наполняются ими. До наступленія морозовъ, наловленные сельди развѣшиваютъ, чтобы вытекла изъ нихъ вода; отъ того онѣ дѣлаются легче въ дорогѣ и пригоднѣе для кор-

* Надобно замѣтить, что отъ Погромваго до Нижне-Колымска, на разстояніи 3-хъ верствъ, ходъ сельдей продолжается три дня. Самыя крупныя ловятся въ Колымѣ, помельче въ Алазеѣ, а еще мельче въ Индигиркѣ и Янѣ. По тому, кажется, можно заключить, что они имѣютъ направленіе отъ запада на востокъ.

ма собакамъ. Сельди, добываемыя во время морозовъ, покрываются льдомъ, безвкусны, и на морозъ собаки ихъ съ трудомъ раскусываютъ.

Къ тому времени, когда идутъ сельди, возвращаются съ Анюя и тундры промышленники, отправлявшіеся на ловлю оленей, а вмѣстѣ съ ними возвращается и новая жизнь въ страну, которая незадолго предъ тѣмъ была пуста и безлюдна. Съ робостью ожидаютъ извѣстія: чего должно надѣяться или страшиться для предстоящей зимы? Удачный промыселъ производитъ всеобщую радость, и долгое время составляетъ единственный предметъ разговоровъ, причемъ самыя незначительныя обстоятельства, каждое движеніе оленя, ловкость охотника, смысленность собаки, и т. д., рассказываются съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разбитіи неприятельской арміи.

Съ наступленіемъ морозовъ прекращается лѣтній промыселъ рыбы, и лишь только рѣки замерзнутъ, начинается осенній. Сѣти, сдѣланныя изъ конскихъ волосовъ, погружаются въ проруби поперегъ рѣки. Тогда ловятся преимущественно муксуны, омули (*salmo autumnalis*) и нельма (*salmo nelma*), пригоняемые вѣтрами съ моря, близость коего въ особенности благопріятствуетъ сему промыслу. По Каменной Колымѣ, около *Шалаурова зимовья*, *Кабачкова* и *Сухарнаго*, и по Средней Колымѣ, у *Каменнаго острова*, ловля продолжается, съ переменнымъ успѣхомъ, до Декабря, когда темнота и сильные морозы застав-

ляютъ рыбаковъ прекращать работу и возвращаться въ селенія.

Такимъ образомъ, съ каждымъ временемъ года переменяются занятія Колымскихъ жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не дозволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромъ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смышленность, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благопріятнаго времени для каждаго промысла, и когда изсякнетъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. Какъ мы видѣли, за промысломъ рыбы въ большихъ рѣчкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди, и наконецъ рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ.

Для птицъ также есть различные періоды: сначала линяютъ утки, потомъ гуси, наконецъ лебеди. Сверхъ того раздѣляются онѣ здѣсь, по времени линянья, на два класса: *дѣтѣнниковъ* и *холостѣбу*. Первыми называются птенцы, которые не оставляютъ еще своихъ матокъ, и ловятся, или убиваются, вмѣстѣ съ ними; вторыя уже суть подростія молодья птицы, которыя линяютъ позже старыхъ и ловятся послѣ нихъ.

Единственно такое благодѣтельное устройство природы даетъ жителямъ способы, запастись на долгую зиму необходимыми потребностями для себя и для полезнѣйшаго домашняго скота, собакъ, избавляясь отъ всегдашняго недостатка

въ пищу, ибо при бѣдности и малочисленности семействъ было бы невозможно имъ успѣвать во всѣхъ промыслахъ, еслибы надлежало ихъ производить въ одно и то же время. Но завсѣмъ тѣмъ приготовленіе запасовъ имъ крайне тягостно, ибо, кромѣ рыбной ловли и охоты, въ чемъ заключаются почти единственные источники ихъ пропитанія, есть еще много другихъ, не менѣе нужныхъ занятій. Кто имѣетъ лошадей, * долженъ накосить для нихъ сѣна; инымъ надобно исправить избу, или построить новую; поставить въ лѣсу и насторожить *пасти* **

* Почти у каждаго исправнаго хозяина есть одна, двѣ и даже болѣе лошадей, которыя не употребляютъ зимою, а ходятъ на свободѣ и вырываютъ копытами изъ-подъ снѣга не совсѣмъ еще поблекшую траву и корни.

** *Пасть* устроивается изъ бревна, положеннаго наклонно, и находящагося подъ нимъ продолговатаго ящика, въ который кладутъ приманку. Лишь только звѣрь дотронется до приманки, бревно падаетъ на него и задерживаетъ его въ ящикѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ промышленникъ. Мѣста, гдѣ разставлены ловушки, называются *пастниками*: а *насторожить* пасть значитъ положить наживу, или приманку, и вообще изготовить пасть для поимки звѣря. Рускіе, живущіе въ Нижне-Колымскѣ и въ окрестностяхъ его, имѣютъ болѣе 7500 подобныхъ пастей, какъ по берегу рѣки, такъ и на восточной и западной тундрахъ. По восточному берегу Колымы, въ долинахъ рѣкъ Филиповой, Пантелеевой, и другихъ каменныхъ рѣчекъ, ловятся лисицы и соболи, а по западной тундрѣ песцы. Россомахи рѣдко попадаютъ; онѣ такъ сильны, что ломаютъ пасти. Заботливый промышленникъ объезжаетъ свои пасти зимою разъ десять по другіе гораздо рѣже, отъ чего, можетъ быть, половина добычи пропадаетъ. При каждомъ высмотрѣ считаютъ по одному звѣрю на десять пастей. Весьма вредное вліяніе на размноженіе звѣрей, особенно песцовъ, производятъ принятой между Юкагирами, Тунгусами, и вообще въ Сибири обычай вырывать порни-ковъ еще слѣпыми.

(ловушки) для пушных звѣрей. На последнюю работу отправляются обыкновенно верхомъ, по мерзлой землѣ передъ первымъ снѣгомъ, и потомъ, когда выпадетъ снѣгъ, на собакахъ. Въ то время оленя переходить съ восточнаго берега рѣки на западный и жители ловятъ ихъ различнымъ образомъ: ставятъ ременные петли въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ звѣрь, или устраиваютъ заборы, въ которыхъ нарочно оставляютъ отверстія. Другіе ѣздятъ партіями, на нартахъ, къ Барановымъ Камнямъ за сохатыми и дикими баранами, или по свѣжему снѣгу, съ приученными собаками, ловятъ лисицъ, соболей и бѣлокъ. Последний родъ промысла принадлежитъ въ особенности Анюйскимъ и Омолонскимъ Юкагирамъ и Средне или Верхне-Колымскимъ Якутамъ, живущимъ въ горахъ и лѣсахъ.

На тундрѣ, по морскому берегу, ставятъ длинными рядами пасти для песцовъ, которые хотя гораздо дешевле прочихъ пушных звѣрей, зато ловятся въ большемъ количествѣ. Выше упомянуто уже, что черезъ каждые три года бываетъ на тундрѣ множество песцовъ, но по изобилію тамъ мышей, они питаются ими и нейдутъ въ пасть за приманкою, которая состоитъ изъ маленькаго живаго звѣрка, или куска мяса, напитааннаго ядомъ. Настораживаніе пасти требуетъ особенной смѣтливости, и нѣкоторые изъ жителей славятся искусствомъ обманывать звѣрей. Въ наше время казацкій сотникъ Солдатовъ почитался первымъ промышленникомъ мѣлкой пака-

сти*, особливо лисицъ. Честь его страдала, если не удавалось ему обмануть лисицы, или окормить ее ядомъ. Еще въ большемъ уваженіи здѣсь промышленникъ, который не боится ни сохатаго, ни медвѣдя. Изобрѣтательность въ случаѣ битвы, и мужество, съ какимъ преодолевается противникъ, заслуживаютъ общее вниманія. Вотъ нѣкоторые примѣры: отецъ съ сыномъ отправились верхомъ на лисью охоту; не имѣя удачи, они были бы принуждены возвратиться съ пустыми руками, еслибы, случайно, не набрали на медвѣдя, лежащаго въ берлогѣ. Хотя у нихъ не было оружія, необходимаго для борьбы съ такимъ звѣремъ, но они рѣшились сдѣлать нападеніе. Отецъ прижался спиною къ одному выходу берлоги и закрылъ его совершенно своими широкими плечами, а сынъ, вооруженный только поколюгою, началъ колоть медвѣдя черезъ другое отверстіе. Медвѣдь, чувствуя боль, напрасно искалъ спасенія въ противоположной сторонѣ; ни когтями, ни зубами не могъ онъ прохватить толстой, гладко натянутой шубы широкоплечаго Юкагира, который защищалъ свой постъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ удалось сыну заколотъ звѣря. Нерѣдко однакожь за подобную самонадѣянность дорого платитъ промышленникъ. Одному Юкагиру, плывшему на вѣткѣ по рѣкѣ, и имѣвшему при себѣ только поколюгу,

* *Пакастью* называютъ здѣсь вообще всѣхъ звѣрей, промышленныхъ въ ловушки наживами. Подъ именемъ *звѣря* собственно разумѣется одинъ сохатый (Сибирскій лось), а иногда изъ уваженія къ сердитому медвѣдю величаютъ и его *чернымъ звѣремъ*.

случилось увидѣть на берегу большого черного медвѣдя, который былъ занятъ выкапываніемъ кореньевъ, или мышьихъ гнѣздъ, такъ, что промышленникъ надѣялся подкрасться къ нему незамѣтно и воткнуть въ него свой ножъ. Дѣйствительно, ему удалось подойти близко къ медвѣдю и обхватить лѣвою рукою заднюю его ногу; но прежде, нежели онъ могъ воспользоваться своимъ ножомъ, звѣрь, испугавшись неожиданнаго нападенія, пустился бѣжать на гору и поволокъ за собою несчастнаго Юкагира по кочкамъ и пнямъ, такъ, что онъ, измученный и разбитый, долженъ былъ наконецъ оставить неутомнаго плѣнника. Подобной участи подвергся одинъ Рускій, который плылъ черезъ Колыму на карбасѣ и увидѣлъ сохатаго по срединѣ рѣки. Разсчитывая, что карбасъ не подыметъ огромнаго звѣря, еслибы и удалось заколоть его въ водѣ, промышленникъ вздумалъ накинуть его веревкою, привязать за рога къ лодкѣ и прибуксировать къ берегу. Хитрецъ уже радовался своей счастливой выдумкѣ и вѣрной добычѣ, но сохатый, доставши длинными ногами дно рѣки, вдругъ помчалъ привязанный къ рогамъ его карбасъ на берегъ, въ лѣсъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ, который, забывъ о лакомое жаркое и славу победы, почиталъ себя счастливымъ, когда успѣлъ выкарабкаться изъ безпокойнаго своего экипажа.

Между всеми домашними животными здѣшняго края, во всякомъ отношеніи первое мѣсто за-

нимаетъ собака. Животное, какъ будто самую природою предназначенное быть сотоварищемъ человека, охранять его, слѣдовать за нимъ на охоту, могущее, подобно ему, переносить всякій климатъ, питающееся на островахъ Южнаго моря бананами и травами, а на Ледовитомъ морѣ рыбою, и вездѣ приносящее пользу, пріучается здѣсь къ тому, что въ другихъ странахъ вовсе ему несвойственно.

Крайность заставила обитателей сѣвера употреблять собаку, по видимому, въ сравненіи съ другими животными, твореніе слабое, вмѣсто рабочаго скота. Всѣ народы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, отъ Оби до Берингова пролива, въ Гренландіи, въ Камчаткѣ, запрягаютъ зимою собакъ въ сани, совершаютъ на нихъ дальнія путешествія и перевозятъ значительныя тяжести.

Здѣшнія собаки весьма похожи на волка; морда у нихъ длинная, острая, уши острые, стоячія, хвостъ длинный, и мохнатый; у иныхъ шерсть гладкая, у другихъ мохнатая, черная, бѣлая, рыжая, пѣгая, и т. д. Величина ихъ также различна, однакожь хорошая нартенная собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и некороче аршина пяти вершковъ. Лай ихъ походитъ болѣе на волчій вой. Круглый годъ проводятъ онѣ на открытомъ воздухѣ; лѣтомъ вырываютъ себѣ ямы въ землѣ, для прохлады, или цѣлый день лежатъ въ водѣ, избавляясь отъ комаровъ, а зимою ищутъ убѣжища подъ снѣгомъ, и свернувшись въ глубокихъ снѣговыхъ

ямкахъ, прикрываютъ морду своимъ мохнатымъ хвостомъ. Каждый хозяинъ держитъ у себя, кроме назначенныхъ въ упряжку собакъ, только одного кобеля и одну или двухъ сукъ, для приплода. Изъ щенятъ вскармливаютъ большею частию кобелей, а сукъ почти всѣхъ бросаютъ въ воду. Выкармливаніе и обученіе собакъ для ѣзды составляютъ главнѣйшее занятіе рѣчнаго жителя. Щенята, родившіеся зимою, приучаются слѣдующею осенью къ упряжкѣ, но не ранѣе третьяго года употребляются въ дальнія поѣздки. Самыхъ проворныхъ и смысленыхъ собакъ впрягаютъ впереди. Скорый и правильный бѣгъ всего цуга, состоящаго обыкновенно изъ 12-ти собакъ, а иногда и самая безопасность ѣздока, зависятъ отъ проворства и послушанія передовыхъ собакъ. Поэтому необходимо приучить ихъ слушаться одного слова хозяина и не бросаться на звѣриный слѣдъ, что составляетъ самую трудную часть въ обученіи собакъ и очень рѣдко удается. Обыкновенно вся упряжка съ визгомъ бросается на слѣдъ звѣря, и никакая сила, кромѣ естественнаго препятствія, не въ состояніи удержать ея. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно важно имѣть хорошую передовую собаку. Нѣсколько разъ имѣли мы случай удивляться искусству, и обдуманной, такъ сказать, хитрости, съ какими передовая мало по малу отвлекала прочихъ собакъ отъ звѣринаго слѣда, или, если ей не удавалось, съ лаемъ бросалась въ противоположную сторону, какъ будто увидя тамъ другаго звѣ-

ря. Въ развѣздахъ по обширнымъ тундрамъ, въ темныя туманныя ночи, или сильныя метели, когда путешественникъ, ни зги, не видя передъ собою, тщетно ищетъ поварни, и находится въ ежеминутной опасности замерзнуть, или быть занесену снѣгомъ, обученная передовая собака нерѣдко спасаетъ его отъ гибели. Можно быть увѣреннымъ, что среди необозримой, снѣгомъ занесенной пустыни, собака всегда найдетъ поварню, въ которой хоть однажды бывала, и тогда путешественнику остается только лопаткой (необходимую принадлежностью зимнихъ поѣздокъ) отрыть себѣ входъ въ найденный такимъ образомъ ночлеги.

Львомъ собаки также полезны, и обыкновенно употребляются для тяги лодокъ противъ теченія. Замѣчательно, какъ при сей работѣ, если на дорогѣ встрѣтится какое нибудь препятствіе, или перемѣнится бичевникъ, собаки по одному слову хозяина переплывають на другой берегъ и становятся снова въ порядокъ. Даже по сухому пути, онѣ перетаскивають иногда, за неимѣніемъ лошадей, лодки (вѣтки), при птичьей ловлѣ употребляемая. Словомъ, для осѣдлыхъ жителей здѣшнихъ странъ, собаки такъ же полезны и необходимы, какъ олени для кочующихъ.* Вотъ

* Предлагали запретить рѣчнымъ жителямъ держать собакъ, на томъ основаніи, что большая часть пойманной рыбы (на одну упряжку, въ 12 собакъ, надобно ежедневно отъ 50 до 70 сельдей) назначается для ихъ корма, и такимъ образомъ отнимается у жителей терпящихъ голодъ, но сія мѣра, вмѣсто облегченія туземцовъ, отняла бы у нихъ все средства пропитанія. Болѣзни и

доказательство ихъ необходимости: въ 1821 году, сильное повѣтріе истребило большую часть собакъ на берегахъ Индигирки, такъ, что у одного Юкагирскаго семейства, изъ 20 собакъ, осталось только два щенка, и тѣ слѣпые, которые также должны бы погибнуть, еслибы хозяйка юрты не рѣшилась вскормить ихъ своею грудью, наравнѣ съ собственнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ два щенка сдѣлались въ послѣдствіи родоначальниками многочисленнаго поколѣнія. Въ 1822 году, большая часть Колымскихъ жителей потеряли отъ повѣтрія своихъ собакъ и были тѣмъ приведены въ самое бѣдственное положеніе. Они принуждены были таскать на себѣ дрова, а также собранную въ разныхъ мѣстахъ добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, такъ, что время, удобное для птичьей и звѣриной ловли было пропущено. Всеобщій ужасный голодь сдѣлался отъ того слѣдствіемъ недостатка собакъ, которыхъ, по краткости лѣта и недостатку травянаго корма, замѣнить лошадьми невозможно.

Получивъ понятіе о вѣднѣй жизни и дѣйствіяхъ сѣвернаго Сибиряка, послѣдуемъ за нимъ въ хижину, куда съ конца лѣта удаляется онъ отдыхать въ кругу семейства отъ понесенныхъ трудовъ и по своему наслаждаться жизнью. Прежде всего, стѣны конопатятся мхомъ, обмазываются

морь между собаками въ 1821 и 1823 годахъ достаточно доказали неудобноисполнимость сего предложенія, которое потому и было отвергнуто.

глиною, самый домъ до оконъ обсыпается землею, чуваль исправляется, и т. д. Обыкновенно въ Декабрь, по окончаніи всѣхъ работъ, длинныя полярныя ночи собираютъ всѣхъ членовъ семейства вокругъ очага, гдѣ трескучее пламя замѣняетъ имъ лучи солнца, надолго скрывшагося за горизонтъ. Огонь чувала и нѣсколькихъ жирниковъ тускло свѣтится сквозь ледяныя окна, а изъ трубъ поднимаются высокіе столбы дыма и яркія искры рассыпаются надъ кровлями. Собаки, свернувшись, ложатся на снѣгу вокругъ домовъ, и только по временамъ прерываютъ всеобщую тишину ужаснымъ воемъ, обыкновенно четыре раза въ день, но при лунномъ свѣтѣ и чаще. Замѣчательно, что не смотря на множество собакъ въ Нижне-Колымскѣ (при насъ было ихъ до 400), вой ихъ чрезвычайно разнообразенъ, такъ, что въ стройномъ, хоть и неслишкомъ гармоническомъ хорѣ, можно ясно различать высокіе, средніе и низкіе голоса.

Маленькая дверь, обитая мохнатою шкурою бѣлаго медвѣдя, или оленя, ведетъ въ горницу. Хозяинъ дома, съ сыновьями, исправляетъ сѣть изъ лошадиныхъ волосовъ, или приготовляетъ луки, стрѣлы и копыя. Женщины, на лавкахъ и на полу, выдѣлываютъ шкуры звѣрей, добытыхъ на охотѣ мужьями, либо оленьими жилами, вмѣсто нитокъ, шьютъ и чинятъ одежду. Надъ очагомъ, въ желѣзномъ котлѣ, варится рыба на кормъ собакамъ. Далѣе готовится для семейства скромный

обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ вареной, или завареной въ рыбьемъ жирѣ рыбы, либо оленины. Какъ лакомство, подаютъ алады изъ красной икры, или пироги, испеченные, вмѣсто муки, изъ толченаго муксуна, и начиненные искрошенными рыбьими брюшками, олениною, толченою макаршею. Пріѣзжаго угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго въ домъ: сначала является *струганина* (тонкими пластинками наръзанная рыба, мерзлая, и ее ѣдятъ сырую, прежде нежели она растаетъ), потомъ юкола, копченые оленины языки, топленый олений жиръ, сырой мозгъ изъ оленьихъ костей, замороженное Якутское масло, мороженая морощка, словомъ — всѣ драгоценнѣйшія лакомства. Столъ, въ переднемъ углу горницы, покрывается, вмѣсто скатерти, кускомъ сѣти, а вмѣсто салфетокъ подаются тонкія стружки дерева, впрочемъ, послѣднее есть уже признакъ роскоши. Соль является рѣдко, и то развѣ для гостя, потому, что туземцы не только ее не употребляютъ, но чувствуютъ отъ нея даже отвращеніе. Въ домахъ зажиточныхъ жителей Нижне и Средне-Колымска, тотчасъ по пріѣздѣ, угощаютъ гостя чаемъ съ Китайскимъ леденцомъ и—съ юколою, вмѣсто сухарей. Хлѣбъ вообще рѣдко подается. Изъ муки, которая здѣсь очень дорога, готовятъ особаго рода питье, называемое *затуранъ*; муку зажариваютъ въ маслѣ, или въ рыбьемъ жирѣ, потомъ разводятъ горячею водою и пьютъ, какъ чай, въ чашкахъ; такое питье съ хорошимъ масломъ приготовленное, очень полезно въ путешествіи,

иметь пріятный вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сытно и очень согрѣваетъ.

Къ ежедневнымъ занятіямъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежитъ черпанье воды изъ проруби. Всякая дѣвушка, имѣющая хоть нѣсколько притязаній на красоту или молодость, и непотерявшая еще надежды выдти за мужъ, наряжается около полудня въ свое лучшее платье и спѣшитъ съ ведрами на рѣку, къ проруби. Тамъ собираются всѣ ея подружки, рассказываютъ, слушаютъ новости, уговариваются, какъ провести день, у кого будетъ вечеринка; словомъ, какъ въ Германіи колодцы, такъ здѣсь проруби служатъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ дѣвушекъ. Нерѣдко являютъся между ними молодые парни и усердно помогаютъ красавицамъ черпать воду. Часто подобныя встрѣчи на проруби играютъ не послѣднюю ролю въ сердечныхъ дѣлахъ молодыхъ Колымчанъ.

Святки, Масляница и Святая недѣля приносятъ минутную жизнь въ мѣстечко. Въ большіе праздники, по звуку колокола, всѣ жители, какъ нельзя лучше разряженные, собираются въ церковь. Послѣ службы священникъ, съ крестомъ, посѣщаетъ всѣ дома. Иногда въ праздники, при свѣтѣ чувала, сосѣди собираются на вечеринки. Женщины садятся на лавкахъ; мужчины толпятся по горницѣ и около очага. Обыкновенно начинаютъ играми и пѣснями, а иногда, не смотря на то, что рѣдко горница бываетъ болѣе 3-хъ сажень длины и ширины, находятъ возможность плясать, или, лучше сказать, только прыгать, не передвига-

ясь съ мѣста. У богатѣйшихъ главнымъ угощеніемъ служить чай и выпивается въ неизвѣрномъ количествѣ: десять, двѣнадцать чашекъ, или стакановъ, порція самая обыкновенная. Самовары здѣсь рѣдки, и обыкновенно чай готовится въ котлѣ. На столикъ, въ правомъ углу комнаты, ставятся другія лакомства: юкола, струганина, масло, а иногда, какъ предметъ роскоши, кедровые орѣхи. Не смотря на дороговизну, водка занимаетъ не послѣднее мѣсто на празднествахъ. *

На Масляницѣ также веселятся, и обыкновенно строить горы, хотя здѣшніе жители и безъ того почти никогда иначе не ѣздятъ, какъ на саняхъ, по снѣгу или льду.

Такъ однообразно, въ бѣдныхъ наслажденіяхъ, проходитъ жизнь обитателей здѣшной ледяной пустыни, къ счастью ихъ не имѣющихъ почти никакого понятія о другихъ удовольствіяхъ жизни. Если удачныя рыбныя ловли и охота предохранять ихъ отъ голода, и чай и водка есть у нихъ въ изобиліи, они довольны—даже въ нѣкоторой степени счастливы.

Жители Нижне-Колымска одарены крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Ростъ ихъ выше средняго, а между дѣвушками попадаются очень хорошенькія лица. Болѣзни очень рѣдки, и мужчины до глубокой старости сохраняютъ всю свою бодрость. Здоровью ихъ много способствуютъ безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, и усилія, требуе-

* Въ самое дешевое время, фунтъ самаго простаго чаю стоитъ 9 рубл., фунтъ сахару $4\frac{1}{2}$ рубл., а штофъ хлѣбнаго вина $13\frac{1}{2}$ рублей.

мыя при частой вѣдѣ на нартахъ и бѣганьи на лыжахъ. Цынга, сколь часто свирѣпствующая въ странахъ, на западъ отсюда лежащихъ, является здѣсь рѣдко, потому что жители, по недостатку соли, сохраняютъ свои рыбные и мясные запасы всегда мерзлыми.

ГЛАВА V.

Нижне-Колымскъ. — Обзаведение наше. — Приготовление экспедиции. — Основательное сомнѣніе объ открытіяхъ сержанта Андреева. — Прібытіе Англійскаго путешественника Кокрена. — Вечеринка. — Прібытіе штурмана Козьмина. — Побѣдка на собакахъ. — Необходимое отступленіе отъ первоначальнаго плана. — Извѣстіе о прібытіи Чукчей съ Малаго Анюя и отъездъ г. Матюшкина въ Островное

Мѣстечко Нижне-Колымскъ основано, по мнѣнію Фишера, въ 1644 году, Якутскимъ казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, который выстроилъ на сѣверномъ рукавѣ рѣки Колымы острогъ, церковь и нѣсколько юртъ. Лѣтъ за шестьдесятъ острогъ еще существовалъ, и по немъ названъ рукавъ рѣки *Староострожскимъ*. Въ послѣдствіи, для удобнѣйшаго перевоза провіанта, перенесли заселеніе на островъ, въ другомъ рукавѣ находящійся. Острогъ лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ $68^{\circ} 31' 53''$ сѣверн. широты и $160^{\circ} 35'$ восточн. долготы отъ Гринвича. Склоненіе магнит-

ной стрѣлки было тогда $9^{\circ} 56'$ О, а наклоненіе $77^{\circ} 32\frac{1}{2}'$. Ширина рѣки здѣсь три версты. Горизонтъ ограниченъ къ югу Анюйскими горами, очевидно соединенными съ такъ называемыми *Бѣлыми Камнями*, *Пантелеевскою сопкою* и *Суровымъ Камнемъ*, который издали имѣетъ видъ кровли. Къ сѣверу и западу взоры теряются въ необозримыхъ тундрахъ, изрѣдка покрытыхъ искривленными лиственницами и мѣлкимъ ивовымъ кустарникомъ. Самый острогъ обведенъ деревяннымъ заборомъ, по угламъ коего выстроены четыре маленькія, остроконечныя башни. Внутри сей ограды находится большое строеніе для канцеляріи, или присутственнаго мѣста, и нѣсколько сараевъ, по большой части пустыхъ. Въ двухъ изъ нихъ берегаются матеріялы и остатки всякаго рода отъ бывшей, въ 1739 году, экспедиціи лейтенанта Лаптева, а также и отъ судовъ *Палласъ* и *Ясашна*, на которыхъ капитаны Сарычевъ и Биллинсъ совершали свои плаванія по Ледовитому морю.* Мѣстечко состоитъ, кромѣ острога, изъ 1 церкви и 42 домовъ и юртъ.

Въ Нижне-Колымскомъ уѣздѣ находятся еще четыре селенія: *Кертова* (6 дворовъ), подъ $68^{\circ} 49' 27''$ сѣверн. широты и $12'$ восточн. долготы; *Походскъ* (15 дворовъ), $69^{\circ} 4' 21''$ с. ш. и $4'$ вост. долг.; *Черноусова* (8 дворовъ), $68^{\circ} 50' 20''$ с. ш.

* Суда сія, столь извѣстныя въ летописяхъ Русскаго флота, стояли прежде въ Нижне-Колымскѣ, но во время одного изъ обыкновенныхъ здѣсь весеннихъ наводненій, они были отнесены на 2 версты отъ рѣки и версты $1\frac{1}{2}$ западнѣ острога, на мѣсто, покрытое лѣсомъ, гдѣ теперъ лежатъ.

и 14' 42" вост. долг.; *Пантелеева* (7 дворовъ), 68° 35' 57" ш. и 40' долг. (долготы считаны отъ нашей обсерваторіи въ Нижне-Колымскъ.) Кромѣ сихъ деревень, находится еще на рѣкѣ Омолонѣ нѣсколько незначительныхъ селеній.

По пріѣздѣ моемъ въ Нижне-Колымскъ отвели мнѣ квартиру въ самомъ большомъ домѣ, стоявшемъ уже нѣсколько лѣтъ пустымъ и слывшемъ убѣжищемъ нечистыхъ духовъ. Изба была выстроена по общему образцу здѣшнихъ строеній, и состояла изъ двухъ комнатъ, каждая въ двѣ квадратныя сажени, и въ 4 арш. вышины отъ полу до крыши, совершенно плоской и покрытой землею. Первая комната, съ Русскою печью, служила кухней; въ ней помѣстилъ я людей моихъ; въ задней, съ чуваломъ, расположился самъ. Въ обѣихъ комнатахъ находилось по одному маленькому окну, задѣланному слоемъ льда, въ 6 или 8 дюймовъ толщины, сквозь который проникалъ тусклый свѣтъ, подобный тому, какой даютъ на судахъ стекла, вдѣланныя въ палубу надъ каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткій столъ, и стулъ, связанный ремнями, составляли всю мою мебель. При всей скудости и тѣснотѣ, и не взирая на дурную репутацію дома, провелъ я въ немъ зиму довольно сносно. Желая лучше предохранить себя отъ холода, приказалъ я выстроить передъ дверьми родъ сѣней, и къ нимъ пристроили еще чуланъ, для сохраненія припасовъ и другихъ вещей.

Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, возвратился

г. Матюшкинъ съ устья Колымы, куда ѣздилъ онъ, вмѣстѣ съ частнымъ Исправникомъ, собирать свѣдѣнія объ успѣхѣ рыбнаго промысла. Намъ пріятно было, за вечернимъ чаемъ, рассказывать о томъ, что мы испытали во время дороги, о новыхъ предметахъ, нами встрѣченныхъ, о партахъ, рыбномъ промыслѣ, оленяхъ и Сибирскихъ морозахъ, въ честь которыхъ оставались мы притомъ въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и шапкахъ: мы находились на берегахъ Ледовитаго моря.

На слѣдующее утро, донесъ мнѣ г-нъ Матюшкинъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. До прибытія его въ Средне-Колымскъ (2-го Октября), тамошнее мѣстное начальство о нуждахъ экспедиціи не озаботилось: не было, ни припасено ни одной рыбы, ни привезено ни одного бревна для постройки обсерваторій, ни приступлено къ приготовленію зимовья у Баранова Камня, долженствовавшего служить приваломъ во время повздокъ экспедиціи, не взирая на подробныя предписанія отъ Якутскаго Областнаго Начальника по симъ предметамъ. Исправникъ увѣрялъ, что ему казалось несбыточнымъ прибытіе экспедиціи изъ С. Петербурга сюда въ нынѣшнемъ году.

Такія неисправности могли имѣть самыя пагубныя послѣдствія для нашихъ дѣйствій, еслибы г. Матюшкинъ, во время краткаго своего здѣсь пребыванія, похвальною своею дѣятельностью не успѣлъ многого поправить; узнавъ по прибытіи своемъ о положеніи дѣлъ, онъ закупилъ и уложилъ тотчасъ половину нужной для экспедиціи

рыбной провизіи, закупивъ ее у жителей Колымска и окрестностей. По распоряженію его и подъ его надзоромъ, не взирая на сильные морозы, отъ которыхъ топоры, какъ стекло, ломались, была выстроена надъ домомъ моимъ башня, съ 4-мя окнами къ четыремъ странамъ свѣта, для астрономическихъ наблюдений; вскорѣ послѣ моего пріѣзда она была окончена, такъ, что мы могли перенести туда инструменты и начать наши занятія.

Устроивъ нѣсколько квартиру свою, я озаботился прежде всего заготовленіемъ остальнаго провіанта и другихъ нужныхъ для экспедиціи потребностей. Для сей цѣли приглашены были на совѣщаніе зажиточные жители Нижне-Колымска и старшины Якутскихъ, Юкагирскихъ и Чуванскихъ селеній, находящихся на рѣкахъ Омолону и Аною. 25-го Ноября всѣ собрались; мы начали съ того, что установили положительную таксу, по которой жители согласились доставить намъ припасы и другія потребности. * Опредѣливъ сіе, приступили мы къ неменѣе важному распределенію подрядовъ по мѣрѣ способовъ участвующихъ и назначили сроки доставленія. Аноуйскіе Юкагиры, имѣвшіе въ прошедшемъ го-

* Цѣны были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: сырой муксунъ 15 коп., чиръ 12 коп., муксунъ юхалы 12 к., муксунъ юкалы 8 к., сельдь 8 к., пудъ сушеной оленины, съ костями, 4 рубля; языкъ оленій 10 к.; за провозъ нарты до Баранова Камня, съ хозяйскимъ кормомъ, 2 рубл. въ день. За нарту во все время поѣздки 3½ рубл. въ день. Вьючная лошадь изъ Средне до Нижне-Колымска 28 р. Выдѣланная оленья шкура 2 р. Березовья полосья для нарты 4 рубля.

ду изобильный олений промыселъ, обязались доставить нужное количество оленьихъ кожъ на походное передвижное жилище, называемое *уро-са*, также и большое количество оленьихъ ребръ для корма собакъ. Омолонскіе Юкагиры должны были снабдить насъ березовымъ лѣсомъ на байдару и всемъ приборомъ, съ полозьями, на походныя нарты. Жители острога и другихъ селеній, по берегамъ Колымы лежащихъ, богатые одною рыбою, дополнили потребное для экспедиціи количество мерзлой рыбы, а сколько недоставало сухаго корма, т. е. юколы и юхалы, привозили изъ Средне и Верхне-Колымска на разстояніе 800 верстъ, ибо лѣтній рыбный промыселъ былъ тамъ изобильнѣе, нежели при устьѣ рѣки. Остался еще для успѣха нашихъ поѣздокъ по льду весьма важный предметъ, т. е. выборъ для нашихъ нартъ потребнаго числа сильныхъ, привыкшихъ къ ѣздѣ собакъ, что поручилъ я казацкому сотнику Антону Татаринovu, бывшему проводникомъ г. Геденштрома и слывшему здѣсь отличнымъ знатокомъ въ искусствѣ водиться съ собаками. Такимъ образомъ сдѣлали мы главныя распоряженія и оставалось только понуждать къ скорѣйшему исполненію ихъ.

Здѣсь встрѣтилъ я однакожь много затрудненій. Жители сомнѣвались въ вѣрной платѣ за доставляемые ими припасы, а мѣстное начальство не имѣло доброй воли быть полезнымъ. Частный Исправникъ, преувеличивая бѣдность обывателей, старался всячески склонить меня къ уменьшенію

моихъ требованій, и пугаль разными несбыточными разсказами о предстоящихъ опасностяхъ. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что здѣшнія собаки слишкомъ слабы и не могутъ выдержать столь дальней повѣдки, а проводники неопытны и ненадежны. Онъ разсказывалъ мнѣ множество примѣровъ коварства Чукчей, описывая ихъ людьми самыми опасными и жестокими. Хотя и видѣлъ я, какъ преувеличены были его разсказы о предстоящихъ опасностяхъ, но не зная на кого положиться, принужденъ былъ, болѣе или менѣе, вѣрить его отзывамъ о состояннн края и обывателей. Снисходя такимъ образомъ не отступнымъ его представленіямъ объ ужасныхъ усиліяхъ и пожертвованіяхъ, которыя раззоренные жители должны дѣлать для экспедиціи, я согласился убавить сдѣланныя по умѣренной смѣтѣ мои требованія, такъ, что въ послѣдствіи мы даже нуждались. Послѣ бывшей въ 1812 году экспедиціи г. Геденштрома рыбный и звѣриный промыслы въ здѣшнемъ краю значительно уменьшились, и, дѣйствительно, бывали *голодовки*, такъ, что Колымчане принуждены были рѣзать собакъ своихъ. Но послѣ того имѣли они время поправиться и положеніе ихъ было вовсе не столь бѣдственно, какъ Исправникъ описывалъ. Въ слѣдующіе два года, знакомясь болѣе съ мѣстностію, распредѣлялъ я поставки такимъ образомъ, что не отягощая жителей, экспедиція ни въ чемъ не нуждалась, даже могу утверждать, что значительный сбытъ произведеній доставилъ жите-

лямъ немалыя выгоды, и пребываніе экспедиціи нашей имѣло выгодное вліяніе на промышленность и благосостояніе ихъ.

Инструкціею Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента предписывалось мнѣ: достигнувъ Шелагскаго мыса, раздѣлить экспедицію на два отряда, изъ коихъ съ однимъ слѣдовать мнѣ на сѣверъ, для отысканія предполагаемой земли, а другому описывать берегъ материка, такъ далеко на востокъ, какъ обстоятельства позволятъ. Для исполненія того и другаго требовалось до 50 нартъ, съ 600 собакъ. Поѣздка должна была начаться не позже Февраля мѣсяца и намъ оставалось для покупки нартъ и значительнаго количества корма собакамъ только около 2-хъ мѣсяцовъ. По словамъ Исправника и по обыкновенному ходу дѣлъ срокъ былъ весьма недостаточенъ, однакожь мы успѣли заготовить все нужное.

Ноября 30-го Исправникъ отправился по дѣламъ службы на Анюю и Алазею, собирать ясакъ съ кочующихъ тамъ Тунгусовъ и Юкагировъ.

Между тѣмъ, готовясь къ предстоящимъ поѣздкамъ, собирали мы у жителей нужныя намъ свѣдѣнія о предметахъ, относящихся къ цѣли экспедиціи. Пребываніе въ Нижне-Колымскѣ, въ 1767 году, трехъ геодезистовъ Лысьева, Пушкарева и Леонтьева, было, болѣе или менѣе, еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; о сержантѣ Андреевѣ, бывшемъ здѣсь въ 1762 году, весьма немногіе помнили, сказывая, что онъ предпринималъ отсюда одно путешествіе на *Индигирку* и другое къ *Ме-*

двѣжымъ островамъ. О видѣнной имъ на сѣверѣ землѣ, слѣдахъ многочисленнаго оленнаго народа сѣвернѣе Медвѣжьихъ острововъ, и тому подобныхъ вещахъ, упоминаемыхъ въ журналѣ Андреева, здѣсь никто не зналъ и отъ старожиловъ и отцовъ своихъ не слыхивалъ. Совершенное невѣдѣніе жителей объ открытіяхъ Андреева, помѣщенныхъ даже на новѣйшихъ картахъ, показалось намъ тѣмъ страннѣе, что о походахъ Павлуцкаго, бывшихъ гораздо ранѣе (т. е. въ 1731 году) еще многія подробности были имъ извѣстны. Замѣчательное открытіе Андреева могло ли быть забыто, когда помнили поѣздку его къ Медвѣжьимъ островамъ? Признаюсь, всѣ сіи соображенія не поселяли въ насъ большаго довѣрія къ открытіямъ сержанта Андреева.

Въ подобныхъ, занимательныхъ для насъ изысканіяхъ, упражненіяхъ на обсерваторіи и опытахъ надъ скоростью бѣга собакъ проходило время непримѣтно, а каждый день научалъ насъ чему нибудь новому. Съ особеннымъ восхищеніемъ взирали мы на величественнѣйшее полярное явленіе, освѣщавшее продолжительную здѣсь ночь. То окрашивалось небо дугообразнымъ тусклымъ свѣтомъ, то двигались медленно и быстро огненные столпы, то зажигались пуки яркихъ лучей, достигавшіе расходящимися вершинами до зенита, изображая свѣтлые вѣнцы вокругъ полной луны. Мгновенныя измѣненія, тысячи безтѣлесныхъ фигуръ, появлявшихся, какъ свѣтлыя тѣни, на темноглубомъ небѣ, при глу-

бокой, ненарушимой тишины ночи, придавали явлениямъ необыкновенную занимательность и таинственность, приковывавшія изумленнаго наблюдателя силою, какъ будто сверхъ-естественною.

Предоставляя себѣ говорить о сѣверныхъ сіяніяхъ съ большею подробностью, скажу здѣсь только одно, какимъ образомъ объясняютъ ихъ здѣшніе жители. Морскими вѣтрами разведенное волненіе, говорятъ они, бьетъ сильно въ ледяныя горы; отразившіяся отъ нихъ брызги, раздробляясь въ воздухъ, преломляютъ яркій цвѣтъ огромныхъ льдинъ и представляются намъ въ видѣ свѣтлыхъ столповъ, или *сполоховъ*. Такое темное понятіе о сѣверномъ сіяніи можно уподобить несвязнымъ рассказамъ о какомъ нибудь происшествіи, гдѣ сохранились одни названія дѣйствующихъ лицъ, ибо весьма вѣроятно, что льды и воды имѣютъ участіе въ произведеніи сѣвернаго сіянія.

Декабря 2-го, къ всеобщему удивленію, прибыла вода, гонимая сѣверо западными и западными вѣтрами съ моря въ Колыму, съ такою силою, что принудила рѣку течь въ верхъ, съ быстротою, противъ коей не удержались сѣти, спущенныя жителями въ проруби для ловли рыбы; нальду сдѣлались широкія трещины и вода выступила изъ береговъ. Съ морской водою прибыла въ рѣку рыба, подкрѣпившая надежду нашу на изобиліе осенняго промысла.

Декабря 31-го обрадовало насъ совершенно не-

ожиданное появленіе извѣстнаго Англійскаго пѣшехода, капитана Кокрена, котораго любопытство привело даже и сюда. * Ограниченные только собственнымъ нашимъ обществомъ и совершенно отдѣленные отъ просвѣщеннаго міра, мы весьма обрадовались такому пріятному приращенію малаго нашего круга. Мы встрѣтили новый годъ при порядочномъ морозѣ, 37° по Реомюру. Полуденное солнце, долженствовавшее появиться на горизонтъ еще 28-го Декабря, скрывалось еще за снѣжными и ледяными горами, окружающими вдали низменныя болота Колымскія; сѣрый туманъ стлался надъ низкимъ кустарникомъ бѣдной тундры; небо покрывалось бѣлизною. Съ 3-го на 4-е Января морозъ возвышался до 39°, а 5-го числа, въ продолженіе 24-хъ часовъ, термометръ показывалъ 40° по Реомюру. Дыханіе захватывало; ледъ въ окнахъ растрескался. Въ избѣ моей пылалъ безпрестанно огонь, но не взирая на то, въ ней было такъ холодно, что я принужденъ былъ сидѣть въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, и

* Г. Джонъ Дунденъ Кокренъ (Cochrane), капитанъ Англійскаго флота, извѣстенъ своими путешествіями пѣшкомъ. Гостепріимство Рускихъ и готовность оказать всякому нуждающемуся услугу и помощь, дали г. Кокрену возможность совершить свое путешествіе и доѣхать до Колымска. Для того нужны были только открытый листъ отъ Губернатора, казакъ для сопровожденія, и Кокренъ совершалъ безъ всякой платы по пустынямъ Сибири, на повозкахъ и верхомъ, *пѣшее* свое путешествіе. Онъ изъявилъ желаніе присоединиться къ нашей экспедиціи, но я не привялъ его предложенія, потому, что когда каждый лишній фунтъ груза былъ намъ въ тягость, увеличеніе числа людей еще однимъ сопутникомъ слишкомъ затруднило бы насъ.

когда писалъ, то чернила мои отогрѣвались въ горячей водѣ.

Дѣйствіе горизонтальной рефракціи произвело родъ Фаты Морганы; горы, лежащія къ югу, казались намъ, въ разныхъ искаженныхъ видахъ, висящими на воздухѣ; дальнѣйшія горы представлялись съ опрокинутыми внизъ вершинами; рѣка сузилась; противоположащій берегъ казался находившимся почти у нашихъ избъ.

Жестокіе морозы препятствовали обыкновенной ловлѣ подледной рыбы, производимой жителями събью на устьяхъ Колымы, и потому Колымчане начали съѣзжаться въ острогъ, болѣе и болѣе наполнявшійся народомъ и собаками, дружный лай, или вой которыхъ по временамъ оглашалъ воздухъ.

Часто и много говорили намъ о прежней здѣсь веселой жизни, когда рыбный промыселъ бывалъ изобильнѣе и сохатые (лоси) не чуждались береговъ Колымы, прозванной Сибиряками Золотымъ Дномъ. Но время безпечныхъ увеселеній минуло и здѣсь; оно осталось единственно въ воспоминаніяхъ и пѣсняхъ. Желая позабавить Колымскихъ жителей и дать гостю моему понятіе о здѣшнихъ увеселеніяхъ, пригласилъ я въ Крещенье почетныхъ особъ на вечеринку, избравши для того одинъ изъ просторнѣйшихъ домовъ, принадлежавшій здѣшнему казаку скрыначу. Гостиная, и вмѣстѣ съ тѣмъ зала для танцовъ, въ 6 аршинъ во всѣ стороны, была великолѣпно освѣщена рыбьимъ жиромъ. Стѣны и

лавки, послѣ долгаго времени вымытыя, были покрыты кусками пестрой матеріи, а полъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Для дамъ были припасены чай, нѣсколько кусковъ бѣлаго сахара и кедровые орѣхи; ужинъ состоялъ изъ пироговъ, струганины, юколы и мороженого оленьяго мозга. Въ 5-ть часовъ явились гости, въ лучшихъ шубахъ и нарядахъ; дамы усѣлись на лавкахъ и запѣли народныя пѣсни; молодья играли въ разныя игры и плясали, тихо и чинно, какъ будто на заказъ, подѣ странныя звуки, извлеченныя тяжелыми руками нашего музыкальнаго хозяина, стараго промышленника, изъ треснувшей скрипки, натянутой струнами изъ крученаго шелка и оленьихъ жилъ. Въ 10-ть часовъ всѣ разошлись, весьма довольные проведеннымъ вечеромъ.

На слѣдующій день поѣхали мы осмотрѣть оставшіеся отъ Биллингсовой экспедиціи суда, *Палласъ* и *Ясашина*, стоящіе теперь въ льсу, въ 2-хъ верстахъ отъ острога, куда занесены они высокою водою. Члены судовъ нашли мы еще довольно свѣжими, хотя уже почти 50 лѣтъ подвержены они непостоянству погодъ. На возвратномъ пути осмотрѣли мы хранящіеся въ магазинѣ достопримѣчательности: мортиры, бомбы и разныя орудія для прорубки льда, оставшіеся послѣ лейтенанта Лаптева въ 1739 году.

Февраля 2-го прибылъ благополучно изъ Якутска штурманъ Козьминъ, съ большимъ транспортомъ припасовъ и потребностей разнаго рода. Сверхъ того г. Козьминъ обрадовалъ насъ еще

весьма пріятнымъ гастрономическимъ подаркомъ: пудомъ свѣжей, мерзлой оленины, и молокомъ и сливками, замороженными въ кружкахъ, и такимъ образомъ сохраненными въ совершенной свѣжести. Такіе припасы, а въ особенности молоко, считались здѣсь величайшею роскошью, и мы рады были, что послѣ столь долгаго времени, могли полакомиться свѣжимъ мясомъ и чаемъ со сливками.

Наступало для Нижне - Колымска самое блестящее время: пріѣздъ купцовъ изъ Якутска, на пути ихъ къ Чукотской ярмаркѣ, въ Островную крепость на Анию. Числомъ до 20-ти, имѣя каждый отъ 10-ти до 40 навьюченныхъ товарами лошадей, купцы пріѣзжаютъ сюда, и сбываютъ часть своихъ товаровъ, для чего стекаются ко времени ихъ пріѣзда окрестные жители, съ шкурами пушныхъ звѣрей, пріобрѣтенными охотою, или мѣною съ Алазейскими Тунгусами, прикочевывающими ежегодно, въ исходѣ Января, къ устьямъ рѣки Омолона. Мѣна бываетъ весьма выгодна для Рускихъ: за малое количество чаю, табаку, и особенно водки, вымѣниваютъ они у Тунгускихъ пріятелей годовой промыселъ пушныхъ звѣрей, преимущественно песцовъ, которые въ большомъ изобиліи водятся на безлѣсныхъ тундрахъ, избираемыхъ Тунгусами для кочеванья. Подобнаго рода торгъ скоро совершается; страсть Тунгусовъ къ горячимъ напиткамъ такъ сильна, что нерѣдко, послѣ нѣсколькихъ глотковъ, отдають они весь запасъ мѣховъ за стаканъ водки, а за

второй даже свой послѣдній санаяхъ (т. е. верхнее платье).

Столь легко приобретенныя пушныя шкуры, Нижне-Колымскими торгошами съ великимъ барышомъ продаются и промѣниваются купцамъ Якутскимъ.

На бывшей сего года въ Нижне-Колымскъ ярмаркѣ, самыя низкія цѣны главнѣйшихъ товаровъ состояли слѣдующія:

1 ф. Черкасскаго листоваго табаку	3 $\frac{1}{2}$ рубл.
— бѣлаго сахара	4 $\frac{1}{2}$ —
— Китайскаго леденцу	3 —
— чаю низкаго сорта	9 —
— нитокъ тонкихъ	3 $\frac{1}{2}$ —
Осмина простаго хлѣбнаго вина	13 $\frac{1}{2}$ —
Кусокъ китайки (въ 9 аршинъ)	10 —
— — — — — полушелковой матеріи, въ 20 и	
21 аршинъ	30 —
Холста толстаго (аршинъ)	1 —
Платокъ бумажный пестрый	4 —

При концѣ торгова, цѣны почти всегда удваиваются: фунтъ чаю стоитъ тогда обыкновенно до 15 р., бѣлаго сахара 10 рубл., осмина водки 20 рубл.; торговые обороты дѣлаются частію на деньги, частію на мѣну, мѣхами и рыбою въ маломъ количествѣ. Цѣны пушныхъ звѣрей были въ нынѣшнемъ году слѣдующія:

Лисица красная	отъ 8	до 10	руб.
— — — — — черная	50	— 150	—
Песець бѣлый	2 $\frac{1}{2}$	— 3	—
Песець голубой	7	— 10	—

Соболь *	отъ 10	до 25 руб.
Стерлядь (въ 20 ф.)	—	5 —
Нельма (родъ форели) въ 30 ф.	—	5 —

Якутскіе купцы пользуются тѣмъ, что хотя здѣсь въ оборотъ мало денегъ, но жители должны вносить подати наличными деньгами.

Во время ярмарки обыкновенно появляется больше жизни и движенія въ Нижне-Колымскъ; за нѣсколько дней улицы становятся уже шумны; множество прїѣзжающихъ окрестныхъ жителей, съ цѣлыми стаями собакъ, наполняютъ дома и кануры. Проводникамъ нартъ много труда содержать порядокъ между собаками, привыкшими къ одиночеству и внезапно окруженными множествомъ себѣ подобныхъ, отъ чего нерѣдко происходятъ между ними жестокія битвы. Владѣтели домовъ готовятъ свои комнаты для прїятія прїѣзжихъ гостей, вставляютъ новыя льдины въ окна, выколачиваютъ мѣха, складываютъ ихъ въ чуланы, подновляютъ нарты и упряжку; словомъ, все ожидаетъ здѣсь прїѣзда Якутскихъ купцовъ. И вотъ появляется на горизонтѣ облако пара, и болѣе и болѣе приближаясь, означаетъ путь каравана; всякій, кто только можетъ двигаться, спѣшитъ на встрѣчу друзьямъ и знакомымъ. Среди ликованія и пѣсенъ въѣзжаетъ караванъ въ острогъ и раздѣляется по домамъ, въ которыхъ обыкновенно нѣсколько дней

* Цѣна собольихъ шкуръ значительно перемѣняется въ разные годы. Въ 1821 году шкура стоила до 40 рубл., а въ слѣдующемъ только 15 рублей.

сряду веселятся до поздней ночи. Вскорь послѣ того прїѣзжаетъ изъ Средне-Колымска Исправникъ, съ своею канцеляріею, для сбора податей и тому подобнаго. Съ его появленіемъ исчезаетъ безпечная радость обитателей Нижне-Колымска и является несчастная страсть къ тяжбамъ. Несогласія и ссоры заступаютъ мѣсто увеселеній. Пользуются каждымъ поводомъ къ жалобѣ Исправнику, который не всегда находитъ свой расчетъ въ водвореніи между жителями мира и согласія.

Наконецъ, изъ Островнаго прїѣзжаетъ казакъ съ извѣстіемъ о приближеніи Чукчей; тогда всѣ отправляются въ путь, и Исправникъ, оставя неконченныя дѣла въ архивѣ до будущаго года, спѣшить въ Островное, предупредить тамъ прїѣздъ Чукчей; купцы, на нартахъ, нанятыхъ у здѣшнихъ жителей, за довольно дорогую цѣну, * слѣдуютъ за Исправникомъ, и улицы и дворы снова пустыютъ. Въ концѣ зимы возвращаются купцы и Исправникъ изъ Островнаго, но не останавливаются уже въ Нижне-Колымскѣ, продолжая путь свой черезъ Средне-Колымскѣ домой. Вскорь наступающая весна вызываетъ Колымчанъ на берега озеръ и рѣкъ, къ обыкновеннымъ лѣтнимъ занятіямъ, и тогда дѣятельность въ острогѣ исчезаетъ, мертвая тишина заступаетъ мѣсто все-

* Обыкновенная цѣна за упряжку 10—12 собакъ, на проѣздъ 250 верстъ, отъ Нижне-Колымска до Островнаго, 100 рубл., но часто платятъ и болѣе.

общей веселости, и въ осиротѣлыхъ хижинахъ, снова заколачиваются двери и окна.

Отъ моего эпизодическаго отступленія возвращаюсь къ разсказу въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ теченіе зимы закупленные и съ разныхъ мѣстъ доставленные рыбные запасы * отосланы были на устье Восточной, или Каменной Колымы, въ урочище *Сухарное* (120 верстъ къ сѣверу отъ острога); члены нартъ также были доставлены съ рѣки Омолона и для устройства нартъ разданы проводникамъ, выбраннымъ къ предстоящему путешествію; недоставало моржевыхъ ремней, замѣняющихъ желѣзо и ковку въ скрѣпленіи нартъ, и мы должны были ждать прибытія Чукчей на Анюй, для закупки у нихъ ремней.

* Запасы заключались въ слѣдующемъ:

для употребленія людямъ хахты (чировой ююлы)	850
для собакъ муксуновой ююлы	4,289
Муксуновыхъ юхаль	3,985
Щокуровыхъ юхаль	700
Костей муксуновыхъ	500
Свѣжихъ замороженныхъ сельдей	30,740
----- муксуновъ	543
Оленьихъ проявленныхъ боковъ	1,323

Для надлежащаго понятія объ исчисленномъ запасѣ должно замѣтить, что въ кормъ собакамъ каждая крупная муксуновая юхала равняется пяти сельдямъ, такая же средняя юхала $3\frac{1}{2}$ сельд., свѣжій муксунъ 8 сельд., двѣ щокуровыя юхалы 1 сельди, 1 кость муксуновая $1\frac{1}{2}$ сельд., бокъ олений 8 сельдямъ. Такимъ образомъ, принявъ за сравнительную единицу легко проявленную сельдь, коихъ восемь и десять составляютъ хорошую порцію каждой собакѣ на день, равняется весь приготовленный въ кормъ собакамъ запасъ нашъ 18,944 сельдямъ.

Февраля 12-го извѣстился я, что изъ числа 36 нартъ, съ собаками, требованных мною, готовы будутъ только 29, къ половинѣ Марта; проводники увѣряли меня также, что ранѣе сего времени нельзя пуститься въ путь и потому, что собакамъ не выдержать сильныхъ морозовъ, на большихъ переѣздахъ, по совершенно открытымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ вовсе къ тому не привыкли.

Принимая все къ соображенію и не желая провестъ цѣлаго мѣсяца въ бездѣйствіи, я отмѣнилъ прежній планъ, и вознамѣрился, составя отрядъ изъ готовыхъ уже нартъ съ собаками, какъ малъ и безсиленъ онъ ни былъ, отправиться безъ потери времени для описи берега къ востоку, возвратиться въ Нижне-Колымскъ къ сроку изготавленія полнаго количества нартъ и проч., и тогда пуститься черезъ ледъ на сѣверъ.

Февраля 14-го отправилъ я три нарты, съ хорошими собаками, подъ надзоромъ 3-хъ казаковъ (изъ которыхъ одинъ зналъ Чукотскій языкъ), къ нашимъ запасамъ въ Сухарное, гдѣ имъ надлежало откармливать собакъ, отощавшихъ отъ частой ѣзды хозяевъ по промысламъ.

Г-нь Матюшкинъ отправился въ Островное, познакомиться съ Чукчами, закупить у нихъ нужные для нартъ моржевые ремни и китовья ребра, * а въ особенности успокоить сей не-

* Отъ выступающей морской воды остается на поверхности льда морской рассолъ, по которому деревянныя полозья весьма

довѣрчивый народъ на счетъ нашего путешествія по берегамъ ихъ, объясняя имъ, что мы намѣрены отыскать свободное отъ льдовъ море для плаванія судовъ съ товарами, доставленіе которыхъ сухимъ путемъ обходится весьма дорого.

Еще до отъезда купцовъ и жителей въ Островное наступила масляница. Соорудили гору, украсили ее флагами Лаптева и Биллингса, и выставили нѣсколько ведръ сваренаго чаю и нѣсколько пудовъ кедровыхъ орѣховъ; противъ такого сильнаго магнита ничто не могло устоять; женщины и дѣвушки, ловкіе парни, купеческіе прикащики и казаки спускались съ горы цѣлыми группами, на оленьихъ кожахъ (вмѣсто санокъ), и до поздняго вечера предавались смѣху и шуткамъ. Погода весьма благопріятствовала общему увеселенію, ибо 18-го числа, въ первый день Масляной недѣли, задулъ, такъ называемый, *теплый вѣтеръ*, отъ юговостока, и термометръ, стоявшій 16-го числа на 32° Реомюр., возвысился 18-го, въ 4 часа по полудни, до 4°, при ясномъ небѣ.

Наконецъ получено извѣстіе изъ Островнаго о прибытіи 26-ти челоуѣкъ *Чаунскихъ* и *Приморскихъ* Чукчей, на мѣсто, называемое *Элопъ-бало*, отстоящее отъ Островнаго на 90 верстъ; *Носовые Чукчи*, изъ окрестностей Берингова пролива, ко-

тяжело скользятъ; для отвращенія такого неудобства привязываются подъ полозья китовыя ребра, которыя, будучи тверже дерева, не всасываютъ въ себя соли и не задерживаютъ саней.

чевали въ большемъ числѣ позади первыхъ. Извѣстіе весьма обрадовало Якутскихъ купеческихъ прикащиковъ, и они спѣшили ѣхать въ Островное, а за ними отправился туда и г-нъ Матюшкинъ, въ сопровожденіи г-на Кокрена. *

* Г. Кокреть намѣревался добратся къ Чукотскому Носу и Берингову проливу съ обратно идущимъ Чукотскимъ караваномъ, но познакомься короче съ Чукотскимъ народомъ, оставилъ планъ свой и возвратился въ Нижне-Колымскъ.

ГЛАВА VI.

Первое путешествие на нартахъ по льду въ море. — Отъездъ изъ Нижне-Колымска. — Сухарный островъ. — Барановъ Камень. — Ровный, низменный морской берегъ. — Большая Баранова рѣка. — Холодь. — Первые слѣды Чукчей. — Метеоръ. — Проливъ Собадей. — Пещавый мысъ. — Шелагскій мысъ. Скала Кузьмина. — Стадухинскій волокъ. — Мысъ Матюшкина. — Островъ Араутанъ. Потеря състныхъ припасовъ. — Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ.

Я уже изложилъ причины, побудившія меня отступить въ семь году отъ данной мнѣ ин-струкціи и предпринять съ немногими спутниками путешествіе по льду въ море. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ въ такое короткое время достать девять нартъ, съ надлежащимъ числомъ собакъ, но только три нарты были назначены для моего путешествія; остальные шесть, нагруженные провіантомъ для насъ, кормомъ для собакъ, и проч., должны были, для сбереженія по возможности състныхъ припасовъ, тотчасъ по разгрузкѣ обратиться назадъ.

Съ тремя нартами хотѣлъ я осмотрѣть, такъ далеко, какъ позволятъ обстоятельства, берега, на востокъ лежащіе. Глубоко вкоренившійся и всеобщій страхъ туземцовъ къ Чукчамъ заставилъ меня выдавать за окончательную цѣль предпринимаемаго путешествія точнѣйшее обозрѣніе и опредѣленіе Баранова Камня и окрестныхъ береговъ, которые составляютъ предметъ и предѣлъ поѣздокъ туземцовъ на востокъ. Немногіе изъ нихъ рѣшатся пройти верстъ 50 далѣе; все остальное протяженіе берега на востокъ имъ совершенно неизвѣстно. Не смотря на то, узнавъ, что я намѣренъ посѣщать Чукчей, они охотно согласились мнѣ сопутствовать и я могъ выбрать себѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ проводниковъ.

Весь берегъ отъ Колымы до Шелагскаго мыса совершенно необитаемъ и изрѣдка посѣщается Чукчами, которые тутъ охотятся, или собираютъ выбрасываемый моремъ лѣсъ, но кажется, и они не переходятъ за Большой Барановъ Камень, составляющій предѣлъ поѣздокъ Рускихъ, такъ, что здѣсь остается полоса земли, верстъ на 80 шириною, ни къмъ не посѣщаемая. За сею, такъ сказать, нейтральною землею, лежатъ пространныя мшистыя равнины и поля, на которыхъ воинственные Чукчи, сохранившіе доселѣ свою независимость, скитаются съ безчисленными стадами оленей. Каждое покушеніе вторгнуться въ ихъ земли наблюдается ими съ большимъ вниманіемъ, и, какъ нѣкоторые горькіе опыты прежнихъ лѣтъ доказали, Чукчи всегда прини-

мали мѣры къ отраженію вторженій. Наше внезапное появленіе въ близкихъ безлюдныхъ степяхъ должно было произвести большое безпокойство между Чукчами; потому намъ надлежало преимущественно остерегаться и не возбуждать въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, которое могло помѣшать достиженію цѣли экспедиціи.

Три изъ моихъ нартъ, собственно для путешествія назначенныя, находились уже, какъ выше сказано, въ Сухарной.

Туда послалъ я, 18-го Февраля, шесть нартъ съ провіантомъ, которыя должны были сопровождать насъ только въ первой части пути, а 19-го отправился самъ, съ г-мъ Козьминымъ, въ путь. Важнѣйшіе жители города провожали насъ до маленькаго, не вдалекѣ лежащаго озера.

Довольно хорошо увъзженная дорога, извинаясь между мѣлкими кустарниками, довела насъ къ ночи въ деревню Черноусову, въ 45 верстахъ отъ Нижне-Колымска. Отдохнувъ сами и давъ отдыхъ нашимъ собакамъ, продолжали мы на другой день по утру путь и достигли, черезъ восемь часовъ ѣзды, къ вечеру 20-го Февраля, мѣстечка *Лобазнаго*, лежащаго въ 80 верстахъ отъ нашего ночлега.

Въ устьѣ восточнаго рукава Колымы, которая здѣсь въ ширину 23 версты, находится плоскій, голый и столь низменный островъ, что зимою онъ совершенно равенъ съ горизонтомъ рѣки. На южной оконечности его построены два балагана, или сарая, въ родѣ описанныхъ

выше поваренъ, отстоящіе одинъ отъ другаго почти на полверсты, и служащіе защитою отъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ жителямъ Нижне-Колымска, когда зимою посѣщаютъ они сей край для рыбной ловли и охоты — это подобіе человѣческаго жилища называется: *Сухарное*. Версть за 50 исчезаютъ даже мѣлкіе, стелющіеся кустарники, которые до сихъ мѣстъ иногда еще попадаютъ. Здѣсь глазамъ представляется необозримая снѣжная равнина, и ужасное однообразіе прерывается только кой гдѣ выставленными ловушками песцовъ. Со временемъ привыкаешь ко всему, но первое впечатлѣніе, при видѣ необъятнаго пространства земли, покрытаго саваномъ снѣговъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться; даже радуешься, когда ночь, покрывая все темнотою, производитъ хоть какую нибудь перемѣну.

Еще не достигли мы Сухарнаго, какъ уже совершенно смерклось. Мы никакъ не могли разсмотрѣть занесенныхъ снѣгомъ балагановъ, и вѣроятно пробѣжали бы мимо, если бы намъ не указали мѣста ихъ искры, къ счастью вылетѣвшія изъ трубъ, вмѣстѣ съ дымомъ. Измученныя собаки повернули въ сторону, безъ понужденія побѣжали скорѣе и остановились у снѣжнаго бугра, гдѣ проводникъ увѣдомилъ насъ, что мы пріѣхали къ первому Сухарному балагану. Пока я осматривался во всѣ стороны, ища чего нибудь похожаго на человѣческое жилище, къ великому удивленію моему, вылезли изъ-подъ снѣга, одинъ за другимъ, наши три казака, посланные впередъ съ

дорожными нартами. Они провели насъ сквозь отверстие, вырытое въ снѣгу на подвѣтренной сторонѣ, въ балаганъ, вышиною около двухъ аршинъ, гдѣ съ радостью нашли мы горящій огонь. Согрѣвшись и подкрѣпивъ себя хорошимъ ужиномъ, мы провели ночь въ нашей снѣжной пещерѣ очень хорошо, не смотря на то, что она была наполнена густымъ дымомъ, который набивало сильнымъ вѣтромъ.

Весь слѣдующій день занимались мы размѣщеніемъ нашихъ вещей и припасовъ по нартамъ, и другими приготовленіями къ путешествію. Наша поѣздка была довольно различна отъ обыкновенныхъ путешествій, а потому, кажется, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ снаряженіи. Мы взяли съ собою коническую палатку, изъ оленьихъ кожъ, два топора, карманный фонарь, съ двумя восковыми свѣчами, желѣзную плиту для раскладыванія на ней огня, желѣзный треножникъ, чайникъ и котелъ; для каждого изъ насъ нѣсколько бѣлья и медвѣжью шкуру, вмѣсто тюфяка, и для каждыхъ двухъ человекъ одѣяло изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ. Изъ инструментовъ взяли мы два хронометра, одни секундные часы, два секстана, съ искусственнымъ ртутнымъ горизонтомъ, спиртовой термометръ, три пель-компаса, изъ коихъ одинъ съ призмою, зрительную трубу, телескопъ, веревку съ назначеніемъ футовой мѣры и еще нѣкоторыя мелочи. Провіанта для пяти человекъ на одинъ

мѣсяць было приготовлено: $2\frac{1}{2}$ пуда ржаныхъ сухарей, $1\frac{1}{2}$ пуда говядины, 10 фунтовъ сухаго бульона, 2 фунта чаю, 4 фунта сахару леденцу, 8 фунтовъ крупы, 3 фунта соли, 39 рюмокъ крѣпкой водки, 12 фунтовъ табаку и 200 штукъ лучшей копченой юколы. На каждомъ изъ насъ одежда состояла изъ *парки*, довольно широкой *кухлянки*, большихъ мѣховыхъ сапоговъ (*торбасы*), такой же шапки и рукавиць; все было сшито изъ оленьихъ шкуръ. Для корма собакамъ запасли мы 790 ш. большой муксун. юколы, 1200 ш. юколы и 2400 ш. свѣж. замороженныхъ сельдей. Сельди помѣщались главнѣйше на провѣантныхъ нартахъ, но часть запасовъ положили мы и на дорожныя. Каждый изъ насъ имѣлъ ружье, 50 патроновъ, пику, и на правой сторонѣ, привѣшенные къ кушаку, большой ножъ и огниво. Нарты нагружались во всю длину, по возможности равномерно, и когда имѣли полный грузъ (около 25 пудовъ), то накрывались кожанымъ одѣяломъ и такъ крѣпко стягивались ремнями, что сани и грузъ составляли, какъ будто одно цѣлое и могли падать, даже вверхъ копыльями, не вываливая поклажи. Въ срединѣ, по длинѣ нашихъ узкихъ саней, садился бокомъ, или придерживался только, вожатый, опираясь ногою на полозъ нарты, въ ежеминутной готовности соскочить и привести нарту опять въ равновѣсіе, когда она слишкомъ раскатывалась, или когда угрожала ей какая либо опасность. Для того держалъ онъ въ рукѣ, протянутый

вдоль по санямъ и къ нимъ прикрѣпленный ремень, и кромѣ того имѣлъ въ рукахъ, такъ называемый *оштолъ*, или *прудило*, довольно толстую палку, обитую желѣзомъ на одномъ и обвѣшенную колокольчиками на другомъ концѣ, которою управлялъ собаками, останавливалъ ихъ, а иногда подпирался. Точно также балансируя, сидѣли и мы съ г-мъ Козьминымъ каждый на своей нартѣ, за проводникомъ, въ безпрестанной готовности соскочить, поддержать и привести въ равновѣсіе нарту, что при неровной дорогѣ очень часто случалось. Не смотря на то, что каждая изъ нартъ имѣла груза до 25 пудовъ, онѣ такъ легко скользили по крѣпко замерзшему снѣгу, что одною рукою, безъ большаго усилія, можно было передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто, и собаки наши при хорошей дорогѣ дѣлали отъ 10 до 12 верстѣ въ часъ. 21-го Февраля было 26° холода; къ полудню уменьшился онъ до 14¹/₂°. Солнце стояло очень низко, но г-ну Козьмину удалось, съ помощію искусственнаго ртутнаго горизонта, взять полуденную высоту солнца, которая показала, что мы находились подъ 69° 31' 22" широты. Тригонометрическимъ измѣреніемъ отъ Нижне-Колымска до Сухарнаго найдено, что Сухарное лежитъ подъ 161° 43' 41" долготы, къ востоку, отъ Гринвича. Полуденная тѣнь давала 13¹/₂° восточнаго склоненія путевого компаса.

22-го Февраля, рано по утру, передъ разсвѣтомъ, отправились наши нарты съ провіантомъ къ Ма-

лому Баранову Камню *, отстоявшему на 41 версту, гдѣ стояла поварня; тамъ намѣревались мы провести слѣдующую ночь. Ужасный вой, какой собаки обыкновенно поднимаютъ въ минуту отъезда, разбудилъ насъ. Мы приготовились къ дальнѣйшему пути, и въ 9-ть часовъ утра оставили наши, нѣсколько нагрѣвшіеся балаганы. По назначенному для поѣздки порядку, моя нарта всегда находилась впереди, а г. Козьминъ на своей нартѣ заключалъ шествіе. Каждый изъ насъ замѣчалъ направленіе пути, и по скорости бѣга собакъ, которую мы изучали въ Нижне-Колымскѣ, ** определялъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Наши наблюденія, по вечерамъ сравниваемыя одно съ другимъ и записываемыя, составляли главныя данныя для начертанія карты береговъ.

Сокращая дорогу, мы не обгибали *Медвѣжьего мыса*, а поѣхали прямо черезъ перешеекъ, соединяющій его съ твердою землею. Снѣгъ былъ гладокъ и крѣпокъ; собаки бѣжали очень скоро, и нарты наши, не смотря на балансирова-

* Барановъ Камень получилъ названіе отъ великаго множества скитающихся тамъ дикихъ барановъ, или аргалей. Животныя сіи питаются, по большей части, травою, которая, вмѣстѣ съ одною изъ породъ полыни, растеть на скалахъ между мхами.

** Скорость бѣга моихъ собакъ, соразмѣряясь съ большею или меньшею гладкостью дороги, простиралась отъ 6 до 12 верстѣ въ часъ. По ней и по направленію проѣзжаемаго пути, вычисляли мы широту и долготу, которыя и буду я въ послѣдствіи отличать названіемъ: *счисливалъ*, отъ определенныхъ другимъ образомъ.

ніе сѣдоковъ, часто опрокидывались. Въ половинѣ четвертаго часа по полудни достигли мы поварни, лежащей на берегу маленькой рѣчки, гдѣ нашли совершенно сохранившійся деревянный крестъ, поставленный въ 1787 году экспедиціею капитана Биллингса. Нарты съ провіантомъ, выѣхавшія двумя часами ранѣе, но запряженные не столь сильными собаками, прибыли къ поварнѣ послѣ насъ. Море казалось отсюда совершенно гладкимъ; густой туманъ застилалъ сѣверный край горизонта.

Мы нашли поварню совершенно наполненною снѣгомъ и льдомъ, и ихъ надлежало выгребать, чтобы намъ помѣститься. Слишкомъ трудно и медленно было производить такую работу черезъ отверстіе, служащее дверью; мы сняли бревна, составляющія крышу, и соединенными силами выбрасывали снѣгъ во всѣ стороны. Менѣе нежели черезъ часъ, жилище наше было готово, крыша настлана, въ срединѣ разложенъ огонь, и мы спѣшили поселиться. Къ несчастію, поварня была такъ тѣсна, что только четверо нашли въ ней мѣсто, и тѣ лежали столь близко къ огню, что искры безпрестанно осыпали ихъ шубы, сапоги и одѣялы. Остальные семеро изъ насъ должны были довольствоваться палаткою, которая, хотя была не такъ тепла, но за то совершенно суха, а сквозь бревенчатыя стѣны поварни ручьями лилась вода отъ тающаго снѣга и льда.

Вечеромъ, по обыкновенію, занимались мы срав-

ниваніемъ и приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ нами наблюдений, и къ великому удовольствію нашему, они совершенно согласовались, какъ съ точными наблюденіями сей части берега, сдѣланными капитаномъ Биллингсомъ, такъ и съ составленною по нимъ вице-адмираломъ Сарычевымъ картою, а тѣмъ совершенно убѣдили насъ въ достаточности и надежности принятыхъ нами правилъ измѣренія.

До сего мѣста морской берегъ почти совершенно плоскій, и только нѣкоторые выдающіеся мысы образуютъ крутыя и скалистыя возвышенія. Правый берегъ Колымы, состоящій большею частию изъ чернаго шифера, былъ покрытъ наноснымъ лѣсомъ. Мы видѣли, въ 14 верстахъ отъ Сухарныхъ балагановъ, выстроенную въ 1739 году лейтенантомъ Лаптевымъ, на возвышеніи, деревянную башню, для указанія входа съ моря въ устье рѣки.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, продолжали мы путь. Погода была ясная и пріятная. При легкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, термометръ по утру показывалъ 27°, въ полдень 23°, къ вечеру 26°. Мы вѣхали довольно скоро по гладкому льду вдоль морскаго берега, который становился все крутѣе и обрывистѣе. Проѣхавъ 42 версты, остановились мы недалеко отъ Большаго Баранова Камня, въ поварнѣ; она была гораздо просторнѣе прежней, но за то не такъ прочно выстроена. Однакожь, согрѣвшись чаемъ и хорошимъ супомъ, и закутавшись въ дорожныя

платья, подь толстымъ мѣховымъ одѣяломъ, провели мы ночь очень хорошо, не слишкомъ чувствуя холодъ.

Во время пути удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, и найти, что довольно значительный мысъ у Малаго Баранова Камня лежитъ подь $69^{\circ} 41' 49''$ с. широт., и по нашему счисленію подь $163^{\circ} 20'$ восточн. долготы. Мы видѣли на горахъ много замѣчательныхъ утесовъ, изъ коихъ иные представляли видъ развалинъ, древнихъ огромныхъ зданій, а также исполинскихъ людей и звѣрей; капитанъ Сарычевъ упоминаетъ о сихъ утесахъ въ своемъ путешествіи. Въ послѣдствіи буду я имѣть случай говорить о такомъ странномъ образованіи приморскихъ скалъ здѣшнихъ.

24-го Февраля отправились мы въ путь при 25° холода; въ послѣдствіи увеличился онъ до 28° . Гористый мысъ Большаго Баранова Камня, довольно далеко вдавшійся въ море, оставили мы къ сѣверу, и проѣхали черезъ узкую полосу земли, за нимъ лежащую, гдѣ къ востоку отъ мыса впадаетъ въ море маленькая рѣчка; устье ея, по сдѣланному нами полуденному наблюденію, лежитъ подь $69^{\circ} 38' 21''$ с. широты и $164^{\circ} 26'$ счислимой долготы. Склоненіе путевого компаса было 17° восточное. Съ сего пункта берегъ принимаетъ совсѣмъ другой видъ: утесистыя скалы исчезаютъ и совершенно плоское прибрежье прерывается только кой гдѣ круто-обрывистыми возвышеніями. Къ югу, въ некоторомъ

разстояніи отъ берега, видна высокая цѣпь горъ; она, по видимому, тянется отъ NtW на StO.

Пробъхавъ 34 версты, достигли мы небольшой рѣчки; прозрачный ледъ ея обѣщаль намъ чистую хорошую воду; на берегу нашли мы множество наноснаго лѣса, а потому остановились и раскинули палатку, предполагая здѣсь переночевать. Тутъ предѣль, до котораго туземцы доходятъ иногда, гоняясь за звѣрями, но съ 1765 года, послѣ путешествія Шалаурова, никто изъ Рускихъ не посѣщаль сей части Ледовитаго моря.

Намѣреваясь оставить здѣсь часть взятаго нами провіанта, въ запасъ на возвратный путь и для уменьшенія числа нартъ, мы выстроили, такъ называемую, *сайбу* гдѣ могли обезопасить наши вещи отъ песцовъ и росомахъ, здѣсь водящихся во множествѣ. Мы врыли въ снѣгъ вертикально четыре столба, каждый около 9 фут. вышины; на нихъ укрѣпили бревенчатый ящикъ, положили туда наши запасы и покрыли все бревнами и снѣгомъ. Между тѣмъ въ нѣсколько минутъ была раскинута наша палатка. Шесть тонкихъ длинныхъ шестовъ воткнули въ снѣгъ и верхніе концы ихъ связали; потомъ обтянули все легкимъ, изъ оленьихъ шкуръ сшитымъ покрываломъ, и такимъ образомъ составила коническая палатка, въ 10 фут. вышины и нѣсколько болѣе 12 фут. въ поперечникъ основанія. Въ верху палатки оставили маленькое отверстіе для дыма; въ серединѣ, на желѣзной плиткѣ, разложили мы огонь;

на немъ мы варили пищу и онъ согрѣвалъ насъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ наполнялъ всю палатку густымъ ѣдкимъ дымомъ, отъ чего глаза наши очень страдали. Вмѣсто двери, на подвѣтренной сторонѣ палатки оставили мы небольшое отверстіе, завѣшенное оленью шкурою. При бурной погодѣ, въ сихъ странахъ обыкновенно господствующей, воздушное жилище наше было въ безпрестанномъ движеніи, и нагибалось то на ту, то на другую сторону, что насъ нимало не беспокоило; гораздо непріятнѣе бывало, когда вѣтеръ срывалъ всю палатку. Но и къ тому привыкли мы въ послѣдствіи, и покрывая внѣшнія стороны палатки до нѣкоторой высоты снѣгомъ, вовсе отклоняли такое неудобство.

Когда палатка была раскинута, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока закипитъ чайникъ, наполненный снѣгомъ, или льдомъ, потому, что чай былъ пріятнѣйшею и подкрѣпительнѣйшею для насъ пищею. Послѣ двухъ чашекъ являлись жизнь и веселость въ онѣмъвшемъ отъ холода обществѣ. Замѣчательно, что мы такъ любили наше ароматическое питье, и вкусъ его былъ намъ такъ пріятенъ, что вмѣсто обыкновенной пропорціи, по три куска сахара на чашку, мы пили цѣлый вечеръ, отъ 10 до 12 чашекъ, съ однимъ кускомъ леденца. Иногда присоединяли мы къ тому ржаные сухари, либо отличный кусокъ юкомы. Между чаемъ и ужиномъ выходили наши проводники къ собакамъ, привязывали ихъ, для того, чтобы привлеченныя слѣдами звѣрей, онѣ

не разбѣжались ночью, а притомъ давали каждой назначенную долю корма.

Между тѣмъ занимались мы сравниваніемъ нашихъ наблюденій и вносили на карту осматрѣнное днемъ пространство, что при сильномъ холодѣ и дымѣ, наполнявшемъ всю палатку, было не весьма легко. Въ то же время приготовлялся ужинъ; онъ всегда состоялъ изъ одного блюда, супа съ рыбою, или съ мясомъ, пока мы его имѣли; все варилось въ одномъ котлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ служившемъ намъ и общою тарелкою. Послѣ ужина все общество ложилось спать. По причинѣ холода, мы не могли снимать нашего платья и шубъ, и должны были спать въ полной дорожной одеждѣ; за то постоянно каждый вечеръ мѣняли мы чулки и сапоги, которые, вмѣстѣ съ мѣховыми шапками и рукавицами, развѣшивались для сушки на шестахъ въ палаткѣ, что, особенно на счетъ чулковъ, необходимая предосторожность, ибо съ сырою обувью, замерзаніе почти неизбѣжно. На ночь разстилались на твердомъ снѣгу медвѣжьей шкуры; на нихъ все общество располагалось, и подъ оленьими одѣялами крѣпко и хорошо отдыхало отъ дневныхъ трудовъ. Пока всѣ нарты насъ сопровождали, мы должны были, по причинѣ тѣсноты, располагаться въ палаткѣ, какъ спицы въ колесѣ, ногами къ огню, а головами къ стѣнамъ; въ послѣдствіи, когда наше общество уменьшилось, располагались мы вокругъ удобнѣе; во время ночи огонь не поддерживался и

мало по малу потухалъ. По утру вставали мы, обыкновенно, въ 6 часовъ, разводили огонь и мылись свѣжимъ снѣгомъ; потомъ пили чай и тотчасъ послѣ него принимались за обѣдь, который былъ совершенно подобенъ нашему ужину. Наконецъ чистили посуду, свертывали палатку и одѣялы, нагружали нарты, и часовъ въ 9-ть отправлялись въ путь. Такого порядка держались мы постоянно во время перваго путешествія.

25-го Февраля, при 25° холода, поднялся рѣзкій восточный вѣтеръ, съ сильною мятелью, что чрезвычайно затрудняло дорогу. Мы однакожь продолжали нѣкоторое время путь, но утомленные собаки наши, пробѣжавъ 24 версты, не въ состояніи были далѣе тащить нарты противъ вѣтра, по рыхлому снѣгу, и мы принуждены были остановиться для ночлега, на плоскомъ морскомъ берегу. Мятежь продолжалась всю ночь; наша палатка была совершенно занесена снѣгомъ, но тѣмъ доставила намъ защиту отъ бури. Мы радовались неподвижности нашего жилища и его пріятной теплоты. За то слои снѣга, лежавшіе на внѣшней сторонѣ его, растаяли и образовали ледяную кору, которая сдѣлала шкуру твердою, неудобосгибаемою и гораздо тяжеле прежняго, а тѣмъ причинила намъ много трудовъ при складываніи палатки.

26-го, по утру, вѣтеръ совсѣмъ затихъ, и хотя термометръ все еще стоялъ на 25° холода, но намъ казалось, что было гораздо теплѣе вчерашняго. Море было покрыто твердою и гладкою

снѣжною корою, по которой наши нарты, снабженные ледяными полозьями, * такъ легко скользили, что собаки безъ всякаго понужденія бѣжали очень скоро. Мы всегда держались въ разстояннн отъ 50 до 300 сажень отъ морскаго берега, который здѣсь плоскій и низменный, на всемъ открытомъ взору протяженнн его никакой предметъ не прерываетъ унылаго однообразнн нечальной снѣжной пустыни. Мертвая тишина, царствовавшая вокругъ насъ, умножала еще болѣе характеръ грустнаго уныннн сей сцены, такъ, что съ радостнн встрѣчами мы груды на-носнаго лѣса, лежавшнн на берегахъ и хотъ нѣсколько прерывавшнн однообразнн.

Въ полдень опредѣлили я, по взятой полуденной высотъ, что устье рѣчки, противъ которой мы находились, лежитъ подъ $69^{\circ} 34' 38''$ широты и $165^{\circ} 54'$ восточной долготы. Отѣхавъ 25 верстъ отъ нашего послѣдняго ночлега, велѣлъ я ранѣе обыкновеннаго остановиться на ночь, чтобы взять нѣсколько разстояннн между солнцемъ и луною. Солнце стояло такъ низко надъ гори-

* Каждый вечеръ оборачиваютъ нарты вверхъ дномъ и полозья обливаютъ водою, отъ чего образуется на нихъ ледяная кора, которая очень гладка, такъ, что сани съ невѣроятною легкостнн скользятъ по твердому снѣгу; такое обливанье называется *войдать*; вожатые нарты дѣлаютъ это частнн для легчайшей вѣзды, а частнн для сбереженнн самыхъ полозьевъ, и по той же причинѣ наши проводники всегда тщательно избѣгали мѣстъ, покрытыхъ не снѣгомъ, а ледяными обломками, отбивавшимися съ полозьевъ ледь.

зентомъ, что мы принуждены были прибѣгнуть ночью къ звѣздамъ, желая узнать истинное время. Взятые лунныя разстоянія опредѣлили положеніе нашего ночлега въ $166^{\circ} 11'$ восточной долготы, которая по нашему счисленію была $5'$ восточнѣе. Хронометры, отъ внезапныхъ переменъ температуры, потрясеній, вѣды и частаго опрокидыванія нартъ, такъ пострадали, что не сходствовали между собою и съ вѣроятною долготою, и мы почти не могли употреблять ихъ. Здѣсь выстроили мы вторую *сайбу*, и положили въ нее остатокъ нашихъ съѣстныхъ припасовъ на возвратный путь, отославши назадъ разгруженныя нарты. Ледъ, вчера покрывшій нашу палатку, растаялъ сегодня отъ разложеннаго въ ней огня и наполнилъ наше жилище такою удушливою сыростью, что мы принуждены были отъ времени до времени выходить освѣжаться и отдыхать на воздухъ.

Ночью къ 31° мороза присоединился рѣзкій, юго-восточный вѣтеръ, и несмотря на хорошо поддерживаемый огонь и теплыя покрывала изъ оленьихъ и медвѣжьихъ шкуръ, сдѣлалъ холодъ столь чувствительнымъ, что нѣсколько разъ принуждены мы были вставать, прыгать и бѣгать вокругъ нашего жилища, чтобы нѣсколько согрѣться. Особенно г. Козьминъ жаловался поутру, что ноги у него необыкновенно мерзнуть. Мы посоветовали ему перемѣнить чулки и сапоги, и когда онъ снялъ сапоги, то съ ужасомъ уви-

дѣли мы, что чулки у него примерзали къ ногамъ. Весьма осторожно сняли мы чулки, и нашли, что они были покрыты ледянымъ слоемъ, почти въ одну линію толщины; къ счастью, ноги еще не были отморожены и мы скоро оттерли ихъ водкою. Сей опытъ увѣрилъ насъ въ необходимости всегда перемѣнять и содержать сухою нашу обувь, потому что всякая сырость, внѣшняя и отъ собственной испарины, при большомъ морозѣ имѣетъ самыя гибельныя слѣдствія. Въ полдень, находясь на $1\frac{3}{4}$ версты къ сѣверу отъ низменнаго берега, опредѣлили мы $69^{\circ} 30' 28''$ широты, а счислимая долгота была $166^{\circ} 24'$; склоненіе магнитной стрѣлки $17\frac{1}{2}^{\circ}$ восточн.

Усиливавшійся холодъ и рѣзкій вѣтеръ чрезвычайно затрудняли нашу ѣзду. Проводники принуждены были надѣть собакамъ на ноги родъ сапоговъ, а болѣе чувствительныя, менѣ прочихъ покрытыя волосами и замерзанію подверженныя части тѣла ихъ завернуть лоскутками шкуръ. Это значительно препятствовало бѣгу собакъ, тѣмъ болѣе, что слишкомъ сильный морозъ сдѣлалъ снѣгъ рыхлымъ и полозья нартъ не могли такъ легко скользить по немъ, какъ скользили досель. Сегодня (27 Февраля) не могли мы проѣхать болѣе 26 верстъ и остановились на ночлегъ близъ устья довольно значительной рѣки, въ верховьяхъ у прибрежныхъ жителей Малаго Анюя известной подъ именемъ *Большой Баранихи*. Какъ здѣсь, такъ и на всемъ протяженіи низменнаго

берега, вдоль котораго мы сегодня ѣхали, лежить великое множество наноснаго льса. Къ югу и юго-западу отъ нашего ночлега показывались въ нѣкоторомъ отдаленіи горы, простиравшіяся до восточнаго берега рѣки. Самый берегъ образуетъ здѣсь значительную бухту, обращенную къ северу, и подымаясь мало по малу на востокъ, достигаетъ 6 сажень высоты.

Прямо къ северу отъ насъ, на морѣ, показывалась бѣлая полоса, имѣвшая по видимому параллельное съ берегомъ направленіе; въ послѣдствіи нашли мы, что то было ни что иное, какъ большіе *торосы* *, поднявшіеся надъ поверхностью моря; издали, по своему разнообразному устроению, часто давали они поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ о существованіи земель и береговъ.

Во время ночи взялъ я нѣсколько разстояній между луною и Поллуксомъ, которыхъ не могъ однакожь употребить для опредѣленія долготы, потому, что когда хотѣлъ я, съ помощію искусственнаго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высотъ *Капеллы* и опредѣлить истинное время, то нашель, что на поверхности ртути образовались кристалы, отъ чего она хотя и не замерзла, но сдѣ-

* *Торосами* называютъ на северныхъ берегахъ Сибири большія неправильнаго образованія громады льда, которые на Ледовитомъ морѣ, подобно скаламъ, поднимаются на высоту до 100 футовъ надъ гладкою ледяною поверхностью и весьма затрудняютъ ѣзду, а иногда дѣлаютъ ее и вовсе невозможною.

лалась столь неровною, что я принужденъ былъ прекратить мои наблюденія.

Вообще сильный холодъ часто затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзненные опыты, и въ послѣдствіи принуждены были чѣмъ нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыхъ должны были касаться пальцами или лицомъ, потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ примерзала къ металлу. Также въ продолженіе всего наблюденія, а особенно при считаньи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе, а иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льда, или инеемъ, что происходило даже отъ одной испарины нашего тѣла. Не смотря на то, мало по малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° мороза, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью сосчитывали на дугѣ секстана градусы, минуты и секунды.

На хронометры также простерлось вліяніе холода; они сами собою остановились. Опасаясь этого носилъ я ихъ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обернутый нѣсколькими шкурами ящикъ, который клалъ съ собою подъ одѣяло. Не смотря на мои предосторожности, вѣроятно, ночью, когда огонь потухъ въ нашей палаткѣ, холодъ, проникнувъ черезъ всю обертку, заморозилъ масло, между колесами находившееся, и остановилъ ихъ движеніе.

Февраля 28-го, по утру, было 27° холода, а вечеромъ $25\frac{1}{2}^{\circ}$, съ свѣжимъ SW вѣтромъ, который былъ намъ попутный, а потому и неслишкомъ насъ затруднялъ. Воздухъ былъ пасмурень и туманень, такъ, что мы едва могли отличать берегъ, вдоль котораго ѣхали, направляя нашъ путь на лежащей передъ нами высокой мысѣ, показывавшейся сквозь туманъ. Здѣсь, подъ защитою довольно крутаго и обрывистаго землянаго уступа (яра), остановились мы на ночлегъ, проѣхавъ сегодня, по причинѣ рыхлаго снѣга, не болѣе 27 верствъ. Желая согрѣться, влѣзли мы на гору, и нашли тамъ нѣсколько бревень, оленьихъ рогъ, углей и другихъ признаковъ, что на семь мѣств находилась нѣкогда юрта, или другое тому подобное жилище. Къ вечеру атмосфера нѣсколько прояснилась, такъ, что г. Козмину удалось взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, которыя показали, что нашъ ночлегъ лежалъ подъ $167^{\circ} 43'$ долготы. Полуночная высота луны дала намъ $69^{\circ} 38' 24''$ широты. Здѣсь устроили мы третью сайбу для провіанта.

Ночью одна изъ нашихъ собакъ подняла сильный лай. Мы все бросились изъ палатки, но ничего не могли разсмотрѣть. Наши проводники увѣряли, что собаки чуяли близость Чукчей, и боясь внезапнаго нападенія, всю ночь не могли сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро (1 Марта) продолжали мы путь. Термометръ цѣлый день показывалъ болѣе

25°. Легкій NW вътеръ, разогнавъ облака, очистилъ атмосферу. Въ полдень опредѣлили мы 69° 42' 48" широты; склоненіе магнитной стрѣлки было 18½° восточное.

Берегъ, направляясь здѣсь на NNO, образуетъ уступъ (яръ), поднимающійся на 5 и болѣе саженъ надъ поверхностью моря. На берегу нашли мы недавно оставленную Чукотскую хижину, вокругъ которой ясно видны были слѣды саней, мѣста, гдѣ горѣли огни, и проч. Хотя я и не раздѣлялъ боязни нашихъ проводниковъ (они хотѣли было тотчасъ возвратиться назадъ), но призналъ за нужное ставить на ночь у нашей палатки караульнаго.

На разстояніи 3½ верстъ отъ мѣста полуденнаго наблюденія широты встрѣтили мы довольно значительное, открытое къ сѣверу углубленіе въ берегу, стороны, котораго казалось, соединялись въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, а потому мы и приняли сіе углубленіе за бухту, или маленькій заливъ. Но въ слѣдующіе годы, по ближайшемъ наблюденіи, мы нашли, что то былъ проливъ, названный Шалауровымъ *Собадей*, отдѣляющій островъ сего имени отъ твердой земли. Мы направили путь по сему проливу и на срединѣ длины его нашли нѣсколько Чукотскихъ хижинъ, довольно тщательно выстроенныхъ изъ наноснаго листовничнаго лѣса; напавшій снѣгъ покрылъ слѣды саней и отнялъ у насъ возможность узнать направленіе, по которому поѣхали Чукчи. На сѣверномъ концѣ про-

ливъ $5\frac{1}{2}$ верстъ ширины, но она однакожь примѣтно суживается на противоположномъ концѣ. Берегъ твердой земли плоскій, а къ востоку становится холмистъ. Берегъ острова Собадея, напротивъ, крутой и обрывистый, возвышается на 20 и болѣе сажень. Подъ защитою сего уступа расположились мы ночлегомъ, проѣхавъ сегодня 23 версты. По полудночной высотѣ луны опредѣлили мы широту нашего ночлега въ $69^{\circ} 48' 46''$ и $168^{\circ} 4'$ долготы, по разстоянію луны отъ Алдебарана. Здѣсь снова нашли мы слѣды Чукчей. Съ вершины близлежащаго холма видѣли вдали обширную тундру.

Сегодня на дорогѣ былъ намъ случай наблюдать совершенно новый, замѣчательный феноменъ: на Ю горизонтъ показалось совершенно отдѣльное, темно-сѣраго цвѣта облако, изъ котораго, по направленію зенита, протягивались бѣловатыя лучи къ противоположной части неба и давали явленію сходство съ сѣвернымъ сіяніемъ. Не могу утверждать, чтобы сіи лучи, подобно лучамъ сѣвернаго сіянія, имѣли свѣтъ, потому, что явленіе, продолжавшееся съ полчаса, наблюдали мы днемъ, когда свѣтъ лучей не можетъ быть замѣтенъ при сильномъ сіяніи солнца. Казацкій сотникъ Татариновъ, бывшій уже прежде въ сихъ странахъ съ Геденштромомъ, увѣрялъ, что видимое нами темное облако было ни что иное, какъ поднявшіяся, но еще не разсѣявшіяся испаренія изъ внезапно происшедшихъ во льду тре-

щинъ, или отверзтій (польней). Если принять такое предположеніе, то бѣловатые лучи образовывалъ тотъ же паръ, мало по малу раздѣляющійся и освѣщаемый солнцемъ. Вечеромъ наблюдали мы на горизонтѣ сѣверное сіяніе, которое занимало все протяженіе отъ NO до NW, и попеременно, то являлось, то пропадало.

На слѣдующее утро (2-го Марта), при ясной погодѣ и 27° холода, едва отъѣхали мы отъ нашего ночлега, какъ г. Козьмину показалось, будто онъ видитъ землю. Мы остановились и тотчасъ влѣзли на высокій берегъ, откуда ясно увидѣли, что мнимую землю составляли груды льда (торосы), нагроможденныя на краю необозримой польни. Въ полдень опредѣлили мы широту 69° 52' 6". Около двухъ верстъ на NNO отъ сего пункта прекращаются высокіе крутые берега и земля является снова плоскою. Сему мѣсту, вѣроятно, далъ лейтенантъ Лантевъ названіе Пещаного мыса, хотя здѣсь собственно незамѣтно никакого мыса, потому, что берегъ нечувствительно направляется отъ NO къ O, не образуя значительнаго углубленія въ море.

Мѣсто, гдѣ прекращается возвышенный и начинается плоскій берегъ, лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 69° 52½' широты и 168° 00' долготы, на востокъ отъ Гринвича. Отсюда ѣхали мы, то по морю, то по землѣ. Берегъ здѣсь почти нисколько не возвышается надъ моремъ и, вѣроятно, лѣтомъ, онъ, и весь рядъ

параллельно съ нимъ идущихъ, наносныхъ пещаныхъ холмовъ, покрываются водою.

Долго и напрасно искали мы наноснаго лѣса, который вообще къ востоку отъ пролива Собадея рѣдко встрѣчается; наконецъ нашли на берегу нѣсколько бревенъ, но онѣ были сюда, вѣроятно, перетащены Чукчами, слѣды коихъ ясно видѣли мы по всей окрестности. Сегодня проѣхали мы уже 25 верстъ, и я рѣшился здѣсь переночевать. Мы выстроили четвертую сайбу и отослали въ Нижне - Колымскъ послѣднія провѣантскія нарты. Такимъ образомъ съ нами остались только три дорожныя нарты, на которыхъ, кромѣ меня и г. Козьмина, находились для управленія собаками три казака. По высотѣ луны опредѣлили мы здѣсь широту въ $69^{\circ} 57' 42''$, а долготу, по нашему исчисленію и по пеленгамъ, была $168^{\circ} 41'$.

Вечеромъ наблюдали мы прекраснѣйшее сѣверное сіяніе. Небо было чисто и безоблачно; звѣзды блистали яркимъ арктическимъ свѣтомъ. При легкомъ NO вѣтрѣ поднялся отъ NNO огромный свѣтящійся столбъ, и лучи его, подобно широкимъ пламеннымъ полосамъ, разливались на небѣ по направленію вѣтра, безпрестанно перемѣняясь и, казалось, приближаясь къ намъ. Судя по скорости, съ какою свѣтлые лучи проѣзжали пространство горизонта до нашего зенита, менѣе нежели въ 2 секунды, полагали мы, что сѣверное сіяніе было къ землѣ ближе обыкно-

венной высоты облаковъ. Въ продолженіе явленія не замѣтили мы никакой переменъ на магнитной стрѣлкѣ компаса, что, конечно, приписать должно грубому его устройенію.

Наши казаки уже нѣсколько разъ просили дать собакамъ отдохнуть и собраться съ силами; по ихъ новой просьбѣ о томъ, рѣшился я остаться еще одинъ день здѣсь (3-го Марта). Отдыхъ былъ благодѣтеленъ для собакъ, но для насъ несносенъ. Мы расположились на совершенно открытой, ни чѣмъ не защищенной равнинѣ, гдѣ, при 25° и 29° мороза, съ рѣзкимъ NO вѣтромъ, у насъ былъ такой скудный запасъ дровъ, что мы могли только кипятить чай и супъ, а остальное время проводили безъ огня. Къ тому присоединилась еще мучительная неизвѣстность объ успѣхъ нашей повѣздки и настоящемъ положеніи предѣла ея, Шелагскаго мыса. Наши малые запасы не позволяли намъ предпринять безопасный, хотя и дальнѣйшій путь вдоль берега, имѣющаго здѣсь почти южное направленіе. На морѣ, прямо передъ нами, лежали высокіе ледяные холмы и заграждали намъ совершенно видъ вдаль, а какъ истинное положеніе Шелагскаго мыса не было еще опредѣлено, то въ отысканіи его мы потеряли бы много времени, чего, при недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, должно было всячески избѣгать. Мы были въ нерѣшимости, что предпринять, когда при закатѣ солнца замѣтили на восточномъ краю горизонта два довольно значительные холма, при-

нятые нами сначала за одинъ, сѣверная вершина коихъ лежала отъ насъ $NOtO\frac{1}{2}O$. Наши проводники были увѣрены, что мы нашли землю, которой искали, и радовались, что открытіе ея удалить насъ отъ сосѣдства Чукчей, ибо они все еще ихъ боялись. Петербливо ожидали мы разсвѣта, надѣясь, что сѣи два холма составляютъ Шелагскій мысъ, предметъ поисковъ безстрашнаго Шалаурова.

Рано по утру, 4-го Марта, небо покрыто было облаками; слабый SO вѣтеръ нагонялъ снѣгъ; термометръ показывалъ $13\frac{1}{2}^{\circ}$ (вечеромъ 18°). Мы весьма радовались такой умѣренной температурѣ; послѣ сильныхъ морозовъ, она казалась намъ даже теплою; наши проводники увѣряли, что въ здѣшнихъ краяхъ никогда не бываетъ холода, и завидовали счастію Чукчей, живущихъ въ столь теплому климатѣ.

Мы ѣхали по крѣпко-смерзшемуся снѣгу, то между ледяными громадами, то черезъ нихъ, стараясь по возможности направлять путь нашъ прямо на видѣнныя горы. Но вскорѣ мы увѣрились, что онѣ были отъ насъ гораздо дальше, нежели намъ казалось. Наступающія сумерки и усталость нашихъ собакъ, пробѣжавшихъ сегодня, по крайней мѣрѣ, 61 версту, принудили меня остановиться на ночлегъ между торосами. Здѣсь замѣтили мы, что нашъ мнимый островъ былъ мысъ, на которомъ подымались три куполовидныя горы; восточная изъ нихъ казалась выше прочихъ. Къ югу отъ сихъ горъ тянется

рядъ холмовъ, обставленныхъ по скатамъ такими же каменными громадами, какія замѣтили мы при Барановомъ Камнѣ; воображеніе нашихъ боязливыхъ проводниковъ видѣло въ сихъ обломкахъ скалъ и утесовъ большой лагерь Чукчей, готовившихся къ битвѣ съ пришельцами.

Съ вершинъ льдины (въ 5 сажень высоты), подлѣ которой разбили мы палатку, показалось намъ вдали открытое море, отражавшее въ прозрачной водѣ черныя скалы и утесы берега, принимаемаго нами за Шелагскій мысъ. Черезъ нѣсколько минутъ открытое море перемѣнилось въ гладкую ледяную равнину. Съ такою же быстротою покрылась она множествомъ неровностей и возвышеній, а потомъ на всемъ пространствѣ появились большія плавающія льдины самыхъ разнообразныхъ видовъ. При нѣсколько перемѣнившемся положеніи солнца, онѣ въ свою очередь исчезли, и мы ясно увидѣли необозримую, до краевъ горизонта простиравшуюся стѣну огромнѣйшихъ торосовъ. По причинѣ сильнаго преломленія лучей на Ледовитомъ морѣ, подобныя оптическіе обманы и превращенія весьма обыкновенны, и вѣроятно, не разъ подавали они путешественникамъ поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о существованіи острововъ, береговъ и мысовъ.

Нашъ дровяной запасъ совершенно истощился, и для разведенія малаго огня, чтобы сварить себѣ супъ, принуждены мы были пожертвовать тремя шестью палатки и парою запасныхъ санныхъ полозьевъ. Къ счастью, и на слѣдующій день (5 Мар-

та) продолжался SO вѣтеръ, который и въ Нижне-Колымскъ приноситъ теплую погоду; термометръ показывалъ не болѣе 18°, и мы переносили такой холодъ безъ огня.

Проехавъ около 30 верстъ между высокими торосами, и перебравшись съ величайшимъ трудомъ черезъ острогранную льдистую стѣну, достигли мы наконецъ сѣверо-западной оконечности *Шеллагскаго носа*. Путь около него превзошелъ трудностями и опасностью все доселѣ нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутя, въ 90 футовъ вышиною ледяныя горы, и съ такой вышины спускаться по крутизнѣ, находясь каждую минуту въ опасности переломать сани, задавить собакъ, или низвергнуться вмѣстѣ съ ними въ ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большимъ пространствамъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый, наносный снѣгъ; иногда встрѣчали мы между торосами непокрытыя снѣгомъ мѣста, усыянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими ледъ съ полозьевъ нартъ и дотогу затруднявшими ѣзду, что мы должны были сами запрягаться, и вмѣстѣ съ собаками, съ величайшими усиліями, тянуть сани, чтобы не остаться на дорогѣ. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли намъ мысль. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы приближались къ берегу, состоялъ онъ изъ черной, плотной и блестящей, неизвѣстной мнѣ каменной породы, и являлся въ видѣ правильныхъ, наклонно лежащихъ столбовъ,

до 250 футовъ вышиною, между которыми кой гдѣ проглядывали, въ нѣсколько сажень ширины, полосы бѣлаго мелко-зернистаго гранита. Мрачные черные утесы, вѣками нагроможденные, никогда не растаявающія ледяныя горы, необозримое, вѣчнымъ льдомъ скованное море, все освѣщенное слабыми, скользящими лучами едва поднимавшагося надъ горизонтомъ полярнаго солнца, совершенное отсутствіе всего живущаго и ничѣмъ непрерываемая могильная тишина, представляли намъ картину, какъ будто мертвой природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли предѣловъ живаго творенія.

Продолжая, съ неимоверными усиліями, нашъ путь въ теченіе пяти часовъ, и пройдя около 9 верстъ, мы и наши собаки такъ измучились, что принуждены были остановиться. Для ночлега выбрали мы маленькую бухту, низменный и пещаный берегъ которой, постепенно возвышаясь, сливался въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи съ цѣпью холмовъ, соединенныхъ съ главными горами Шелагскаго мыса, возвышавшагося болѣе нежели на 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Къ великой радости, мы нашли здѣсь нѣсколько наноснаго лѣса (впрочемъ только сосноваго). По видимому, онъ очень давно лежалъ здѣсь. Мы тотчасъ развели большой огонь и спѣшили, послѣ долгаго времени, опять согрѣться и высушить, или, по крайней мѣрѣ, оттаять нашу одежду. Казалось, Чукчи посвѣщали сей

край; мы нашли здѣсь большую кучу китовыхъ ребръ, мѣсто, гдѣ недавно былъ разложенъ огонь, и недалеко оттуда большое бревно, вертикально врытое въ землю, такъ, что не болѣе трехъ футовъ торчало оно надъ поверхностью. При ярко нимающемъ огнѣ, мы провели очень пріятную ночь и собрали столько силы и тепла, что на другой день (6 Марта) 19° мороза, съ вѣтромъ и мятелью, казались намъ менѣе ощутительны.

Наши запасы приходили къ концу и могли достать еще дня на три неболѣе, и какъ мы не были увѣрены, что найдемъ въ цѣлости оставленные нами складки провіанта, то я колебался: ѣхать ли далѣе, или возвратиться назадъ? Наконецъ рѣшился я продолжать путь, съ тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, определить истинное направленіе сей части берега, по извѣстному мнѣнію Бурнея, составляющей перешеекъ, связывающей будто бы Азію съ Америкою. Я выбралъ самыхъ надежныхъ, сильныхъ собакъ, и на двухъ разгруженныхъ нартахъ повхалъ далѣе; третья нарта, съ остаткомъ нашихъ запасовъ, осталась на мѣстѣ ночлега, подъ охраненіемъ казака; зная языкъ Чукчей, онъ могъ, въ случаѣ необходимости, съ ними объясняться.

(Къ счастью, мы нашли узкую полосу твердаго и гладкаго льда, и ѣхали по ней очень скоро вдоль берега, кромѣ немногихъ незначительныхъ уклоненій, направляющагося прямо на $SO\ 80^{\circ}$, и состоящаго изъ утесовъ, углами упирающихся въ море; изрѣдка попадаетъ индѣ

плоскій, пещаный берегъ. Скалы сіи состоятъ изъ той же черной породы и черного шифера, какъ прежде нами видѣнныя. Въ 17 верстахъ отъ нашего ночлега взявъ я полуденную высоту солнца и опредѣлилъ широту $70^{\circ} 03' 24''$. Около 12 верстъ далѣе скалы исчезаютъ и горы удаляются отъ берега, который сплошь становится дресвянымъ. Съ вершины горы, близъ берега лежащей, замѣтили мы, на разстояніи 24 миль къ SO 48° , далеко вдавшійся въ море мысъ, который назвалъ я, по имени моего ревностнаго сотрудника въ экспедиціи, *мысомъ Козьмина*. Къ сѣверу и NO отъ насъ, кромѣ пространныхъ, болѣе или менѣе гладкихъ, ледяныхъ полей, не представлялось намъ никакого замѣчательнаго предмета. Отъ конца черныхъ скалъ до мыса Козьмина плоскій и дресвяный берегъ образуетъ легкій изгибъ, приближаясь къ подошвѣ горъ, отстоящихъ довольно далеко отъ берега. У мыса впадаетъ въ море маленькій ручей, которому дали мы названіе *Поворотнаго*. И здѣсь нашли мы слѣды Чукчей, а именно большую яму, наполненную китовыми ребрами и угольями. Судя по огромнымъ, подлѣ берега стоящимъ льдинамъ, должно думать, что море здѣсь очень глубоко, и какъ берегъ не представляетъ никакихъ заливовъ, или углубленій, то плаваніе по сей части моря должно быть опасно, ибо суда не имѣютъ никакой защиты отъ напора льдовъ.

При совершенномъ недостаткѣ всякаго рода припасовъ не было возможности продолжать путь;

я принужденъ былъ обратиться отсюда назадъ, довольствуясь на сей разъ открытіемъ, что берегъ Азіи, миль на 40 къ востоку отъ Шелагскаго мыса, имѣеть юго-восточное направле- ніе. Мы обозначили предѣлъ нашей поѣздки пи- рамидою, сложенною изъ большихъ камней, не- далеко отъ устья ручья, на довольно значитель- номъ холмѣ, и опредѣлили его положеніе въ $70^{\circ} 00' 37''$ сѣверн. широты и $171^{\circ} 47'$ долготы къ востоку отъ Гринвича. Пирамида сія отстоитъ отъ Сухарнаго на 418 версть. *

Возвратный путь былъ также незатруднителенъ, и поздно вечеромъ достигли мы палатки нашей на Шелагскомъ мысѣ, гдѣ остававшійся казакъ, желая оставить послѣ насъ какой нибудь памят- никъ, занимался сколачиваніемъ большого кре- ста изъ двухъ бревенъ. Мы помогли окончить ему работу, выжгли на крестѣ годъ, мѣсяцъ и день нашего здѣсь пребыванія, и поставили его на высочайшемъ изъ сосѣднихъ утесовъ. На другой день (7 Марта), при 28° мороза, рѣзкомъ вѣтрѣ и вьюгѣ, начали мы обратный путь. Для избѣ- жанія затруднительнаго и для нашихъ саней опаснаго переѣзда черезъ торосы, рѣшился я ѣхать по твердой землѣ, чрезъ низкіе холмы, къ WSW отъ насъ лежащія. Симъ путемъ уда-

* Не привожу точнѣйшаго опредѣленія географическаго по- ложенія Шелагскаго мыса, ни другихъ астрономически опре- дѣленныхъ пунктовъ берега, потому, что все это помѣщено бу- детъ въ повѣствованіи о путешествіяхъ по льду, предприня- тыхъ нами въ слѣдующіе годы.

лось намъ миновать тороса и выѣхать на гладкую поверхность моря. Вѣроятно, это самый тотъ волокъ, по которому, въ 1700 году, купецъ Тарасъ Стадухинъ, отправившійся изъ Нижне-Колымска къ востоку водою на кочь, возвратился назадъ, видя невозможность обойти мысъ, * названный имъ *Великимъ Чукотскимъ*, но въ послѣдствіи получившій названіе Шелагскаго.

Мы слѣдовали почти въ южномъ направленіи вдоль по берегу, крутыя, обрывистыя скалы котораго мало по малу превращаются въ плоскіе округленные холмы, за коими однакожь, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видна цѣпь крутыхъ, островерхихъ горъ. Отѣхавъ версть 25 отъ Стадухинскаго волока, расположились мы на ночлегъ на дресвяномъ берегу залива, обращеннаго на востокъ, и нашли здѣсь множество наноснаго лѣса. Надобно замѣтить, что онъ состоялъ исключительно изъ толстыхъ листовичныхъ стволовъ, когда до сихъ поръ мы не встрѣчали другихъ древесныхъ породъ, кромъ сосенъ. При легкомъ западномъ вѣтрѣ, по утру было 30° холода, а вечеромъ 27°.

Проехавъ 10¹/₂ версть, находились мы, на разстояніи 4¹/₂ версть, почти на параллели мыса, довольно тупымъ угломъ выдающагося въ море и образующаго небольшой заливъ; мысъ сей называлъ я по имени г. Матюшкина. Онъ замѣчате-

* См. глава I, стр. 23.

лень особенно по высокой, лежащей на немъ горѣ, называемой Чукчами *Раутанъ*, отъ которой внутренняя цѣпь горъ принимаетъ SO направление. Здѣсь опредѣлили мы, по полуденной высотѣ солнца, $69^{\circ} 44' 43''$ широты, и по полуденной тѣни склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное. Мысъ Матюшкина лежитъ подь $69^{\circ} 43' 50''$ широты и $170^{\circ} 47'$ долготы отъ Гринвича. Въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ верстѣ отъ него, между WNW и SW, плоскій островъ, называемый Чукчами *Араутанъ*, отдѣленный отъ твердой земли едва замѣтнымъ проливомъ. Мы обогнули южную сторону острова и направили путь на западъ, черезъ *Чаунскій заливъ*. Провѣхавъ 25 верстѣ, достигли мы низкихъ береговъ острова *Собадеа*, и еще 7 верстѣ вѣхали вдоль берега, прежде нежели могли найти нѣсколько наноснаго лѣса. Здѣсь разбили мы для ночлега палатку, подь защитою невысокаго землянаго уступа. Сильная, продолжительная вьюга и наступившая темнота препятствовали намъ съ точностію опредѣлить изгибы берега. Цѣлый день, 8 Марта, холодъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и чувствителенъ.

Марта 9-го продолжали мы путь вдоль берега острова *Собадеа* на N и NO, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ устроили 2-го Марта четвертую сайбу, которую, поздно вечеромъ, нашли въ совершенной цѣлости, что было намъ весьма пріятно, ибо наканунѣ издержали мы уже весь остатокъ нашихъ запасовъ. Въ послѣдствіи не

были такъ счастливы. Отъ остальныхъ трехъ сайбъ остались только рыбы кости; вѣроятно, не смотря на предосторожности наши, песцы и рассомахи, которые здѣсь во множествѣ водятся, наши доступъ къ нашимъ запасамъ и все истребили, какъ нашъ провіантъ, такъ и кормъ собачій. Наши запасы вышли, и несмотря на бережливость, съ какою дѣлили мы найденную въ одной сайбѣ поклажу, принуждены мы были два послѣдніе дня оставаться безъ пищи. Я утѣшалъ моихъ товарищей, увѣряя, что въ слѣдствіе сдѣланнаго мною передъ отъѣздомъ распоряженія, на Сухарномъ островѣ ожидаютъ насъ нарты съ новыми собаками и провіантомъ; но моя надежда не сбылась, * и мы принуждены были, томясь голодомъ, продолжать путь на обезсиленныхъ и измученныхъ собакахъ.

Марта 14-го прибыли мы наконецъ, послѣ 23-хъ дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего до 1122 верстъ, въ Нижне-Колымскъ, гдѣ въ полномъ смыслѣ наслаждались пріятностями топленой комнаты и поряточно свареной пищи. Здѣсь наши мы доктора Кибера, который еще 20-го Фе-

* Причиною тому былъ поздній пріездъ окружнаго Комиссара изъ Средне-Колымска. Купцы, отправлявшіеся въ Островное на ярмарку, должны были на Анюю долго ожидать его, а потому собаки ихъ возвратились только 20-го Марта, когда по моему разчету не позже 10 Марта, могли онѣ уже быть въ Сухарномъ, гдѣ два дня отдыха и хорошій кормъ совершенно ихъ оправилъ бы. Такое позднее возвращеніе собакъ, которыхъ мы хотѣли употребить для нашего втораго путешествія по льду, значительно замедлило нашъ отъездъ.

время прибылъ изъ Иркутска; но, къ сожалѣнію, затруднительная зимняя дорога такъ повредила его здоровью, что во второмъ путешествіи по льду онъ не могъ участвовать.

Марта 19-го возвратился г. Матюшкинъ изъ Островнаго, гдѣ онъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Чукотскіе старшины съ удовольствіемъ и благодарностію приняли привезенные имъ подарки, и увѣрили, что мы встрѣтимъ самый дружескій пріемъ, если посѣдимъ ихъ страну и жилища. О землѣ, которая будто бы видна въ морѣ съ береговъ, никто изъ Чукчей не зналъ.

Цѣлью путешествія г. Матюшкина было, какъ я уже сказалъ, предупрежденіе недоувѣрчивыхъ Чукчей о нашемъ посѣщеніи и опытъ пріобрѣсти ихъ расположеніе предварительными подарками и указаніемъ тѣхъ выгодъ, какія могутъ они извлечь изъ дружелюбныхъ сношеній и торговли съ Рускими. Хотя отзывы Чукчей дѣлали невѣроятнымъ открытіе земли, которая по предположеніямъ видна съ ихъ береговъ, но путешествіе г. Матюшкина тѣмъ занимательно, что знакомитъ насъ, изъ многихъ кочевыхъ племенъ, живущихъ подъ скипетромъ Россіи, именно съ такимъ народомъ, о которомъ до сихъ поръ было только извѣстно, что онъ обитаетъ по сѣверовосточнымъ берегамъ Ледовитаго моря, въ странѣ, климатъ которой можетъ устроить самаго страстнаго и неутомимаго путешественника.

Мы тотчасъ начали приготовляться ко второму путешествію по льду, но прежде нежели приступлю я къ описанію его, для соблюденія порядка времени и полноты предмета неизлишнимъ будетъ представить краткое извлеченіе изъ отчета г-на Матюшкина о посѣщеніи Островенской ярмарки.

ГЛАВА VII.

—

Отчетъ г-на Матюшкина о поездкѣ въ мѣстечко Островное и тамошней ярмаркѣ. Замѣчанія о встрѣченныя Чукчахъ и о шаманахъ.

—

Марта 4-го отправились мы, на двухъ нартахъ, изъ Нижне-Колымска въ Островное. Меня сопровождали казакъ и Якутъ, знавшій Чукотскій языкъ, и сверхъ того известный Англійскій пѣшеходъ Кокренъ, который хотѣлъ отправиться изъ Островнаго, съ возвращающимися Чукчами, на Чукотскій Носъ, а оттуда перейти въ Америку.

Глубокій снѣгъ, наметенный сильною выскою огромными грудями, весьма затруднялъ ѣзду, такъ что въ первый день, не смотря на все усилія, мы не могли достигнуть новарни, въ 40 верстахъ отъ Нижне-Колымска устроенной. Надобно было провести ночь подъ открытымъ небомъ. Мы вы-

брали для привала высокій берегъ рѣки, защищенный отъ сѣвернаго вѣтра небольшимъ лѣсомъ. Къ счастью, погода, по здѣшнимъ понятіямъ, была очень тепла (термометръ показывалъ только 8° холода), и мы провели ночь, около большого костра, очень хорошо.

На другой день, рано по утру, отправились далѣе и ѣхали скоро, по хорошей дорогѣ, проложенной Юкагирами и другими окрестными жителями, которые съ своими товарами (мѣхами и рыбою) спѣшили на ярмарку въ Островное. Мы скоро достигли Малаго, или Сухаго Анюя, и поѣхали къ его вершинѣ (почти прямо на востокъ), стараясь по возможности сокращать прямыми линиями частые изгибы рѣки. По берегамъ ея разсѣяны Юкагирскія селенія и лѣтовья, но теперѣ дома были пусты, потому что всѣ жители уѣхали на ярмарку. *

Марта 8-го прибыли мы счастливо въ Островное, мѣстечко, величаемое крѣпостью; оно лежитъ въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска, и устроено на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Анюемъ, подъ 196° 10' долготы и 68° широты. Кромѣ полуразвалившейся часовни Святаго Николая, въ немъ находится до 30-ти домовъ и

* За 40 лѣтъ прежде, ярмарка производилась въ Анадырскомъ и Каменномъ, куда и нынѣ собираются Чукчи и сосѣднія племена, но тамъ Рускихъ товаровъ обращается не много. Главный торгъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, единственно по взаимному согласію торгующихъ, переведенъ въ Островное, которое по положенію своему гораздо удобнѣе для Рускихъ купцовъ.

юртъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ. Крѣпость состоитъ изъ мѣста, обнесеннаго заборомъ, съ ветхою башнею надъ воротами; въ срединѣ построены двѣ, такъ называемыя, казармы, т. е. хижины для комиссара съ канцеляріею и сопровождающими его казаками; во время ярмарки всѣ строенія мѣстечка набиты людьми и недостаточны для вмѣщенія многочисленныхъ посетителей, которые, по большей части, живутъ на открытомъ воздухѣ подлѣ своихъ нартъ и товаровъ. Чукчи разбиваютъ свои палатки на маленькомъ островѣ, недалеко отъ мѣста торга.

Вся окрестность оживлялась народомъ и дѣятельностью. Картина представляла много страннаго, но тѣмъ не менѣе была пріятна и носила на себѣ отпечатокъ оригинальности. Крѣпость и окрестные дома, съ трудомъ вырытые изъ-подъ снѣга, не были большимъ украшеніемъ ландшафта, но вечеромъ, когда всѣ недостатки строеній скрывались, а тускло свѣтящіяся сквозь ледяныя стекла огни обличали близость жилья человѣческаго, видъ селенія производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Пылающіе костры, разложенные подлѣ вожовъ и нартъ, высокіе столбы красноватаго, искристаго дыма, возстающіе изъ Чукотскихъ палатокъ и постепенно исчезающіе на темноголубомъ небосклонѣ, усыянномъ ярко-блестящими звѣздами, и перебѣгающіе по краямъ горизонта красныя и зеленовато-бѣлыя лучи сѣвернаго сіянія, бросали на окрестность какой-то необыкновенный для непривычнаго глаза свѣтъ. Вдали

раздавались глухіе звуки шаманскихъ бубновъ и протяжныя пѣсни Сибиряковъ. Новизна такого зрѣлища въ безмолвныхъ пустыняхъ сѣвера имѣла для меня много привлекательнаго; я могъ бы даже восхищаться живою картиною Сибирской жизни, но рѣзкій, въ 30° холодъ гналъ несроднивагося съ здѣшнимъ климатомъ къ горящему чувалу, а разноголосный вой нѣсколькихъ сотъ собакъ убивалъ всякое эстетическое расположеніе.

Въ крѣпости останавливается Коммисаръ, съ двумя писцами и нѣсколькими казаками. На время ярмарки пріѣзжаетъ онъ сюда для собиранія податей, надзора за порядкомъ и защиты, въ случаѣ нужды, Русскихъ купцовъ отъ Чукчей. Къ счастью, не бываетъ ссоръ между торгующими, а то деревянныя стѣны крѣпости и Коммисаръ, съ малочисленнымъ, плохо вооруженнымъ гарнизономъ, не были бы въ состояніи ни минуты сопротивляться многочисленной толпѣ воинственныхъ Чукчей. На время ярмарки пріѣзжаетъ изъ Нижне-Колымска и священникъ, привозя съ собою необходимыя для священнодѣйствій образа и утварь.

Вмѣстѣ съ нами прибыли въ Островное Рускіе купцы, караваномъ изъ 125-ти вьючныхъ лошадей. Чукчи уже собрались сюда прежде и расположились девятью отдѣльными станами, каждый родоначальникъ съ своими домочадцами особо. Путь сего народа въ Островное довольно замѣчательнъ. Сначала Чукчи переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и намѣнявъ тамъ мѣховъ

и моржовыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мохомъ, Чукчи часто должны уклоняться отъ прямой дороги и совершаютъ свое путешествіе въ пять и шесть мѣсяцовъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество саней, нагруженныхъ мохомъ для оленей. На берегахъ Чаунской губы Чукчи перемѣняютъ своихъ утомленныхъ оленей у кочующихъ тамъ племенъ и слѣдуютъ далѣе. Посѣщая по дорогѣ ярмарки въ Анадырскѣ и Каменномъ на р. Ижигѣ, Чукчи приходятъ въ Островное обыкновенно въ концѣ Января, или началѣ Февраля. Здѣсь пробываютъ они девять или десять дней, и отправляются обратно прежнимъ путемъ. Обыкновенно караванъ ихъ состоитъ изъ трехъ сотъ человекъ, въ томъ числѣ 100 и 150 воиновъ. Такъ проводятъ жизнь свою Чукчи въ непрерывныхъ переходахъ со всемъ имуществомъ и семействами. Каждый караванъ приходитъ въ Островное однажды въ два года; остальное время проводятъ Чукчи въ горахъ и тундрахъ своей родины, занимаясь охотою и приготовленіями къ переходамъ. Тогда перевзжаютъ они на утлыхъ байдарахъ черезъ Беринговъ проливъ, пристають обыкновенно для отдыха къ Гвоздевымъ островамъ, и являются въ Сѣверную Америку для мѣны на мѣха своихъ произведеній и Русскихъ товаровъ. Должно удивляться смѣлости, съ какою

народъ, не имѣя понятія о судоходствѣ, совершаетъ на маленькихъ байдарахъ столь большіе переѣзды по бурному и туманному морю.

Впрочемъ, Чукчи составляютъ по настоящему только посредниковъ въ торговлю между Русскими и Американцами; собственныхъ своихъ произведеній, кромѣ развѣ оленьихъ шкуръ, пускаютъ они въ оборотъ немного. За Американскія произведенія, мѣха и моржовые клыки, платятъ Чукчи, по большей части, табакомъ, желѣзомъ, бисеромъ и другими Русскими товарами. При семъ торгъ обѣ стороны, т. е. Чукчи и Рускіе получаютъ огромныя прибыли. Чукчи вымѣниваютъ у Американцовъ за полпуда листоваго табаку партію мѣховъ, которую продаютъ за два пуда и на 100 получаютъ 300 процентовъ выгоды, а Рускіе, заплативъ, по большой мѣрѣ, 160 рублей за два пуда табаку, промѣниваютъ его на мѣха, которые, по крайней мѣрѣ, стоятъ 260 рублей, и выигрываютъ 60 процентовъ.

Мѣха, привозимые Чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржовые ремни и клыки, что все Чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санные полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружія

и Американскія одежды, но какъ такіе товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иголь, мѣдной, жестяной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера для Американцовъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но въ слѣдствіе мудраго и благодѣтельнаго запрещенія Правительства, сіи предметы не являются открыто въ оборотъ, а, вѣроятно, только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для Русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромъ Чукчей, собираются въ Островное всѣ соседнія племена изъ-за 1000 и 1500 верствъ. Юкагиры, Ламуты, Тунгусы, Чуванцы, Коряки привозятъ сюда многочисленными толпами, частію на собакахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ сіи народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянныя полозья для саней, которыя съ выгодною сбываются Чукчамъ на мѣха. Различіе одеждъ, фізіогномій и пріемовъ, пріятно разнообразить и оживляетъ видъ торга.

Февраля 10-го собрались Русскіе купцы и Чукотскіе старшины въ крѣпость къ Коммиссару, прослушать правила, которыя должны

быть наблюдаемы при торгѣ, и съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Последнее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе Русскихъ купцовъ уронило бы непременно цѣну Русскихъ произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ объ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 16 лисьихъ и 20 кунныхъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить известную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

Февраля 11-го, когда Коммисаръ собралъ съ Чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершались въ часовнѣ торжественное богослуженіе и молебствіе * о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда Чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами, въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Рускіе и другіе посѣтителі помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъ-естественная сила схватываетъ Русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною безпорядочною толпою, въ

* Къ сожалѣнію, шаманское богослуженіе Чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

ряды Чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшить первый подойти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются Рускіе. Обвѣщенные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однихъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, перевозносятъ свои товары, и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшатъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ; онъ тотчасъ вскакиваетъ, и съ непокрытой головой и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаграждать потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью Рускихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность Чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копыя, у саней своихъ, и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ; * если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе, и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера Чукчей, даетъ имъ на торгъ

* На Островенской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ беспорядочной смѣси Русскихъ, Чукотскихъ, Якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

большое преимущество передъ Рускими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдають вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою Чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары размѣнены, Чукчи начинаютъ обратный путь, а Рускіе и другіе посѣтители ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустуетъ, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга Сибирская мятель налетитъ на Островное, оно исчезаетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устроивается цвѣтущій торговый городъ. Впрочемъ, не смотря на кратковременность срока и ничтожность податей, платимыхъ Чукчами, ярмарка сія для Сибири довольно значительна. Обыкновенно цѣнность обращающихся здѣсь товаровъ равняется 200,000 рублей. Черезъ постоянныя сообщенія съ Рускими Чукчи познакомились со многими новыми предметами, которые сдѣлались уже для нихъ необходимыми потребностями, какъ то: табакъ и желѣзо. За позволеніе вымѣнивать сіи предметы у Рускихъ, Чукчи, несмотря на свое отвращеніе отъ всякаго признака зависимости, охотно платятъ положенную подать, впро-

чемъ неслишкомъ обременительную. Въ семь году она состояла изъ 30 лисьихъ мѣховъ. Вѣроятно, Чукчи постепенно подчинились бы нѣкоторымъ постановленіямъ, платежу ежегодно ясака, и наконецъ вполне покорились бы Россіи, какъ другіе Сибирскіе народы, еслибы здѣшніе Комиссары своимъ поведеніемъ и обращеніемъ умѣли пріобрѣтать довѣренность и уваженіе дикарей. Къ сожалѣнію, случается противное. Боязливость и необдуманность съ одной и низкое корыстолюбіе съ другой стороны вовлекаютъ Комиссаровъ въ самыя недостойныя поступки, необходимо унижающіе ихъ въ глазахъ Чукчей, которые отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличаются вѣрнымъ, врожденнымъ понятіемъ о правдѣ.

Я воспользовался временемъ ярмарки, стараясь сблизиться съ почетнѣйшими старшинами Чукчей и предувѣдомить ихъ о нашемъ намѣреніи и цѣли посѣтить Чукотскую землю. Въ крѣпость собрались: *Макамокъ* и *Леутъ*, старшины съ береговъ залива св. Лаврентія, *Валетка*, скитающійся съ безчисленными стадами оленей въ тундрахъ, прилегающихъ къ Шелагскому мысу, *Эврашка*, кочующій съ своимъ племенемъ на берегахъ Чаунской губы, и многіе другіе. Угостивъ и одаривъ ихъ табакомъ, я объявилъ имъ, что Государь поручилъ намъ осмотрѣть Ледовитое море, съ его берегами, для того, чтобы найти легчайшее средство привозить Чукчамъ на корабляхъ табакъ, желѣзо и другіе товары. Но какъ при такихъ изслѣдованіяхъ легко можетъ

случиться, что мы принуждены будем приближаться къ берегамъ ихъ родины, и даже выходить на землю, то мы надѣемся встрѣтить дружескій пріемъ отъ туземцовъ, и обѣщаемся въ послѣдствіи щедро награждать за всѣ оказываемыя намъ услуги. Такое обѣщаніе, кажется, нѣсколько обидило Чукчей, и одинъ изъ нихъ, именно Валетка, между прочимъ сказалъ: «Развѣ мы не «подданные сына солнца (Императора)? Онъ намъ «далъ это оружіе для общей пользы, а не съ «тѣмъ, чтобы мы употребляли его во зло, или «вредили нашимъ друзьямъ.» При сихъ словахъ Чукча съ гордостью схватился за серебряную рукоятку кортика, подареннаго его отцу въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ заключеніе всѣ присутствующіе старшины дали мнѣ слово и руки, увѣряя, что они не только примутъ насъ по дружески, но и употребятъ всѣ зависящія средства для споспѣшествованія нашему намѣренію. Договоръ, къ великому удовольствію моихъ гостей, былъ скрѣпленъ порядочною порціею хлѣбнаго вина.

Переговоры моего сопутника Кокрена не были столь удачны. Выдавая себя за купца, онъ просилъ Чукчей провести его до залива св. Лаврентія для перевѣзда оттуда въ Америку, обѣщая имъ за то щедрую награду табакомъ и виномъ. Леуть вызывался доставить Кокрена къ Мегчи-менской губѣ въ Іюнь мѣсяцъ, но требовалъ въ награду 30 пудовъ табаку; Валетка, напротивъ того, хотѣлъ безвозмездно довести Англичанина

до своего кочевья на рѣку Верконъ, и оттуда отправить съ родственникомъ на Чукотскій Носъ, или въ будущемъ году привезти обратно въ Островное. Леутъ требовалъ цѣну слишкомъ огромную, а безкорыстіе Валетки раждало подозрѣніе. Между тѣмъ Кокренъ, познакомившись нѣсколько съ Чукчами, увидѣлъ, что долгое пребываніе съ ними сопряжено съ безчисленными лишеніями и затрудненіями, не можетъ доставить большаго удовольствія, а при совершенномъ незнаніи ихъ языка будетъ даже бесполезно. По симъ причинамъ увѣрившись, что данный ему отъ Губернатора открытый листъ не будетъ большою защитою отъ свирѣпости Чукчей, Кокренъ, рѣшилъ перемѣнить свое намѣреніе и возвратиться въ Нижне-Колымскъ.

Чукчи еще очень мало извѣстны. Немногіе путешественники, посѣщавшіе сіи страны, по кратковременности сношеній съ жителями и по незнанію туземнаго языка, довольствовались только описаніями одежды, нѣкоторыхъ обычаевъ и богослужебныхъ дѣйствій сего народа. Образъ жизни, внутреннее управленіе и понятія Чукчей еще не раскрыты, а потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для составленія точной и вѣрной идеи о характерѣ сего замѣчательнаго племени. Находясь здѣсь едва нѣсколько дней, я не имѣлъ возможности вопросами ближе познакомиться съ мнѣніями, нравами и обычаями Чукчей. Все вниманіе ихъ было устремлено на предстоявшую предъ ними ярмарку, а потому разговоръ и самыя

мысли болѣе клонились къ торговымъ дѣламъ. Сверхъ того я и не смѣлъ много спрашивать, потому что сей народъ, по врожденной недобѣрчивости, легко могъ получить подозрѣніе: не имѣли ли мы злаго намѣренія на его свободу? Впрочемъ, по возможности старался я собирать свѣдѣнія отъ самихъ Чукчей и отъ живущихъ здѣсь Рускихъ. Такимъ образомъ составлены слѣдующія замѣчанія, которыя, при всей неполнотѣ, могутъ служить дополненіемъ существующихъ, и матеріаломъ будущихъ точнѣйшихъ описаній сего малоизвѣстнаго народа.

Изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи, Чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, предѣлы которой отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири значительно стѣснились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, Чукчи, имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ стадъ, которыя даютъ имъ жилища, одежду, пищу, и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. На снѣжныхъ степяхъ своего мрачнаго, льдистаго отечества, подъ легкими палатками изъ оленьихъ шкуръ, Чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходи-

мыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена Сѣверо-Восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ непрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги Рускихъ значительно ослабили сіи междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе Якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило всѣ сосѣднія слабѣйшія племена соединиться совершенно съ Чукчами, и выбравъ военначальниковъ, дружно противостать общему непріятелю. Бой былъ неравенъ. Послѣ нѣсколькихъ поражений, Чукчи, торжествовавшіе всегда надъ слабѣйшими сосѣдями, лишились высокаго понятія о своей непобѣдимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и не хотѣли слѣдовать за ними, въ землю, не обещающую никакого вознагражденія за понесенные труды и опасности.

Рускіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя Рускимъ, Чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе, и нынѣ, какъ мы видѣли, приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всею имуществомъ,

въ Русскія владѣнія для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ Рускими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, подобно Юкагирамъ, Чуванцамъ, Корякамъ, и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, Чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ Рускими.

Многіе Чукчи крещены, но это не имѣло никакого дальнѣйшаго вліянія; они остаются крещеными язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія. Большею части Чукчей крещеніе составляетъ только спекуляцію, посредствомъ которой они надѣются получить нѣсколько фунтовъ табаку, мѣдный котелъ и тому подобные подарки. Отъ того нерѣдко случается, что иные добровольно вызываются вторично креститься, и явно выражаютъ свое негодованіе, когда имъ въ томъ отказываютъ. Священникъ, пріѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмарки въ Островное, обыкновенно находитъ нѣсколькихъ Чукчей и Ламутовъ, которые, въ надеждѣ получить подарки, согласны на крещеніе. При насъ также одинъ молодой Чукча объявилъ, что онъ, за нѣсколько фунтовъ Черкесскаго табаку, желаетъ окреститься. Въ назначенный день собралось въ часовню множество народа и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ смиренно и благопристойно, но когда слѣдовало ему окунуться три раза въ купель съ холодною

водою, онъ спокойно покачалъ головой и представилъ множество причинъ, что такое дѣйствіе во все не нужно. Послѣ долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обѣщанный табакъ, Чукча наконецъ рѣшился и съ видимымъ нехотѣніемъ вскочилъ въ купель, но тотчасъ выскочилъ, и дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовнѣ, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить Чукчу дожидаться окончанія дѣйствія; онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣтъ! больше не хочу, больше не нужно! Давай табакъ.»

Сей случай можетъ служить образчикомъ понятій здѣшнихъ новообращенныхъ о христіанствѣ, которое впрочемъ не можетъ имѣть достаточнаго вліянія и пользы, даже и потому, что не предшествуется предварительнымъ ученіемъ. Кажется, что самое введеніе христіанства, при уединенной, бродячей жизни, еще невозможно тѣмъ болѣе, что священники, по недостаточному знанію языка, не въ состояніи удовлетворительно объяснять основныхъ понятій христіанскаго ученія. С. Петербургское Библейское Общество перевело на Чукотскій языкъ десять заповѣдей, Отче нашъ, Символь Вѣры, и если не ошибаюсь, часть Евангелія, напечатало Русскими буквами и прислало сюда, но сей трудъ не можетъ принести большой пользы. Въ грубомъ Чукотскомъ языкѣ недостаетъ словъ для выраженія новыхъ, отвлеченныхъ понятій, а Рускія

буквы не могут передать многихъ звуковъ, и потому, по свидѣтельству священника и почетнѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, переводъ весьма неудовлетворителенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Вообще крещеные Чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ, на прим., не смотря на крещеніе, богатые Чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается съ своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи сего народа суровы и часто свирѣпы. Такъ, на примѣръ, сохранилось у нихъ противоестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, раждающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при семъ дѣйствиіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія Пра-

вительства и духовенства, сей ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще приобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ Чукчами. Каждое племя, каждый караванъ имѣють своихъ, одного или нѣсколькихъ шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814-мъ году, между Чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась вскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Кочень, одинъ изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Кочень былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что Чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки, угрозы, можетъ быть и побои, * не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Кочень, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для

* Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отмѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части, шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Такъ сильно вліяніе шаманства, которое заступаетъ здѣсь мѣсто религіи и отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, сбивчивыхъ преданій, никакихъ догматовъ, или правилъ, оно не имѣетъ, почему ученіе или преподаваніе шаманства невозможно. То, во что вѣрятъ шаманы и ихъ приверженцы, никѣмъ не выдуманно, и не есть твореніе одного человѣка, но раждается въ понятіяхъ каждаго отъ созерцанія внѣшнихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустынь Сибири одинаковъ съ степенью образованія, на которой стоять ея полудикіе обитатели, то и самыя впечатлѣнія внѣшнія, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видитъ и чувствуетъ для себя, но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра и цѣлаго народа. Отъ того, что шаманство есть, такъ сказать, твореніе каждаго, и каждому, какъ своя собственность, дорого, помоему мнѣнію, оно столь долго сохраняется, и не истребится между Сибирскими племенами до тѣхъ

поръ, пока они не выйдутъ изъ полудикаго состоянiя, или не оставятъ тундръ и скаль своего отечества, раждающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатльнiя. Когда кочующiя племена получаютъ осѣдлость, и наставленiя и примѣръ образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная въра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь и христіанство.

Обыкновенно, общее мнѣнiе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, пляска и кривлянiя которыхъ простое притворство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ Сибири, сей приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ одностороненъ, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенiя въ селенiе, и разными, по видимому сверхъ-естественными дѣйствiями, какъ то: безвредныхъ хватанiемъ раскаленнаго желѣза, прокальванiемъ руки длинною иглою, и т. д., удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ соединеннаго для извѣстной цѣли сословія, но образуются и совершенствуются сами собою. Среди народа раждаются люди съ сильнымъ, легко воспламеняемымъ воображенiемъ; съ малолѣтства слышатъ отъ стар-

шихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видятъ шаманскіе обряды, и неестественныя судорожныя движенія, всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть общества съ неземнымъ. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; сами шаманы незнаютъ, какимъ образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самого себя и окружающей его мрачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорячительныя средства напрягаютъ и растроиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ явленія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣрить имъ твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы; торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его пляскъ и приемамъ на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не производитъ какой нибудь перемѣны въ его духъ; оно просто внѣшняя церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣрить, есть и остается слѣдствіемъ расположенія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманномъ обманомъ, или притворствомъ. Всякій, кто видѣлъ и наблюдалъ истиннаго шамана, въ высшей степени восторга, согласится со мною, что шаманъ, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, не можетъ и не хочетъ обманывать, и что такое состояніе про-

исходитъ отъ невольнаго, неопределимаго вліянія чрезмѣрно напряженнаго и разстроеннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе. Пляска и гаданія шамановъ дѣлали на меня всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикій взоръ, налитые кровью глаза, сильный голосъ, съ трудомъ вырывающееся изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, стоящіе дыбомъ волосы, глухой звукъ бубновъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поражающее всякаго, даже и образованнаго человѣка. Мудрено ли, что необразованныя дикія дѣти природы видятъ въ томъ мрачное дѣйствіе злаго духа?

Но пора возвратиться къ ярмаркѣ и Чукчамъ. Ихъ палатки, какъ мы сказали, были расположены нѣсколькими отдѣльными группами, и представляли, хотя не привлекательное, но довольно живописное зрѣлище. Въ срединѣ каждаго отдѣленія, обыкновенно изъ десяти, или двадцати палатокъ состоящаго, стоитъ, прислонясь къ дереву, большой высокій шатеръ старшины; вокругъ помѣщаются дорожныя сани и привязываются избранныя домашніе олени; остальные большими табунами пасутся на тундрѣ и сами выгребаютъ себѣ пищу изъ-подъ снѣга. На вѣтвяхъ дерева развѣшены въ безпорядкѣ луки, колчаны, одежды, разноцвѣтныя мѣха и домашняя посуда. Изъ палатокъ поднимаются столбы искристаго дыма; иногда на снѣгу разложенъ огонь

и на немъ, въ котлахъ, варится оленина. Между палатками снуютъ закутанные въ мѣховыя платья, покрытые инеемъ Чукчи, и не смотря на морозъ въ 34°, спокойно и весело суетятся. Подумаешь по неволѣ, что они во все не знаютъ, что такое стужа!

Палатки шиваются изъ мягко выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ (ровдугъ) и растягиваются на нѣсколькихъ шестахъ, соединенныхъ верхними концами. Вверху оставляется отверстіе для дыма. Подъ наметомъ помѣщаются: кухня, гдѣ привѣшивается большой желѣзный котелъ, подъ которымъ раскладывается огонь, и собственно-жилая комната, или пологъ. Последний ни что иное, какъ большой мѣшокъ, сшитый изъ двойныхъ, тончайшихъ шкуръ молодыхъ оленей; онъ растягивается на тонкихъ шестахъ, въ видѣ большого четырехъ - угольнаго ящика, безъ всякаго отверстія для воздуха, или свѣта. Въ пологъ можно только сидѣть и двигаться на колыняхъ. Входящій поднимаетъ одну изъ шкуръ, служащихъ стѣнами полога, но столько, чтобы съ трудомъ можно было проползти на четверенькахъ, а потомъ опускаетъ и затыкаетъ подъ мѣха, лежащія на полу. Для освѣщенія и нагрѣванія полога стоитъ въ срединѣ довольно большой глиняный сосудъ, въ которомъ день и ночь горитъ мохъ въ китовомъ жиру. Этотъ огонь производитъ такой жаръ въ пологъ, что Чукчи сидятъ въ немъ при сильнѣйшихъ морозахъ, совершенно нагѣ. Иногда подъ однимъ наметомъ находятся два, или три полога,

изъ которыхъ въ каждомъ живутъ отдѣльныя семейства, или жены хозяина съ своими дѣтьми.

Леуть, одинъ изъ богатѣйшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ, пригласилъ меня къ себѣ, и я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь Чукчей, но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ выше-писаннымъ образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себя представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ Чукчей! Жена и семнадцати-лѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ, домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли, * и прибавивъ къ тому порядочную порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидить хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набивалъ

* Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не употребляютъ и не любятъ соли.

себя ротъ мясомъ и китовымъ жиромъ, перевозноя ломанымъ Русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены готовить китовый жиръ, такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посвященіе, спѣша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣтриваніе. Леуть справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, и по его житію можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ Чукчей. Удивительно, какъ при такой неприятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ сей остается сильнымъ и здоровымъ. Вообще Чукчи высокаго, стройнаго роста; окладомъ лица похожи на нагорныхъ Якутовъ (живущихъ въ окрестностяхъ Якутска), но отличаются языкомъ и одеждою. Произношеніе Чукотскаго языка чрезвычайно трудно для Европейца, потому, что слова состоятъ почти исключительно изъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Многіе звуки напоминаютъ гоготъ гуся, хорканіе оленя и лай собаки.

Другой старшина, Макомокъ, пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ Чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти все посѣтители ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличные клыка моржовые. По данному

знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искусству управлять симъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

Послѣ того бѣгали въ запуски—въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому, что Чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость Чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое ободреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоявшее изъ вареной оленины, разрыванной на мѣлкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

На другой день большое общество Чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чай и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разно-

цветнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска Чукчей заключала въ себѣ много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и болѣе, закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Въмѣсто музыки, нѣсколько Чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимое народное *pas de trois*, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, непосвященные въ таинства Чукотскаго вкуса, видели только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакожь, что онѣ дѣлали, дѣйствительно, не человѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту моего толмача предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и Чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну.

На шестой день послѣ нашего пріѣзда ярмарка окончилась. Чукотскіе старшины пришли еще разъ со мной проститься, и потомъ въ шести караван-

нах потянулись въ свое отечество. Тоже съѣзжали и другіе посѣтители ярмарки. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ Колымскими купцами, Коммиссаромъ и священникомъ. Островное опустѣло. Свѣжій снѣгъ изгладила слѣды многочисленныхъ посѣтителей. Тотчасъ явились стаи голодныхъ лисицъ и песцовъ, и въ короткое время уничтожили всѣ кости и остатки, валяшіеся грудами около жилищъ и становъ.

Марта 16-го выѣхали мы изъ Островнаго. Обратный путь, по хорошо уѣзженной дорогѣ, на отдохнувшихъ и откормленныхъ собакахъ, шель очень быстро, такъ, что 19-го Марта благополучно прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

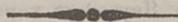
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
ГЛАВА I. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года. — Состояніе картъ въ то время. — Назначеніе отряда къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири.	1
ГЛАВА II. Отъѣздъ экспедиціи изъ С. Петербурга. — Прибытіе въ Иркутскъ. — Плаваніе по рѣкѣ Лень. — Городъ Якутскъ.	148
ГЛАВА III. Путь отъ Якутска до Нижне-Колымска. — Вьючныя лошади. — Первый ночлежъ. Якуты. Якутское селеніе Міоре. — Юрты, одежды, обряды, пѣсни, пища Якутовъ. — Якутскія деревни. — Черта Якутскаго характера. — Рѣка Алданъ, рѣка Тукуланъ. — Ночлежъ въ льсу. — Верхо-Янскій хребетъ. — Бродячіе Тунгусы. — Станки Баралась и Таболхъ. — Городокъ Зашиверскъ. — Окрестные жители. — Рѣка Алазая. Станокъ Сардахъ. — Средне-Колымскъ. — Зимнее дорожное платье. — Рѣка Омолопъ. — Ъзда на собакахъ. — Приѣздъ въ Нижне-Колымскъ.	174
ГЛАВА IV. Общія замѣчанія о низовой части Колымы и жителяхъ ея. Рѣка Колыма. — Климатъ. — Жители. — Селенія. — Берега. — Одевнія. — Образъ жизни. — Голодь. — Рыбные промыслы. — Береженіе рыбы въ прокъ. Охота за оленями: — Пушные звѣри и ловля ихъ. — Собаки, необходимый рабочій скоть.	221

- Глава V.** Нижне-Колымскъ.—Обзаведеніе наше.—Приу-
готовленіе экспедиціи.—Основательное сомнѣ-
ніе объ открытіяхъ сержанта Андреева.—При-
бытіе Англійскаго путешественника Кокрена.
Вечеринка.—Прибытіе штурмана Козьмина.—
Поездка на собакахъ.—Необходимое отступле-
ніе отъ первоначальнаго плана.—Извѣстіе о
прибытіи Чукчей съ Малаго Анюя и отъѣздъ
г. Матюшкина въ Островное. 269
- Глава VI.** Первое путешествіе на нартахъ по льду въ мо-
ре.—Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска.—Сухар-
ный островъ.—Барановъ Камень.—Ровный,
низменный морской берегъ.—Большая Барано-
ва рѣка.—Холодь.—Первые слѣды Чукчей.—
Метеоръ.—Проливъ Собадей.—Песчаный
мысъ.—Шелагскій мысъ.—Скала Козьмина.
Стадухинскій волокъ.—Мысъ Матюшкина.—
Островъ Араутанъ.—Потеря състныхъ при-
пасовъ.—Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ . 290
- Глава VII.** Отчетъ г-на Матюшкина о поездкѣ въ мѣ-
стечко Островное и тамошней ярмаркѣ.—За-
мѣчанія о встрѣченныхъ Чукчахъ и о Шама-
нахъ 328

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
48	3	71° 31'	71° 33'
74	4	отъ 2-й до 7 мили	на 2 итал. мили
116	9	<i>песконе</i>	<i>песконе</i>
222	11	въ некоторыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои зем- ли къ утесамъ	примыло къ горамъ земляную измен- ность.
	22 }	Кондакова, имѣющаго всѣ	Кондакова нахо-
	23 }	свойства лавы, встрѣчаютъ	дятся въ аспидъ
	24 }	известковые шары, ко- торые заключаютъ въ се- бѣ миндалеобразные кри- сталы халкедоновые и аметистовые.	известковые шары, заключающіе внут- ри кристалы аме- тистовъ и халкедо- новъ, въ видѣ такъ называемыхъ ще- токъ.
224	49	ручейковъ	протоковъ
226	21	Сентября; тогда....	Сентября и продол- жается до Ноября; тогда.....
	22	обыкновенно	не рѣдко
229	въ вынос. 2-я снизу	свѣжихъ съѣстныхъ при- пасовъ	врачебныхъ пособій

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
230	1	равнинахъ, столь сильнаго	равнинахъ, бывающаго съ появленіемъ солнца надъ горизонтомъ, столь сильнымъ.
		въ выноскѣ } Выводы его опытовъ помѣщены ниже—это совершенно <i>выпустить</i> , потому что они не помѣщены.	
258	22	Юкагира	Якута
266	12	въ Германіи	въ другихъ странахъ
267	6	въ котлѣ	въ черномъ чайникѣ
271	11	двѣ	четыре
272	10	на берегахъ	близъ береговъ
282	2	оленины	говядины

